

2020
N 2 (52)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский юридический институт
МВД России

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГАНАИМ Х.,
LLD, профессор,
Хайфский университет,
Израиль

GHANAYIM Kh.,
LLD, professor, University of Haifa
(Israel)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Омская академия МВД России	GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, honoured lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, The Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Университет Фехта (Германия)	SIEGMUNT O.A., PhD, Vechta University (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Kuban State University
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University
ЛУНЕЕВ В.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	LUNEEV V.V., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 22.06.2020. Дата выхода в свет 29.06.2020.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 15. Уч.-изд. л. 14.

Тираж 300 экз. Заказ N 040. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности		Section 1. Methodology of law enforcement activities	
МАЛЬКО А.В., МАРКУНИН Р.С. Правовая система общества и юридическая ответственность	6	MALKO A.V., MARKUNIN R.S. The legal system of the society and legal responsibility	
Раздел 2. Охрана и защита прав человека		Section 2. Human rights protection	
ВАЛОВ С.В. О теоретической модели системы рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации	14	VALOV S.V. On the theoretical model of the system for considering citizens' appeals in the Russian Federation	
Раздел 3. Административная деликтология		Section 3. Administrative delictology	
МАКАРЕЙКО Н.В. Административно-правовая ответственность и безответственность, их взаимосвязь с национальной безопасностью	25	MAKAREYKO N.V. Administrative responsibility and irresponsibility, their relationship with national security	
ЯРКОВОЙ С.В. Должностные административные правонарушения, совершаемые при осуществлении административной правоприменительной деятельности	39	YARKOVOY S.V. Administrative offences committed by officials while carrying out administrative law enforcement activities	
Раздел 4. Уголовный закон		Section 4. Criminal Law	
КОРЕННАЯ А.А. Незаконные организация и проведение азартных игр: дискуссионные вопросы квалификации	47	KORENNAYA A.A. Organizing and conducting illegal gambling activities: controversial issues concerning the qualification	
МОРОЗОВ В.И., ГАЛКИН В.В. О соотношении медицинского, патопсихологического и юридического критериев невменяемости	56	MOROZOV V.I., GALKIN V.V. On the correlation of medical, pathopsychological and legal criteria of insanity	
Раздел 5. Пенитенциарная система		Section 5. Penitentiary system	
ЕГОРОВА Т.И. Отдельные аспекты безопасности лишения свободы	69	EGOROVA T.I. Certain aspects of the safety of prisoners	
Раздел 6. Правоохранительная политика		Section 6. Law enforcement policy	
СЫСОЕВА О.В. Отличительные особенности проявления коррупции в предпринимательской деятельности: «коммерческий подкуп», «взятка»	76	SYSOEVA O.V. Distinctive features of corruption in business activities: "commercial bribery", "bribe"	
Раздел 7. Совершенствование правоохранительной практики		Section 7. Improving law enforcement practice	
АБЫЗОВ Р.М., РУСАНОВ Н.Ю. Тактические особенности допроса участников уголовного судопроизводства по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств	87	ABYZOV R.M., RUSANOV N.Yu. Peculiarities of the technique of interrogating the participants in criminal proceedings in cases related to drug trafficking	

ЯДЖИН Н.В., ЕГОРОВ В.А. Некоторые особенности получения сведений, содержащихся в базах данных операторов связи, в целях раскрытия и расследования преступлений

96

YADZHIN N.V., EGOROV V.A. Some features of obtaining the information contained in the databases of telecommunications operators for the purpose of crime detection and investigation

Раздел 8. Компаративистика и зарубежный опыт

Section 8. Comparative studies and foreign experience

КОРНЕЕВ С.А. Особенности уголовно-правового воздействия, определяемого решениями международных органов правосудия

107

KORNEEV S.A. Peculiarities of criminal law impact determined by the decisions of international tribunals

Раздел 9. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Section 9. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

ЧЕРНЯКОВА А.В. Объект компьютерного мошенничества

116

CHERNYAKOVA A.V. Object of computer fraud

ЕЛЧИЕВ М.Ф. Деятельность суда по устранению препятствий к рассмотрению и разрешению уголовных дел: анализ и предложения

125

ELCHIEV M.F. Activities of the court on removing the obstacles to trying and resolving the criminal cases: analysis and proposals

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

МАЛЬКО А.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, i_gp@ssla.ru Кафедра теории государства и права; Саратовская государственная юридическая академия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1	MALKO A.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, i_gp@ssla.ru Chair of theory of state and law; Saratov State Law Academy, Volskaya St. 1, Saratov, 410056, Russian Federation
---	--

МАРКУНИН Р.С., кандидат юридических наук, markunin88@yahoo.com Кафедра теории государства и права; Саратовская государственная юридическая академия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1	MARKUNIN R.S., Candidate of Legal Sciences, markunin88@yahoo.com Chair of theory of state and law; Saratov State Law Academy, Volskaya St. 1, Saratov, 410056, Russian Federation
--	---

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ*

Аннотация. Статья направлена на исследование правовых категорий «правовая система» и «юридическая ответственность» с анализом их взаимосвязи. Авторы рассматривают правовую систему с учетом основных подходов, существующих в юридической науке. Раскрываются основные признаки правовой системы и ее соотношение с правовой жизнью общества. Юридическая ответственность исследуется во взаимосвязи с позитивным и негативным аспектами ее проявления. Приводятся конкретные примеры мер конституционной ответственности в позитивном смысле этого слова. В завершение статьи делается вывод о том, что юридическая ответственность является важнейшим элементом всех компонентов правовой системы и основным инструментом поддержания высокого уровня законности и правопорядка в общественных отношениях.

Ключевые слова: право; правовая система; юридическая ответственность; правовая жизнь; правовое регулирование; дистанционные формы деятельности; правовая культура; правосознание; правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Малько А.В., Маркунин Р.С. Правовая система общества и юридическая ответственность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 6-13.

THE LEGAL SYSTEM OF THE SOCIETY AND LEGAL RESPONSIBILITY**

Annotation. The purpose of the article is studying the legal categories "legal system" and "legal responsibility" and analyzing their interrelation. The authors of the article consider the legal system taking into account the main approaches existing in legal science. The main features of the legal system and its relationship with the legal life of the society are revealed. Legal responsibility is analyzed in relation to the positive and negative aspects of its manifestation. Specific examples of the measures of constitutional responsibility in the positive sense of the word are given. The authors of the article come

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект N 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

** The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No 19-011-00103 A "Legal responsibility in the legal system of Russia: the concept of interaction, relationships and elimination of contradictions with other elements of the legal system".

to the conclusion that legal responsibility is the essential element of all components of the legal system and the main tool for maintaining a high level of law and order in public relations.

Keywords: law; legal system; legal responsibility; legal life; legal regulation; remote forms of activity; legal culture; legal consciousness; law enforcement activity.

For citation: Malko A.V., Markunin R.S. The legal system of the society and legal responsibility // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 6-13.

Правовая жизнь современного российского общества весьма сложна и противоречива. Она, как и всякие иные формы социальной жизни, состоит из различных явлений, подчас противоположно ориентированных процессов, как правомерных, так и противоправных деяний, как необходимых, так и случайных социальных связей. Подобная действительность нуждается в соответствующем упорядочении, которое призвана осуществлять правовая система.

Правовая система общества – категория, относительно недавно введенная в научный оборот юриспруденции. Она заимствована во многом из общей теории систем и других наук (прежде всего философии, социологии, политологии).

Эффективность этой категории создает гарантию успеха реализуемых в стране реформ и повышает степень обеспечения законности и правопорядка в обществе. Правовая система накапливает в себе всю совокупность нравственных начал и идей справедливости, доминирующих в обществе. Она аккумулирует нравственные, религиозные и иные идеалы, которые были сформированы за долгую и богатую историю конкретного государства. Необходимость в правовой системе испытывают даже наиболее сильные тоталитарные режимы, в которых, помимо огромного количества ограничений, можно наблюдать некоторую долю общесоциальных правовых ценностей [1, с. 3].

Четкое понимание правовой системы с ее особенностями и структурными элементами требуется для выстраивания эффективной концепции современной государственности, которая имела бы теоретическую и практическую значимость.

Отечественная теория на данный момент располагает тремя основными подходами к определению правовой системы.

Первый подразумевает анализ вышеназванной категории лишь с учетом

внешнего проявления и фиксации на законодательном уровне правовых норм. Сторонники данного подхода утверждают, что правовая система выступает в виде совокупности иерархически выстроенных правовых норм, закрепленных в нормативных правовых актах [2, с. 180]. Правовую систему можно представить в качестве единого и целого объединения норм права и их подразделений, в котором наверху будет находиться система права, включающая в себя уникальные подсистемы в виде институтов и отраслей. Таким образом, мы можем наблюдать признак иерархичности системы, который является обязательным для любого системного явления. Он помогает придать системе стройный и непротиворечивый вид [3, с. 253].

На наш взгляд, это излишне узкое понимание правовой системы, которое больше относится к системе права или системе законодательства.

Для второго подхода к пониманию правовой системы характерно включение в нее тех правовых явлений, которые так или иначе оказывают непосредственное влияние на общество. Система в такой интерпретации рассматривается как скопление правовых норм и юридически значимых явлений, к которым относятся правосознание, правовая культура и т.п. Правовая система становится совокупностью внутренне согласованных и объединенных общей целью правовых явлений конкретного общества, каждое из которых призвано выполнять конкретную задачу в процессе правовой или иных форм социального регулирования [4, с. 155].

Сторонники еще более широкого подхода к пониманию правовой системы утверждают, что в нее необходимо включать также элементы изначально неправовой природы [5, с. 158]. Однако подобная позиция представляется весьма сомнительной, поскольку такое понимание системы затрудняет ее разграничение с

иными системами социальной направленности. Основания для рассмотрения такой системы в качестве правовой становятся расплывчатыми, поскольку в нее будут входить элементы, которые не относятся к правовой реальности.

С учетом этого сторонники такого подхода придерживаются мнения, что другая категория — «правовая жизнь» дублирует правовую систему, поскольку она характеризуется также весьма широкими и собирательными признаками [6, с. 11]. На этот счет можно сказать, что правовая жизнь в виде одной из форм жизни социальной, которая раскрывается в нормативных правовых актах и по которой можно определить общий уровень развития правовых ценностей конкретного общества [7, с. 34], не является полностью аналогичной понятию правовой системы. Юридическая наука в данном случае использует знания и результаты других наук, которые традиционно оперируют «тремья китами». Например, в экономической науке существуют категории: «экономика» — «экономическая система» — «экономическая жизнь». В сфере политики имеется аналогичный состав: «политика» — «политическая система» — «политическая жизнь». По этой причине мы склонны считать, что внедрение в юриспруденции категории «правовая жизнь» позволяет отразить предельно широкий круг особенностей и характерных черт правовой жизнедеятельности, на это правовая система не способна.

Одновременно с этим для успешного изучения общественного развития требуется установить взаимосвязи между правовой жизнью и иными формами социальной жизни. Ставя такую задачу, необходимо понимать, что лишь категория «правовая жизнь» способна на подобное раскрытие особенностей общественного развития.

Следует подчеркнуть важность установления взаимосвязей правовой системы с родственными системами иных сфер жизнедеятельности (политической, экономической и т.д.). Однако при этом подобный анализ не позволяет раскрыть явления и взаимосвязи правовой жизни, поскольку эти категории неравнозначны и различны по объему. Следует всегда помнить, что

гарантия успешного исследования заключается в установлении взаимосвязей между явлениями одинакового уровня, статуса или класса. По этой причине лишь благодаря правовой жизни можно проследить влияние и взаимосвязи с экономической, политической, нравственной и иными формами социальной жизни.

Помимо вышеназванного, требуется уяснить, что правовая жизнь, включая в полном объеме правовую систему, содержит в себе не только статичные элементы, но и различные динамические процессы, происходящие в общественной жизни. Подобные процессы могут носить как системный, так и бессистемный характер. Таким образом, правовая жизнь содержит в себе статичные и динамические процессы, которые могут завершиться формированием или разрушением каких-либо правоотношений. При этом правовая система позволяет дать лишь конкретную характеристику общества как продукта реализации общественных отношений [8, с. 76].

В итоге можно констатировать, что по сравнению с правовой системой правовая жизнь разнообразнее и богаче по содержанию. Их сходство, на первый взгляд, отсутствует, поскольку имеются существенные различия в структуре. Система не способна вместить в себя подобные широкие взаимосвязи, влияющие на общество, которые могут охватываться лишь правовой жизнью. При анализе категории «правовая жизнь» вполне возможно проводить изучение правовой системы, которая входит в ее содержание. Правовая система в силу своего меньшего объема подвержена влиянию правовой жизни и зависима от нее. Изучение правовой жизни позволяет установить истоки развития права и в дальнейшем провести более углубленное исследование иных правовых явлений, в том числе и правовой системы.

Правовой системе присущи черты объективно существующего, исторически сложившегося правового явления, которое не подвержено влиянию личных интересов конкретных индивидов. Субъекты принимают участие в правовой жизни общества уже с учетом сформировавшихся до них системы ценностей и особенностей, отраженных в этом системном явлении. Благодаря наличию правовой системы индиви-

ды получают возможность удовлетворять интересы и осуществлять защиту своих законных прав и свобод. Таким образом, правовая система, являясь социальным образованием, проходит этапы становления и развития благодаря различным политическим и общегражданским столкновениям. В итоге система превращается в продукт сознательной деятельности людей, которому свойственны все характерные черты искусственно созданных вещей. Выступая подлинно человеческой организацией, правовая система носит ярко выраженную гуманитарную направленность и призвана защищать в первую очередь интересы человека и общества. Система дает человечеству возможность ознакомиться с фактами отечественной правовой жизни не с привычных формально-юридических и социологических позиций, а с учетом национально-исторических и культурно-типологических особенностей общества [9, с. 12].

Главная задача правовой системы – это изучение и по возможности приведение в порядок юридической жизни общества, в результате чего можно вести речь об организующем факторе правовой системы. Система представлена в качестве одной из сторон правовой жизни, цель которой заключается в организации и совершенствовании правовых явлений с последующим изучением их взаимосвязей [10, с. 50]. Правовая система состоит из надстройки, которая обозначает расположение различных правовых явлений в этой системе, и правовой основы, на которой строится вся общественная жизнь и государственная деятельность. Следует отметить, что в правовую основу включаются лишь те механизмы и явления, которые использует государство для регулирования общественной жизни в сферах экономики, политики, трудовых отношений и т.д.

Ряд авторов в правовую систему включает еще естественные потребности индивидов с их чувствами, традициями, волей, а также технико-юридические средства, которые используются объединениями и институтами гражданского общества [1, с. 3].

Однако существует суждение, которое ставит под сомнение истинность трактовки правовой системы в качестве предельно широкого понятия. Многие считают,

что будет ошибкой включать в категорию правовой системы все без исключения правовые явления, оказывающие влияние на общество и правовую действительность [11, с. 41]. Таким образом, потребность в категории «правовая жизнь» лишь увеличивается, поскольку она способна охватывать все сферы взаимодействия с правом. Обоснованность существования вышеназванной категории подтверждается также ее способностью включать в себя не только зафиксированные в нормах общепризнанные правовые явления, но и юридические объекты, содержащие различные отклонения от правовых идеалов [12, с. 51].

Часть авторов склонна утверждать, что при обосновании и введении в научный оборот новых понятий, таких как правовая жизнь или правовое поле, существующие категории начинают страдать уменьшением к ним научного интереса [13, с. 27]. В данном случае следует пояснить, что каждый ученый самостоятельно выбирает объект своего научного анализа, и это никак не может быть связано с пренебрежительным отношением к другим, более разработанным в научном плане категориям. Кроме того, понятие правовой жизни не заменяет понятие правовой системы, они остаются самостоятельными категориями и призваны отражать свой уровень юридической реальности.

Сами же авторы, которые убеждены в необоснованности категории «правовая жизнь», в своих работах указывают, что правовая система играет роль организующей конструкции по отношению к правовой жизни. При этом ее недопустимо относить к системным явлениям, так как в ее структуре отсутствуют взаимные системные связи компонентов и упорядоченные процессы. Отсюда следует вывод о том, что правовая жизнь – наиболее широкая общетеоретическая категория, содержащая в себе большое количество различных правовых явлений несистемного характера [13, с. 63].

Целый ряд исследователей, использовавших категорию «правовая система», показывают ее как весьма расплывчатое образование, стараясь придать ей характерные свойства всех системных явлений в виде внутренних связей и единства целей. Правовой системе также свойственна воз-

возможность расчленения на составные части и обратное их объединение. В связи с этим она становится похожей на комплекс взаимозависимых и внутренне согласованных компонентов в виде явлений и процессов, которые формируют общими усилиями целостное образование [14, с. 13]. Ж. Карбонье предпринимает попытки присвоить эти характерные черты правовой системы в своих работах, характеризуя социологическое понимание системы права. Однако в результате подобная совокупность выглядит не как правовая система, а как мало связанный между собой конгломерат явлений правовой действительности, который не имеет системных свойств [15, с. 14]. В данном случае более уместным было бы использование категории «правовая жизнь».

Мы склонны полагать, что первый и второй подходы отражают крайности в понимании правовой системы. Отсюда наиболее близким к истине является третий подход, который можно условно назвать компромиссным. Его особенность заключается в анализе процесса правового регулирования в качестве одной из функций правовой системы. Подобная функция реализуется за счет трех компонентов, а именно: создания, деятельности и установленных правил поведения. Их соотношение и взаимодействие могут быть различными в зависимости от конкретного общества, при этом само их наличие является обязательным для обеспечения функционирования любой правовой системы [16, с. 49].

По нашему мнению, правовая система — это особая разновидность социальной системы, состоящая из упорядоченной и конкретно-исторической совокупности права, правореализации и правосознания, взаимодействующих между собой и обеспечивающих организацию правовой жизни общества.

Признаками правовой системы общества выступают следующие ее характерные черты:

1) это разновидность социальной системы, которая функционирует в тесном взаимодействии с иными видами систем (политической, нравственной, экономической и т.д.);

2) это не простая совокупность, а упорядоченная, свидетельствующая о том,

что ее элементы взаимосвязаны в определенную целостность, взаимодействуя, создают некое единство;

3) это конкретно-историческое явление, отражающее соответствующий уровень правового развития общества, всегда имеет свое собственное содержание и соответствующую форму, с помощью которых ее можно отличить от правовых систем других государств;

4) это упорядоченная совокупность не абсолютно всех юридических явлений (что отражает категория «правовая жизнь общества»), а прежде всего права, правореализации и правосознания, которые выступают основными элементами (компонентами) правовой системы общества;

5) главной целью правовой системы выступает организация правовой жизни общества.

Исходя из сказанного, в структуру правовой системы общества можно включить такие подсистемы, как право, правореализация и правосознание, которые, в свою очередь, могут подразделяться на соответствующие более детальные элементы.

Компонентами правовой системы способны становиться такие подсистемы, которые формируют особую структуру, основывающуюся на социальной функции. Данные элементы также имеют свою структуру, но они располагаются в отдельных подсистемах [16, с. 49].

Однако в правовой системе общества есть такой элемент, который, по сути, «пронизывает» все подсистемы, так или иначе активно присутствует во всех ее основных компонентах. Этот межкомпонентный элемент выступает своего рода «стержневым» и обозначается как юридическая ответственность. Под юридической ответственностью можно понимать особую разновидность социальной ответственности, направленную на выполнение юридической обязанности и воплощающуюся в обеспечительных мерах убеждения, поощрения и наказания.

Приведенное определение показывает, что юридическая ответственность бывает как позитивной (перспективной), так и негативной (ретроспективной). И та и другая — части целостного правового явления (юридической ответственности), которые в рамках правовой системы нуждаются

в постоянном обновлении, чтобы соответствовать вызовам и угрозам, стоящим перед обществом. Важно своевременно вводить меры позитивной и негативной ответственности в механизм правового регулирования, чтобы они использовались в решении важнейших проблем.

Что касается позитивной ответственности, то о ней 15 января 2020 г. говорил Президент Российской Федерации В.В. Путин. В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации он, в частности, подчеркнул, что парламент способен взять на себя ответственность по вопросам формирования Правительства, а следовательно, и ответственность за его будущую политику*.

После внесения подобных положений в Конституцию Российской Федерации данные установки станут мерами конституционной ответственности в позитивном смысле этого слова.

Если же говорить о «введении в строй» негативной ответственности, то в связи с развитием цифровых технологий и, соответственно, со все большей распространенностью дистанционных форм деятельности возникает необходимость урегулирования данных отношений. В средствах массовой информации подчеркивается, что «все больше людей хотели бы работать дистанционно. Но это может привести к злоупотреблениям. Особую обеспокоенность вызывают условия труда работников, занятых на цифровых платформах, где трудно определить работодателя... В частности, законодательно нужно уточнить статус занятости на цифровых платформах и определить сферу ответственности работодателя...»**.

Понимание юридической ответственности в единстве ее позитивного и негативного проявлений способствует повышению результативности правоохранительной деятельности, в перечень задач которой входит защита прав, свобод и интересов субъектов охраняемых правоотношений. Уделяя должное внимание позитивной юридической ответственности,

правоохранительные органы осуществляют работу по профилактике недопустимости противоправного поведения со стороны граждан и юридических лиц. В случае совершения действий, противоречащих предписанию юридических норм, эффективное применение мер негативной ответственности в отношении виновных лиц будет способствовать достижению принципа социальной справедливости.

Правовая система за счет своих общегуманистических качеств и четкой организованности позволяет активно воздействовать на субъективные установки людей и регулировать возникающие в обществе правоотношения. Система предоставляет гражданам и их организациям возможность действовать свободно и реализовывать предоставленный перечень прав, соотнося его с общественными интересами. Одновременно с этим выстроенная правовая система, в которую входит институт юридической ответственности, сдерживает негативную деятельность граждан, помогает исключать негативные действия, связанные с произволом и своеволием.

В литературе обоснованно подчеркивается, что юридическая ответственность, являясь элементом правовой системы, включена во многие подсистемы последней. Она находит свое отражение на всех ее уровнях и выступает базовым началом для правовой реальности, эффективным механизмом ее существования (статике) и функционирования (динамики) [17, с. 56].

В частности, если говорить о такой подсистеме, как право, то именно в его нормах закрепляются меры юридической ответственности (наказание) и процедурные формы их возложения; на уровне правореализации юридическая ответственность может быть индивидуализирована (например, это касается договорной ответственности) либо исполнена в добровольной или принудительной форме; на уровне правосознания юридическая ответственность выполняет в основном воспитательную функцию.

Система закрепленных в нормативных правовых актах мер юридической ответственности, степень их адекватности и конкретности, а также потенциальная возможность эффективного их применения на практике являются показателем суще-

* Помочь тем, кому труднее // Рос. газ. 2020. 16 янв.

** Гусенко М. Ночь работе не помеха. Почему фрилансеры работают больше офисных сотрудников // Рос. газ. 2019. 10 сент.

ствующего уровня правовой культуры и правосознания конкретного государства. В связи с этим можно с уверенностью говорить о наличии неразрывной связи между эффективностью юридической ответственности и уровнем правосознания и правовой культуры общества.

Таким образом, юридическая ответственность выступает элементом всех компонентов правовой системы, средством всех ее подсистем, важнейшим способом охраны общественных отношений, обеспечения социальной безопасности, законности и правопорядка.

Список литературы

1. Дзыбова С.Г., Парасюк Е.А. Правовая система и гражданское общество: механизмы взаимовлияния // Российская юстиция. 2016. N 6. С. 2-5.
2. Егоров С.Н. Аксиоматические основы теории права. СПб.: Лексикон, 2001. 272 с.
3. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. 560 с.
4. Байтин М.И. Сущность права. Саратов: СГАП, 2001. 416 с.
5. Правовая система социализма. Функционирование и развитие / отв. ред. А.М. Васильев. М.: Юрид. лит., 1987. 327 с.
6. Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2005. 527 с.
7. Малько А.В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
8. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Правовая жизнь, ее содержание и формы // Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 431 с.
9. Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов: Полиграфист, 1994. 496 с.
10. Кухарук Т.В. Некоторые теоретико-методологические вопросы исследования понятия правовой системы общества // Правоведение. 1998. N 2. С. 46-50.
11. Явич Л.С. Сущность права. Л.: Ленинградский ун-т, 1985. 207 с.
12. Ветютнев Ю.Ю. «Свет» и «тьма» правовой жизни // Актуальные проблемы правовой политики и правовой жизни современной России: сб. ст. Тамбов, 2008. С. 50-57.
13. Сорокин В.В. Правовая система переходного периода: теоретические проблемы. М.: Юрлитинформ, 2003. 344 с.
14. Гайдидей Ю.М. Правовая система: понятие и признаки // Юридическая наука. 2014. N 3. С. 13-15.
15. Туманов В.А. Вступительная статья // Карбонье Ж. Юридическая социология к книге. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 3-4.
16. Тиунова Л.Б. О системном подходе к праву // Советское государство и право. 1986. N 10. С. 46-52.
17. Кузьмин И.А. Системная модель юридической ответственности. Иркутск: Иркутский юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 186 с.

References

1. Dzybova S.G., Parasyuk E.A. The legal system and civil society: mechanisms of mutual influence. Russian Justice, 2016, no. 6, pp. 2-5. (In Russ.).
2. Egorov S.N. Axiomatic foundations of the theory of law. St. Petersburg, Lexicon Publ., 2001. 272 p. (In Russ.).
3. Kerimov D.A. Methodology of law (subject, function, problems of philosophy of law). Moscow, Avanta+ Publ., 2001. 560 p. (In Russ.).
4. Baytin M.I. The essence of law. Saratov, Saratov State Academy of Law, 2001. 416 p. (In Russ.).
5. The legal system of socialism. Functioning and development. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1987. 327 p. (In Russ.).
6. Matuzov N.I. Legal life as an object of scientific research. Legal life in modern Russia: theoretical and methodological aspect. Saratov, Saratov State Academy of law, 2005. 527 p. (In Russ.).
7. Mal'ko A.V. Theory of legal policy. Moscow, Yurлитinform Publ., 2012. 328 p. (In Russ.).
8. Malakhov V.P., Eriashvili N.D. Legal life, its content and forms. Methodological and ideological problems of modern legal theory. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2011. 431 p. (In Russ.).
9. Sinyukov V.N. Russian legal system. Saratov, Polygraph Publ., 1994. 496 p. (In Russ.).
10. Kuharuk T.V. Some theoretical and methodological issues of the study of the concept of the legal system of society. Pravovedenie, 1998, no. 2, pp. 46-50. (In Russ.).
11. Yavich L.S. The Essence of law. Leningrad, Leningrad University, 1985. 207 p. (In Russ.).
12. Vetyutnev Yu.Yu. "Light" and "shadow" of legal life. Actual problems of legal policy and legal life of modern Russia. Tambov, 2008. Pp. 50-57. (In Russ.).

13. Sorokin V.V. Legal system of the transition period: theoretical problems. Moscow, Yurlitinform Publ., 2003. 344 p. (In Russ.).
14. Gaydidey Yu.M. Legal system: concept and signs. Legal science, 2014, no. 3, pp. 13-15. (In Russ.).
15. Tumanov V.A. Introductory article. Karbon'e Zh. Legal sociology. Blagoveshchensk, College of Humanities of Blagoveshchensk named after I.A. Baudouin de Courtenay, 1998. Pp. 3-4. (In Russ.).
16. Tiunova L.B. On a systematic approach to law. Soviet state and law, 1986, no. 10, pp. 46-52. (In Russ.).
17. Kuz'min I.A. System model of legal responsibility. Irkutsk, Irkutsk law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, 2018. 186 p. (In Russ.).

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

ВАЛОВ С.В., кандидат юридических наук, доцент, valov-s@rambler.ru Научно-исследовательский институт; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, 12	VALOV S.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, valov-s@rambler.ru Scientific Research Institute; Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Vrubel St. 12, Moscow, 125080, Russian Federation
---	---

О ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СИСТЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Автором статьи, констатирующим отсутствие в науке теоретической модели системы реализации в Российской Федерации права заявителей на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, поставлена цель разработать такую модель. В основу исследования положено представление о наличии устойчивых, постоянно воспроизводимых объективных связей между социальными явлениями, возникающими вследствие реализации неопределенным кругом субъектов принадлежащего им права на обращение в государственные органы, органы местного самоуправления и организации, выполняющие публичные функции. Для достижения цели применялись системный подход, метод моделирования, специальные методы исследования нормативных правовых актов, герменевтический и гипотетико-дедуктивный методы. В результате представлена теоретическая модель системы рассмотрения обращений в Российской Федерации, описан и обоснован ее компонентный состав, выявлен концепт системы.

Ключевые слова: конституционное право на обращение; рассмотрение обращений; система; модель системы; концепт системы; государство; заявитель.

Для цитирования: Валов С.В. О теоретической модели системы рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 14-24.

ON THE THEORETICAL MODEL OF THE SYSTEM FOR CONSIDERING CITIZENS' APPEALS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Having stated the absence of a theoretical model of the system for implementing the right of applicants to appeal to state and local authorities in the Russian Federation in the science, the author of the article aims to develop such a model. The research is based on the idea that there are stable, constantly reproducible objective links between social phenomena arising in connection with the implementation of the right to appeal to state bodies, local authorities and organizations that perform public functions by an indefinite number of subjects having this right. To achieve the goal, the following methods were used: the systematic approach, the modeling method, special methods of the research of normative legal acts, as well as hermeneutical and hypothetico-deductive methods. As a result, the theoretical model of the system for considering citizens' appeals in the Russian Federation is presented, its structure is described and substantiated, and the concept of the system is revealed.

Keywords: constitutional right to appeal; consideration of appeals; system; model of system; concept of system; state; applicant.

For citation: Valov S.V. On the theoretical model of the system for considering citizens' appeals in the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 14-24.

Введение. В нормативных правовых актах констатируется наличие в Российской Федерации единой системы реализации права заявителей на обращение в го-

сударственные органы и органы местного самоуправления*. Функционирование системы обеспечивается координацией действий всех ее компонентов, принятием и реализацией взаимосвязанных организационных, правовых, кадровых, информационных, методических, технических мер. Вместе с тем в теории права не представлена целостная модель такой системы, не определено соотношение системы реализации субъективного права и системы рассмотрения обращений на основе разграничения интересов личности и государства. Накопленная в различных отраслях науки совокупность знаний позволяет решить в настоящее время данную познавательную задачу, определить основные компоненты системы рассмотрения обращений в Российской Федерации, обосновать их наличие и функциональное предназначение, определить существующие между ними связи и выявить системообразующий концепт. Основными методами исследования выступали системный подход к изучению социальных явлений [1; 2, с. 32-34], метод моделирования [3, с. 9-12], специальные методы исследования нормативных правовых актов, а также герменевтический и гипотетико-дедуктивный методы [4, с. 11-16] уяснения и интерпретации результатов предшествующих исследований отдельных компонентов моделируемой системы.

1. Теоретические основы построения модели системы рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации

Право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления закреплено в ст. 33 Конституции Российской Федерации. Оно является непосредственно действующим субъективным публичным правом, определяющим в совокупности с иными правами и свободами человека и гражданина смысл, содержание и применение законов, деятельность

органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также содержание корреспондирующей ему обязанности государства, его органов и должностных лиц признавать, соблюдать и защищать данное право. В комплексе с другими конституционными правами и свободами, такими как право на доступ к информации (ч. 2 ст. 24, ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации), право непосредственного или представительного участия в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации), право на защиту принадлежащих ему законных прав (ст. 45 Конституции Российской Федерации), в том числе в суде (ст. 46 Конституции Российской Федерации), право на обращение создает конституционную основу субъект-субъектного (равного) взаимодействия личности и государства на территории, находящейся под юрисдикцией Российской Федерации.

В науке сложились представления о юридической природе права на обращение, которое относят преимущественно к числу политических прав и свобод, предоставляющих человеку возможность непосредственно участвовать в делах общества и государства в рамках прямой (непосредственной) демократии. Результаты исследования закономерностей его возникновения, содержательного наполнения, развития и совершенствования представлены не только в юриспруденции, но и в социологии (Богданова Е.А., 2006; Верещагина Л.Н., 2011; Меженин Ю.Э., 2013), политологии (Подъячев К.В., 2007), а также в документоведении и архивоведении (Жеребцова Л.А., 2008).

Заметим, что с учетом сложившейся на современном этапе судебной практики относимость права на обращение к политическим или личным правам зависит от состава субъектов данного права (гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства), реализуемого ими правомочия, составляющего содержание субъективного права [5, с. 26-27], и содержания определенных групп обращений (предложений, рекомендаций, заявлений, ходатайств, жалоб и пр.). Перечисленные сферы научного знания, в рамках которых исследовались закономерности реализа-

* О рабочей группе при Администрации Президента Российской Федерации по координации и оценке работы с обращениями граждан и организаций: распоряжение Президента Российской Федерации от 11 апр. 2011 г. N 219-рп; ред. от 20 апр. 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 16. Ст. 2285; 2013. N 16. Ст. 1947.

ции права на обращение, выделены исключительно с целью обратить внимание на источники информации о конструктивных элементах и компонентах системы.

В юридической науке теоретические основы рассмотрения обращений индивидов, их групп и объединений разрабатывались в конституционном, административном, уголовно-процессуальном праве.

В теории конституционного права определено содержание права на обращение, установлены его связи с иными элементами правового статуса личности, проведены отличия от иных политических и личных прав и свобод, предложены подходы к определению сущности обращения, описаны его виды и правовые формы, раскрыты механизм реализации права на обращение, содержание и структура правового института, предмет и метод правового регулирования. Значительный вклад в разработку теоретических основ содержательного наполнения и форм реализации конституционного права на обращение внесли специализированные труды Ю.М. Козлова (1953), В.И. Ремнева (1963), Т.А. Бочковой (1965), В.В. Малькова (1967), М.В. Карасевой (1989); фундаментальные научные исследования Н.А. Хаманевой (1997), М.А. Миронова (2002), А.В. Савоськина (2019); научные труды А.С. Загребельного (1984), И.Н. Струцкой (1988), Н.Н. Гук (1991), Ю.Н. Алистратова (1995), С.А. Широкова (1999), Н.А. Рудаковой (2002), А.А. Дворака (2003), М.В. Скрябиной (2007), Д.А. Сергеевой (2017), А.А. Титова (2019)*.

В особую группу следует выделить исследования О.В. Брежнева (1998), О.С. Хромовой (2006), Н.А. Ивановой (2007), Н.М. Голик (2008), Т.А. Николаевой (2008), М.А. Кокотовой (2015), посвященные закономерностям реализации права на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации.

Поскольку значительная часть обращений направляется заявителями в ор-

ганы исполнительной власти, то вопрос регулирования общественных отношений, связанных с рассмотрением заявлений, жалоб, предложений, изучался в теории административного права и процесса в работах М.Д. Загряцкого (1924), Ю.М. Козлова (1953), Л.В. Ивановой (2005), А.В. Новикова (2006), Б.В. Маслова (2008), С.В. Калининой (2011), А.Б. Агапова (2011) и других авторов.

В теории уголовного процесса знания о закономерностях реализации в ходе уголовного судопроизводства конституционного права на обращение представлены В.Л. Будниковым (1984), П.С. Морозовым (2004), М.И. Усаровым (2004), А.Г. Алексеевым (2005), С.В. Белобородовым (2006). Они исследовали принцип обжалования и гарантии его реализации; процессуальные формы, порядок и основания принесения заявлений, жалоб, ходатайств; обоснование содержания и форм реализации права на обжалование процессуальных действий и решений, а также содержание и структуру института обжалования (ходатайств и жалоб) действий (бездействия) и решений должностных лиц и органов государства, определение его места в системе уголовно-процессуального права. В работах В.И. Летучих (1972), Н.В. Григорьевой (2000), А.Н. Артамонова (2003), О.А. Максимова (2005), Е.К. Антонович (2006), В.В. Сидорова (2009) уточнены научные воззрения на объекты и предметы жалоб, правовой статус участников процессуальных отношений, возникающих в связи с подачей заявления, жалобы, ходатайства на досудебных стадиях, на действия и решения сторон данного вида правоотношений.

Знания о специфике реализации судебного контроля за законностью и обоснованностью процессуальных решений и действий органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, систематизированы в исследованиях А.В. Солодилова (2000), В.А. Азарова (2004), Н.Н. Ковтуна (2002), Н.Г. Муратовой (2004), И.Ю. Таричко (2004), посвященных системе судебного контроля, а также в специализированных работах Л.Н. Масленниковой (1994), Н.А. Колоколова (1998), В.А. Яблокова (2001), Н.А. Лопаткиной (2002), О.В. Химичевой (2004), А.С. Сбоева (2004), Н.В. Костериной (2005),

* Здесь и далее применен хронологический порядок изложения известных нам научных трудов. Использование указанного порядка позволит читателю проследить развитие научной мысли об институте обжалования в соответствующих областях знания.

И.Л. Петрухина (2008) об особенностях реализации на досудебных стадиях судебного контроля за деятельностью и решениями органов предварительного расследования. В исследованиях Р.В. Ярцева (2006), Н.С. Курышевой (2008), И.Р. Дочия (2009), А.И. Лалиева (2011), В.А. Терекян (2014) особое внимание уделено судебному порядку рассмотрения жалоб в соответствии со ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В специальных научных исследованиях проанализированы особенности функционирования ведомственных подсистем рассмотрения обращений: в прокуратуре – в работах С.В. Тысячной (2010), П.А. Белякова (2017), Н.В. Горак (2017); в таможенных органах – в исследовании М.Н. Шеметова (2010), в органах внутренних дел – в работах В.Н. Бутылина (1992), А.И. Третьякова (2002). С учетом наличия в разных правоохранительных органах должностных лиц со сходным правовым статусом проводились исследования закономерностей участия руководителя следственного органа в отношениях обжалования в уголовном судопроизводстве [6, с. 37-66].

Выявленные закономерности и отраслевые особенности реализации конституционного права на обращение создают теоретические предпосылки для установления связей между выделенными в указанных выше научных работах элементами и компонентами системы рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации.

При этом в контексте рассматриваемой проблемы термином «граждане» обозначаются любые лица (граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства) и разрешенные законом организационные формы объединения их усилий в различных сферах общественной жизни. Определяя круг субъектов, которые могут обращаться в органы государственной власти и местного самоуправления, Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что в основе правового статуса физических и юридических лиц лежат нормы Основного закона. Конституционное право человека и гражданина может распространяться на юридических лиц в той степени, в какой это право по своей природе может быть к ним применимо. Право создания объ-

единения граждан, в том числе в форме юридического лица, в целях их совместной деятельности в области взаимного интереса представляет собой одну из наиболее важных сторон права на свободу объединения. Исходя из правовой взаимосвязи и обусловленности конституционных прав на обращение и на объединение, мера возможного поведения объединений граждан, в том числе юридических лиц, – обращение в органы публичной власти является производной от конституционно установленного права граждан направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления*. Указанные субъекты, реализуя принадлежащее им право на обращение, обретают правовой статус заявителя в инициированных ими своим поведенческим актом общественных отношениях с органами публичной власти.

2. Основные компоненты системы рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации

Закрепление в Конституции Российской Федерации права на обращение требует формирования совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих организационных, правовых, информационных, технических и иных элементов статической и динамической природы. Они в комплексе создают каждому носителю данного права (вне зависимости от наличия у него особой правовой связи с Российской Федерацией) необходимые и достаточные гарантии для реализации без каких-либо временных и пространственных ограничений охраняемой законом меры юридически возможного поведения, направленного на удовлетворение интересов индивида обладать и пользоваться конкретными благами в обществе, а также обеспечивают действительную защиту такой модели поведения и эффективное восстановление посредством правосудия.

* По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 г. N 19-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 31. Ст. 4470.

Указанные элементы в своей совокупности при постоянном взаимодействии образуют в Российской Федерации систему рассмотрения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами, а также осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами обращений граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства и их объединений (в том числе юридических лиц) (далее – система рассмотрения обращений).

Результаты анализа ранее полученных знаний о закономерностях состава, структуры и порядка функционирования системы рассмотрения обращений позволяют утверждать, что ее концептом (системообразующим отношением) [7, с. 19-21, 69, 126-129] выступает связь всех составляющих ее элементов с конституционным правом индивида на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также в осуществляющие публично значимые функции государственные и муниципальные учреждения, иные организации и к их должностным лицам.

Анализ нормативных правовых актов, правоприменительной деятельности и судебной практики, научных публикаций позволяет выделить в системе рассмотрения обращений следующие компоненты:

1) концептуальное ядро системы – подсистему, в которой объединены основополагающие элементы, идентифицирующие систему и отличающие ее от иных системных образований, функционирующих в современном российском обществе;

2) функциональную подсистему, объединяющую в себе динамические элементы, характеризующие протекающие в системе процессы (выполняемые субъектами системы операции, действия, функции, связи между ними, сроки, методы, способы и методику выполнения действий и принятия решений, а также объединяющий их механизм);

3) организационную подсистему, в которой представлены модели упорядочения действий субъектов, непосредственно осуществляющих рассмотрение обращений, и видовой состав организационных

связей между ними, подходы к организационному проектированию и способы организационного обеспечения функций и их составляющих;

4) нормативную подсистему, связывающую между собой различные по своей природе социальные нормы, стандарты, требования и правила, среди которых в особую группу выделяются правовые нормы, регулирующие общественные отношения, возникающие в связи с реализацией индивидами конституционного права на обращение;

5) ресурсную подсистему, представляющую собой совокупность необходимых и достаточных для функционирования системы материально-технических, финансовых средств и иных ресурсов, а также процессов, обеспечивающих их получение, целевое использование, хранение и воспроизводство (кадровое, материально-техническое, финансовое, документационное, программно-аппаратное, информационное и иные виды обеспечения);

6) контрольную подсистему, основное предназначение элементов которой состоит в постоянном поддержании состояния и функционирования системы (во всех ее проявлениях, в различных сферах общественной жизни) в соответствии с ее концептуальной моделью (эталонными состоянием и нормативной моделью механизма функционирования).

В состав концептуального ядра теоретической модели системы рассмотрения обращений в Российской Федерации следует включить:

– сущность и понятие обращения; видовой состав и критерии их классификации;

– стороны (адресант и адресат) и участников (представители, посредники, соисполнители, иные субъекты) общественного отношения, возникающего в связи с получением обращения;

– принципы выстраивания общественных отношений между сторонами и участниками;

– объект и предмет обращения; пределы его рассмотрения и разрешения;

– интерес адресанта и компетенция адресата;

– каналы и формы прямой и обратной связи между участниками отношения;

– решения, принимаемые адресатом по результатам рассмотрения обращения;

– виды и меры ответственности сторон и участников за действия (бездействие) и решения, принятые в процессе взаимодействия.

Включение данных элементов в состав концептуального ядра определяется тем, что в любой сфере рассмотрения обращений именно их совокупность обуславливает специфику отраслевой подсистемы и одновременно в любом ее проявлении воспроизводит сущностные характеристики, отличающие систему рассмотрения обращений от любой иной в социуме. Содержательное наполнение указанных выше элементов в универсальной и отраслевых (как правило, судопроизводственных) подсистемах определяет совокупность существенных и отличительных признаков, состав и возможные структуры функциональной, организационной, нормативной и ресурсной подсистем и коммуникаций между ними, а также задает ориентир функционирования контрольной подсистемы, не позволяющей системе отклоняться от эталонного (нормального) состояния концептуального ядра и препятствующей возникновению и необратимому нарастанию энтропии под влиянием внутренних и внешних факторов и условий.

Функциональная подсистема отражает динамические элементы, которые характеризуют в пространственно-временном выражении происходящие в системе процессы, возникающие благодаря взаимосвязям между всеми статическими элементами. Ее познание позволяет увидеть внутреннее устройство функционирования системы рассмотрения обращений, последовательность и продолжительность совершения субъектами общественных отношений операций, действий и функций, разграничить обращение (как процесс волеизъявления) и разрешение облученных в различную правовую форму вопросов (рекомендаций, просьб, требований), адресованных компетентным органам, организациям, учреждениям или их должностным лицам в сфере частно-публичного взаимодействия члена социума и государства, а также производное от него взаимодействие должностных лиц и органов государства в связи с обращением индивида.

Условием результативного и эффективного функционирования системы является организационное обеспечение функций, их закрепление за конкретными исполнителями (органами, подразделениями, должностными лицами) на различных уровнях иерархической структуры государственного аппарата. Для закрепления функций за исполнителями могут быть применены различные модели организационного обеспечения. Жизнеспособность и эффективность применения той или иной модели оценивается в процессе организационного проектирования. Руководители государственных органов в зависимости от объемов и вида рассматриваемых обращений, изложенных в них предложений, требований и просьб, характера примененной модели распределения действий и операций между подразделениями и сотрудниками (работниками) и результатов воплощения проекта могут применять различные способы и формы организационного обеспечения функций, выполняемых в процессе рассмотрения обращений.

Нормативная подсистема закрепляет в своих элементах устоявшиеся и признанные большинством образцы поведения как носителей права, так и адресатов их обращений. Она выполняет регуляторную функцию. При этом в ней представлены нормы, относящиеся к различным типам социальных регуляторов [8, с. 9-10]: обычаям (нормы организационной культуры), морали (система принятых в обществе ценностей и норм), нравственности (совокупность универсальных и всеобщих принципов поведения индивида) и праву. Поскольку субъективное право на обращение признается естественно принадлежащим каждому, постольку правовые нормы рассматриваются в качестве специального средства, определяющего, при каких условиях и каким образом (посредством чего) носитель права может установить правоотношение в целях реализации в нем своей возможной меры поведения [9, с. 274]. Право в нормативной подсистеме рассматривается не как мера возможного поведения индивида (элемент концептуального ядра), субъективное право отдельной личности или социального объединения на различной основе, а как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, которые

возникают в связи с волеизъявлением носителя права и определяют субъективные права и юридические обязанности всех участников данного вида социального взаимодействия.

Указанная совокупность правовых норм образует многоотраслевой правовой институт обращений. Правовой институт имеет иерархическую структуру (в силу соподчиненности норм других отраслей права нормам конституционного права, а норм, изложенных в федеральных законах, нормам, содержащимся в федеральных конституционных законах или международных обязательствах Российской Федерации) при определенной автономности ее отраслевых (специализированных) элементов (*"lex specialis derogat generali"*) и приоритетности применения новых норм (*"lex posterior derogat priori"*) с учетом недопустимости обратного действия норм, ухудшающих положение сторон правоотношения (*"lex retro non agit; non reformatio in rejus"*). Учитывая статический и динамический подходы к описанию системы рассмотрения обращений, в нормативной подсистеме целесообразно выделить материальный и процессуальный (процедурный) компоненты. Следовательно, в нормативную подсистему включаются нормы материального и процессуального права, регулирующие отношения, возникающие в связи с реализацией индивидом в той или иной форме волеизъявления на обращение.

Важное значение для функционирования системы рассмотрения обращений имеет наличие необходимых и достаточных ресурсов, которые, во-первых, обеспечивают различные каналы коммуникаций индивидов и их групп с государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами, а также с осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами, во-вторых, создают необходимые условия для выполнения адресатами возложенных на них обязанностей по рассмотрению поступивших обращений. В соответствии с нормативными требованиями к ресурсам относят используемые и потенциальные источники удовлетворения потребностей

социальной организации, которые подразделяются на материальные и энергетические (первичные и вторичные), интеллектуальные, трудовые, информационные, финансовые, временные, традиционные и нетрадиционные*. Для обеспечения результативного и эффективного использования ресурсов (оборудование, сооружения, материалы, энергия, знания, финансы и персонал) в организации должны быть введены в действие процессы их предоставления, размещения, мониторинга, оценивания, оптимизации, поддержания в должном состоянии и защиты**.

В условиях четвертой промышленной революции к ресурсам, необходимым и достаточным для бесперебойного функционирования системы, следует отнести: а) общераспространенное, б) адаптированное и в) специально разработанное программное обеспечение, которым пользуются обе стороны общественных отношений, возникающих в связи с реализацией индивидами и их объединениями конституционного права на обращение. Функционал, предоставляемый современным программным обеспечением, фактически нивелирует пространственно-временные ограничители в социальных коммуникациях.

Обеспечению соответствия состояния и функционирования системы рассмотрения обращений эталонному образцу в статике и динамике, нацеленности системы на удовлетворение соответствующих социальных потребностей служит контрольная подсистема, которая призвана своевременно выявлять и устранять отклонения, инициировать выработку и реализацию профилактических мер. Ее наличие вызвано невозможностью в полной мере предвидеть объемы и последствия массового использования неопределенным кругом индиви-

* Ресурсосбережение. Термины и определения. ГОСТ Р 52104-2003: утв. постановлением Госстандарта Российской Федерации от 3 июля 2003 г. N 235-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества. ГОСТ Р ИСО 9004-2010: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 23 нояб. 2010 г. N 501-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дов принадлежащего им права на обращение, а также определить характер и степень совокупной реакции как территориально и функционально распределенного и иерархически выстроенного государственного аппарата, так и организаций, выполняющих публичные функции, на все поступающие в их адрес обращения. Энтропия объективно вызывается действием внутренних и внешних факторов и условий функционирования системы, проявляется в отклонении от целевых установок, снижении эффективности решения поставленных перед ней задач, дезорганизации составляющих ее компонентов и подсистем.

По субъектному составу адресаты обращений и субъекты контроля совпадают частично. Большинству из них обращения могут быть адресованы непосредственно, например в органы прокуратуры, Министерство юстиции Российской Федерации, Администрацию Президента Российской Федерации. Адресованные указанным органам обращения связаны с их компетенцией, публично реализуемыми функциями, целевое и содержательное наполнение которых определено ст. 18 Конституции Российской Федерации. Совпадение субъектного состава объясняется тем, что адресаты обращений помимо функции их рассмотрения реализуют в системе государственной власти возложенные на них контрольные и надзорные функции.

Среди элементов контрольной подсистемы следует особо выделить суды и принимаемые ими решения по обращениям граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, их объединений. Решения судов образуют прецедентный компонент контрольной подсистемы. Поскольку данные решения не создают новых правовых норм, являются образцами правоприменительной практики для сходных жизненных ситуаций или блокируют применение конкретных правовых норм, содержащихся в нормативных правовых актах различной юридической силы, то они, соответственно, не являются компонентами нормативной подсистемы. К их числу относятся судебные решения о соответствии федеральных законов Конституции Российской Федерации; решения о действии иных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы рассмотрения

обращений; обзоры судебных решений и совокупность отдельных решений определенных судов по конкретным делам.

С 1998 года* содержание права на обращение (при исчерпании всех конституционно установленных внутригосударственных средств судебной защиты) было расширено возможностью подачи жалоб на действия различных представителей власти в Европейский Суд по правам человека, юрисдикция которого по вопросам толкования и применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней является для Российской Федерации обязательной при условии, что такое толкование не противоречит Основному закону государства**. Следовательно, не противоречащие Конституции Российской Федерации решения Европейского Суда по правам человека о толковании и применении Конвенции о защите прав человека и основных свобод по конкретным делам входят в состав контрольной подсистемы.

Особое место в контрольной подсистеме занимают подразделения Администрации Президента Российской Федерации: Управление Президента Российской Федерации по работе с обращениями

* О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федер. закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 14. Ст. 1514.

** По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. N 21-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. N 30. Ст. 4658.

граждан и организаций*; рабочая группа при Администрации Президента Российской Федерации по координации и оценке работы с обращениями граждан и организаций**. Данное положение указанных органов в контрольной подсистеме объясняется тем, что Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти.

Наряду с возможными адресатами обращений в состав контрольной подсистемы входят субъекты, которые не имеют отношения к государственным органам и органам местного самоуправления. Так, создаваемые при федеральных органах исполнительной власти и их территориальных органах общественные советы призваны в ходе реализуемого ими контроля за деятельностью соответствующего государственного органа обеспечить учет потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиту прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений, негосударственных некоммерческих организаций при осуществлении государственной политики в сфере деятельности конкретного федерального органа исполнительной власти***.

* Об Управлении Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций: указ Президента Российской Федерации от 17 февр. 2010 г. N 201; ред. от 25 июля 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 8. Ст. 838; 2014. N 30 (ч. II). Ст. 4286.

** О рабочей группе при Администрации Президента Российской Федерации по координации и оценке работы с обращениями граждан и организаций: распоряжение Президента Российской Федерации от 11 апр. 2011 г. N 219-рп.

*** Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ; ред. от 27 дек. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 30 (ч. I). Ст. 4213; 2018. N 53 (ч. I). Ст. 8424; Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение): утв. решением совета Общественной палаты Российской Федерации от 5 июля 2018 г. N 55-С. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В состав контрольной подсистемы входит Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, который при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам в отличие от иных уполномоченных лиц (по правам ребенка, по защите прав предпринимателей)****. На осуществление им контрольной функции указывает тот факт, что Уполномоченный по правам человека рассматривает жалобы при условии, что ранее заявитель обжаловал решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих в судебном либо административном порядке, но не согласен с решениями, принятыми по его жалобе.

Вспомогательные функции по отношению к основным субъектам контрольной подсистемы выполняет Фонд развития информационной демократии и гражданского общества «Фонд информационной демократии», который является органом, уполномоченным на осуществление мониторинга и анализа результатов рассмотрения обращений граждан и организаций, общественных инициатив, а также на проведение анализа мер, принятых компетентными органами и должностными лицами по таким обращениям и инициативам*****.

Заключение. В качестве наиболее значимых результатов исследования рассматриваются следующие:

1. Система рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих правовых, организационных, методических, информационных, технических и иных элементов статической и динамической природы, которые в комплексе создают каждому

**** Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федер. конституционный закон от 26 февр. 1997 г. N 1-ФКЗ; ред. от 31 янв. 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 9. Ст. 1011. 2016. N 5. Ст. 552.

***** О мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и организаций: указ Президента Российской Федерации от 17 апр. 2017 г. N 171 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 17. Ст. 2545.

носителю данного права (индивиду или социальным объединениям индивидов) необходимые и достаточные гарантии для реализации без каких-либо временных и пространственных ограничений охраняемой законом меры юридически возможного поведения, направленной на удовлетворение интересов индивида обладать и пользоваться конкретными благами в обществе, а также обеспечивают ее действительную защиту и эффективное восстановление посредством правосудия.

2. Элементный состав системы рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации образуют следующие компоненты: концептуальное ядро, функциональная, организационная, нормативная, ресурсная, контрольная подсистемы.

3. Специфику системы определяет концептуальное ядро, объединяющее основополагающие элементы, которые в своей совокупности идентифицируют систему и отличают ее от иных публично-правовых систем в современном российском обществе. Помимо своего основного предназначения, концептуальное ядро обуславливает элементный состав иных подсистем: функциональной, организационной, нормативной, ресурсной, контрольной.

4. Теоретическая модель системы рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации представлена совокупностью взаимосвязанных и постоянно взаимодействующих между собой идеальных элементов, находящихся в отношении подобия с реально существующими объектами, явлениями, процессами и состояниями, между которыми в различных отраслях научного знания выявлены и описаны функциональные, причинно-следственные, пространственно-временные и иные связи и зависимости.

5. Теоретическое описание отдельных элементов и компонентов системы рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации представлено в социологии, политологии, юриспруденции, документоведении и архивоведении. Разработанная модель призвана объединить полученные из различных отраслей науки знания о системе рассмотрения обращений в Российской Федерации, показать

возникающие связи, имеющиеся зависимости и проявляющиеся закономерности не только между объективно существующими фактами, явлениями, состояниями и процессами, но и между их идеальными отражениями, содержательное наполнение которых обусловлено теорией познания и типом примененной в ее рамках методологии.

6. Теоретическое представление системы возможно в совокупности составляющих ее элементов в определенный момент времени (статическая модель) или посредством раскрытия механизма ее функционирования, изменения во времени, перехода из одного состояния в другое (динамическая модель).

В качестве направлений будущих исследований представляется целесообразным определить следующее:

1. Установление, описание и объяснение связей системы рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации с иными социальными системами, определение характера их взаимного влияния, проявляющихся и возможных последствий такого взаимодействия (системно-коммуникационный аспект исследования).

2. Определение всех видов связей, существующих между выделенными компонентами системы рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации, построение модели структуры данной системы (системно-структурный аспект исследования).

3. В силу функциональной дифференциации органов государства целесообразно выстроить познавательную модель, объединяющую в себе статические и динамические элементы описанной выше системы, позволяющие определить место и роль каждого государственного органа с учетом его многоуровневой иерархически выстроенной структуры (например, Следственного комитета Российской Федерации) или их совокупности (например, всех следственных органов вне зависимости от их ведомственной принадлежности) при рассмотрении поступающих к ним обращений граждан с учетом функциональной специализации (отраслевые аспекты функционирования системы).

Список литературы

1. Афанасьев В.Г. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. 1973. N 6. С. 98-111.
2. Садовский В.Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1979. М.: Наука, 1980. С. 29-54.
3. Майорова М.И. Моделирование социальных систем в условиях глобализации (социально-философский анализ): автореф. дис. ... филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2009. 19 с.
4. Дорожкин А.М., Шибаршина С.В. Гипотетико-дедуктивный метод научного исследования: область применения и основная интерпретация // Вестник Вятского государственного университета. 2017. N 2. С. 11-17.
5. Безруков А.В., Савоськин А.В. Особенности реализации в органах внутренних дел Российской Федерации конституционного права граждан на обращение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. N 2 (48). С. 25-35.
6. Бекетов А.О. Руководитель следственного органа как субъект отношений обжалования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2017. 249 с.
7. Уемов И.А. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
8. Солкина П.А. Социальные нормы и их реализация в жизни общества (социально-философский анализ): автореф. дис. ... философ. наук: 09.00.11. Красноярск, 2012. 22 с.
9. Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. Т. 2 / под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. 640 с.

References

1. Afanas'ev V.G. On the system approach in social cognition. Questions of philosophy, 1973, no. 6, pp. 98-111. (In Russ.).
2. Sadovskiy V.N. System approach and General theory of systems: status, main problems and prospects of development. System research. Methodological problems. Yearbook. 1979. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 29-54. (In Russ.).
3. Mayorova M.I. Modeling of social systems in the context of globalization (social and philosophical analysis). Autoabstract Cand. Diss. Krasnoyarsk, 2009. 19 p. (In Russ.).
4. Dorozhkin A.M., Shibarshina S.V. Hypothetical-deductive method of scientific research: scope and main interpretation. Bulletin of Vyatka State University, 2017, no 2, pp. 11-17. (In Russ.).
5. Bezrukov A.V., Savos'kin A.V. Features of the implementation of the constitutional right of citizens to appeal in the internal Affairs bodies of the Russian Federation. Legal science and law enforcement practice, 2019, no. 2 (48), pp. 25-35. (In Russ.).
6. Beketov A.O. Head of the investigative body as a subject of appeal relations. Cand. Diss. Omsk, 2017. 249 p. (In Russ.).
7. Uyomov I.A. System approach and General theory of systems. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 272 p. (In Russ.).
8. Solkina P.A. Social norms and their implementation in the life of society (social and philosophical analysis). Autoabstract Cand. Diss. Krasnoyarsk, 2012. 22 p. (In Russ.).
9. General theory of state and law. Academic course. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 640 p. (In Russ.).

Раздел 3. Административная деликтология

МАКАРЕЙКО Н.В., доктор юридических наук, доцент, Makareiko_nik@mail.ru Кафедра административного права и процесса; Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3	MAKAREYKO N.V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Makareiko_nik@mail.ru Chair of administrative law and process; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Ankudinovskoe Highway 3, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
---	---

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ*

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические вопросы обеспечения национальной безопасности, применяемых при этом методов. Акцент сделан на административной ответственности как виде юридической ответственности, которая в настоящее время получила широкое применение в ходе обеспечения национальной безопасности и отдельных ее видов. Относительная простота реализации, оперативность получения результатов провоцируют правоприменителей на необоснованное использование названного правоохранительного средства. В силу этого происходит трансформация административной ответственности в административную безответственность, это приводит к нарушению прав, ограничению свобод, возложению дополнительных обязанностей на граждан и юридических лиц, дистанцированию от создания правового государства и формирования гражданского общества. Ситуация усугубляется высокой динамикой законодательства об административных правонарушениях, бессистемным внесением в него изменений и дополнений как на федеральном, так и на региональном уровне. Делается аргументированный вывод, что стабильность и качество законодательного регулирования административной ответственности оказывают непосредственное влияние на ее применение, в ряде случаев приводят к ее трансформации в административную безответственность, которая негативно сказывается на обеспечении национальной безопасности. Автором сформулированы предложения по преодолению административной безответственности.

Ключевые слова: административная ответственность; административное принуждение; административная безответственность; национальная безопасность.

Для цитирования: Макарейко Н.В. Административно-правовая ответственность и безответственность, их взаимосвязь с национальной безопасностью // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 25-38.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY AND IRRESPONSIBILITY, THEIR RELATIONSHIP WITH NATIONAL SECURITY**

Annotation. The theoretical issues of ensuring national security and the methods used in this process are analyzed in the article. The emphasis is placed on administrative responsibility as a type of legal responsibility, which is currently widely used in the process of ensuring national security and its particular types. The relative simplicity of its implementation and the promptness of obtaining results provoke law enforcement officers on unreasonable use of this law enforcement

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект N 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

** The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-011-00083 A «Legal Responsibility in the Mechanism of Ensuring National Security».

action. Because of this, administrative responsibility is transformed into administrative irresponsibility, which leads to violation of rights, restriction of freedoms, imposing additional duties on citizens and legal entities, distancing from the creation of the rule of law and the formation of civil society. The situation is complicated by the high dynamics of legislation on administrative offences and unsystematic introducing amendments and additions at both the federal and regional levels. A reasoned conclusion is made that the stability and quality of the legislative regulation of administrative responsibility have a direct impact on its application, and in some cases lead to its transformation into administrative irresponsibility, which negatively affects the mechanism of ensuring national security. The proposals for overcoming administrative irresponsibility are formulated by the author of the article.

Keywords: administrative responsibility; administrative coercion; administrative irresponsibility; national security.

For citation: Makareyko N.V. Administrative responsibility and irresponsibility, their relationship with national security // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 25-38.

Введение. Предваряя содержательное рассмотрение заявленной темы, необходимо отметить ряд базовых положений, на которые мы будем опираться в процессе исследования. Прежде всего, они относятся к представлению об административной ответственности и безответственности, без их осмысления не представляется возможным познать взаимосвязи между ними и национальной безопасностью. В теории административного права традиционно акцентируется внимание на вопросах административной ответственности. Повышенный интерес к данной проблематике объясняется по меньшей мере следующими обстоятельствами.

Во-первых, административная ответственность является наиболее широко применяемым видом юридической ответственности. Такое положение предопределено тем, что в соответствии со ст. 1.1 КоАП РФ законодательство об административных правонарушениях включает два блока: федеральный и региональный. Правомочиями по привлечению к административной ответственности обладает широкий круг субъектов административной юрисдикции. В ряде случаев их количество необоснованно увеличивается в угоду решения текущих задач.

Во-вторых, в отличие от других видов административного принуждения, законодательство, регулирующее административную ответственность, на федеральном уровне кодифицировано. Данный способ систематизации избран многими органами законодательной власти субъектов Российской Федерации при формировании региональных законодательных моделей института административной ответственности.

В-третьих, в настоящее время проходит полномасштабная реформа законодательства об административных правонарушениях. В конце марта 2019 года была сформирована межведомственная рабочая группа по подготовке нового КоАП РФ. Результатом ее деятельности явилась разработка следующих законопроектов: Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Федерального закона «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Указанные законопроекты к 30 января 2020 г. были размещены в сети Интернет на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов для общественного обсуждения, оценки регулирующего воздействия, осуществления независимой антикоррупционной экспертизы.

Административная ответственность в настоящее время выступает в качестве действенного средства обеспечения правопорядка и безопасности. Без всякого преувеличения она является одним из базовых институтов административного права. Ее потенциал позволяет обеспечивать охрану отношений, которые являются предметом регулирования различных отраслей российского права, что свидетельствует о ее универсальном характере. В связи с этим от качественного закрепления и применения административной ответственности зависит эффективность функционирования ряда отраслей и институтов права. При этом следует учитывать специфи-

ку административной ответственности, а именно то обстоятельство, что она одновременно является видом юридической ответственности и административного принуждения.

Несмотря на значительное внимание к данной теме, следует признать, что ее «проблемное поле» далеко не исчерпано. Об этом свидетельствует наличие научных публикаций различных жанров и глубины. В настоящее время в теории административного права сформировалось и активно развивается отдельное научное направление, в рамках которого исследуются причины административных правонарушений и средства противодействия им. Данное направление научного поиска оформилось в виде административной деликтологии [1].

Н.В. Витрук отмечает, что при дифференциации юридической ответственности важную роль играет отраслевой критерий, использование которого позволяет выделить гражданско-правовую, материальную, дисциплинарную, административную и уголовную ответственность [2, с. 93]. Встроенность административной ответственности в систему юридической ответственности свидетельствует о том, что она находится в сложных генетических, функциональных (координационных, субординационных) связях с ее отдельными видами. Познание указанных связей несет в себе важный эвристический потенциал, так как позволяет глубже проникнуть в сущность рассматриваемого явления, наиболее качественно закрепить его в соответствующих источниках, избрать и осуществить наиболее рациональный алгоритм правоприменения.

При исследовании административной ответственности важно учитывать, что она органически встроена в систему юридической ответственности и административного принуждения. В силу этого она аккумулировала в себе свойства как первого, так и второго явления, что в значительной степени усиливает ее потенциал [3, с. 21].

Антиподом административной ответственности выступает административная безответственность. Несмотря на реальность, а не мнимость данного явления, термин «административная безответственность» в настоящее время не включен в административно-правовой тезаурус. Сле-

дует признать, что в общетеоретическом плане предпринимаются попытки изучения названного явления. «Юридическая безответственность» рассматривается под углом зрения аномии философами и социологами [4; 5]. В юриспруденции не сложилось единое представление о юридической безответственности. Ее связывают с правовой антикультурой, делается акцент на низком уровне правосознания субъектов права [6, с. 22-23]. Не отрицая связи между юридической безответственностью и правонарушениями, заметим, что их отождествление ошибочно [7, с. 80]. Очевидно, что совершение правонарушения, в том числе и административного, является одной из форм административной безответственности, но не может быть сведено исключительно к данной форме поведения субъекта права.

Следует признать более глубинную природу безответственности, ее обусловленности рядом факторов административно-правового, духовного-нравственного, организационного, технико-юридического и иного характера. Причина административной безответственности может заключаться и в преувеличении потенциала административной ответственности, ее применения в тех ситуациях, когда она не только не эффективна, но и опасна. Известно, что незаконное применение административной ответственности в ряде ситуаций может выступить катализатором ответного противоправного, в том числе преступного, поведения. Законодатель и правоприменитель должны осознавать и принимать на себя ответственность за установление и применение административной ответственности, экономить ее потенциал. Следует понимать, что оперативность получения результата посредством административной ответственности в ряде случаев оборачивается его неустойчивостью, значительными издержками, в том числе и падением авторитета государственной власти.

При установлении и применении административной ответственности важное значение имеет диагностика и верное определение объекта правоохраны. Следует избегать крайностей, а именно установления административной ответственности в случае ее избыточности, когда по-

зтитивный результат может быть получен принудительным путем. Другой крайностью является отказ от установления административной ответственности, когда такое бездействие может привести к более опасным общественным последствиям. В связи с этим всемерно актуализируется проблема пределов административной ответственности.

Использование системного подхода позволяет сделать вывод о наличии связи между административной ответственностью, безответственностью и национальной безопасностью. Национальная безопасность является тем социально-правовым явлением, от состояния которого зависит сохранение жизни и здоровья граждан, обеспечение устойчивости общественного развития, сохранение государственности. В связи с этим актуальна проблема поиска и применения наиболее эффективных средств обеспечения национальной безопасности. Значимость административной ответственности в решении данной задачи обусловлена необходимостью закрепить и обеспечить применение мер административной ответственности, которые должны стать действенным средством выполнения уполномоченными субъектами (органы государственной власти, местного самоуправления, их должностные лица), а также гражданами и юридическими лицами возложенных на них обязанностей в сфере национальной безопасности. Административная ответственность должна выступать в качестве действенного инструмента преодоления безответственности в данной сфере правоохраны.

В настоящее время осуществляется интенсивное формирование нормативной правовой базы национальной безопасности. Относящимися к данной сфере являются следующие федеральные законы: от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности»; от 21 декабря 1994 г. N 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; от 9 февраля 2007 г. N 16-ФЗ «О транспортной безопасности»; от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии

легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; от 21 июля 2011 г. N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»*.

Существенную роль в формировании нормативной правовой базы национальной безопасности играют акты стратегического планирования. В них закреплены государственные приоритеты, цели, задачи и механизмы их достижения в сфере национальной безопасности и ее отдельных областях. Необходимо отметить, что, по данным информационно-правового портала «Гарант», ряд правовых актов не был официально опубликован: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. N Пр-2685; Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. N Пр-2753; Морская доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 26 июля 2015 г.

Значительная роль в формировании нормативной правовой базы национальной безопасности отводится подзаконным нормативным правовым актам, которые являются источниками административного права. К их числу следует отнести: Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683; Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. N 20; Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденную указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. N 690; Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. N 208; Доктрину информационной безопасности Российской Феде-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 2; 1994. N 35. Ст. 3648; 2002. N 30. Ст. 3031; 2006. N 11. Ст. 1146; 2007. N 7. Ст. 837; 2001. N 33 (ч. 1). Ст. 3418; 2011. N 30 (ч. 1). Ст. 4604.

рации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. N 646; Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. N 203*, и др.

Предложенный перечень нормативных правовых актов необходим для характеристики административной ответственности и безответственности в сфере национальной безопасности. Такой подход обусловлен тем, что подавляющее число составов административных правонарушений в рассматриваемой сфере имеет бланкетный характер [8, с. 21], и в силу этого требуется обращение к источникам позитивного регулирования.

Основная часть исследования.

При исследовании административной ответственности распространенной ошибкой является акцентирование внимания на периферийных проблемах законодательства об административных правонарушениях, его применения. В частности, на отсутствии соответствующей нормы-дефиниции, закрепляющей определение понятия «административная ответственность». Не умаляя роли и значения понятийного аппарата при характеристике административно-правовых явлений, следует отметить, что культивация такого подхода содержит в себе существенную опасность. При своей абсолютизации он может повлечь за собой значительные издержки, а именно уход от административно-правовой действительности, расходование сил и средств на познание тех явлений, которые не представляют теоретической и прикладной ценности.

Убеждены, что вектор доктринального осмысления должен быть направлен на поиск и обоснование устойчивых и повторяющихся взаимосвязей, исключив при этом единичные и случайные с тем, чтобы не допустить выявления и обоснования ошибочных закономерностей, свойственных административной ответственности.

При исследовании административной ответственности основной акцент

обычно делается на ее ретроспективном аспекте. Такое положение объясняется сложившейся традицией, которая приводит к отрицанию позитивной составляющей административной ответственности и в значительной степени обедняет ее возможности. В ряде случаев имеет место сведение административной ответственности исключительно к административным наказаниям. Подобный подход представляется потенциально опасным, он не позволяет в полной мере использовать возможности административной ответственности, относит ее исключительно к инструменту постпротивоправного административно-правового реагирования. В этом случае ресурс предупредительного воздействия административной ответственности будет в существенной мере ограничен.

В теории административно-деликтного права не преодолена односторонность восприятия административной ответственности, когда игнорируется ее позитивная составляющая, хотя в данном направлении и предпринимаются определенные усилия [9, с. 30]. Рассмотрение административной ответственности в единстве позитивного и ретроспективного аспектов позволит устранить искаженное восприятие явления, предупредить дефекты его нормативного правового оформления, а в практической деятельности будет способствовать повышению эффективности и законности ее применения.

Потенциал административной ответственности оказывает воздействие, а точнее, должен его оказывать задолго до факта совершения субъектом конкретного административного правонарушения. Информационно-ориентационная составляющая, заключенная в законодательстве об административных правонарушениях, должна «снимать» противоправные установки у потенциальных нарушителей, стимулировать их правомерное поведение, способствовать достижению позитивных результатов правомерными способами.

При характеристике административной ответственности необходимо учитывать ее связи с другими видами юридической ответственности. Особенно очевидна такая связь с дисциплинарной ответственностью. Административное правонарушение как фактическое основание админи-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212; 2020. N 4. Ст. 345; 2010. N 24. Ст. 3015; 2017. N 20. Ст. 2902; 2016. N 50. Ст. 7074; 2017. N 20. Ст. 2901.

стративной ответственности в некоторых случаях, когда в качестве субъекта его совершения выступают военнослужащие и иные лица, на действия которых распространяются положения специальных актов о государственной службе, влечет за собой дисциплинарную ответственность (ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ). В данном случае имеет место очевидная генетическая связь. Ее значимость важна в силу того, что названные выше субъекты наиболее активно участвуют в обеспечении национальной безопасности и ее отдельных видов.

Подобная связь обнаруживается между административной и уголовной ответственностью. Она в значительной степени актуализировалась в силу расширения перечней составов преступлений с административной преюдицией (ст.ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 171.4, 215.4, 212.1, 264.1, 284.1, 314.1 УК РФ). При этом возрастает опасность юридической ошибки, так как речь идет о взаимосвязи двух видов юридической ответственности и, соответственно, производства по делу об административном правонарушении и уголовного судопроизводства [10, с. 29]. Следовательно, стоит сложная задача — на законодательном уровне «развести» соответствующие виды юридической ответственности, осуществить дифференциацию деяний по степени их общественной опасности, то есть диагностику и последующую легализацию связей субординации и координации. При этом такие связи существуют не только между административной ответственностью и определенными видами публичной ответственности, но и с частноправовой (гражданско-правовой, материальной) ответственностью.

При исследовании административной ответственности необходимо учитывать ее связь с другими формами административного принуждения. К.С. Бельский, выступая на «Лазаревских чтениях», предостерег от рассмотрения административной ответственности в отрыве от административного принуждения как родового явления. В связи с этим делается закономерный вывод, что «такой подход в исследовании не способствует более полному и глубокому пониманию как административной ответственности, так и административного принуждения» [11, с. 18]. Подобное положение

И.А. Галаган связывает с недостаточностью изучения института административного принуждения, с накоплением необходимого объема административно-правовых знаний, с последующим использованием метода классификации [12, с. 171].

Административная ответственность является формой государственно-правовой реакции на факт совершения административного правонарушения (ретроспективный аспект). В данном случае можно констатировать запаздывание в реагировании на акт административно-противоправного поведения. Неспособность правоприменителя своевременно диагностировать правоохранительную ситуацию, выявить существующие и потенциальные риски (что имеет особую остроту в сфере национальной безопасности), отказ от применения мер административного предупреждения и пресечения приводят к необходимости задействовать ресурс административной ответственности. В данном случае обнаруживаются очевидные генетические связи между указанными видами административного принуждения, с одной стороны, и административной ответственности — с другой. Не умаляя значение данной связи, следует учитывать, что потенциал мер административного предупреждения и пресечения используется для противодействия преступлениям, а также иным противоправным деяниям, когда отсутствуют составы соответствующих правонарушений, например, при недостижении возраста юридической ответственности, невменяемости субъекта.

Наиболее тесная функциональная связь существует между административной ответственностью и мерами административно-процессуального обеспечения. Следует разделить точку зрения П.П. Серкова, согласно которой названные меры применяются в целях гарантий назначения и исполнения административных наказаний как средства реализации административной ответственности [13, с. 221]. Данная связь подчеркнута в КоАП РФ при закреплении характеристик отдельных административных наказаний. Так, срок административного задержания (ст. 27.5 КоАП РФ) засчитывается в срок административного ареста (ст. 3.9 КоАП РФ). Аналогичный механизм используется при исполнении

административного приостановления деятельности (ст. 3.12 КоАП РФ), когда следует учитывать срок применения такой меры процессуального обеспечения, как запрет деятельности (ст. 27.16 КоАП РФ). Указанный законодательный подход свидетельствует как о наличии функциональной связи координации, так и об определенном гуманизме института административной ответственности.

В настоящее время институту административной ответственности свойственны следующие тенденции: интенсивное изменение законодательства; увеличение количества составов административных правонарушений; расширение квалифицированных составов административных правонарушений; ужесточение административных наказаний; расширение ответственности юридических лиц; стирание границ между административной и уголовной ответственностью; подмена целей административной ответственности целью пополнения доходной части соответствующих бюджетов; интенсивное развитие регионального законодательства об административных правонарушениях [14, с. 36-37]. При этом следует учитывать опасность использования формальных составов административных правонарушений в сфере национальной безопасности, когда применение административной ответственности не требует наступления конкретных противоправных последствий.

Названные тенденции в основном носят негативный характер. В связи с этим актуализируется проблема административной безответственности. Изучение специальной литературы позволяет заключить, что в ней практически отсутствует термин «административная безответственность». Вместе с тем это не является основанием утверждать о его надуманности, искусственном характере. Д.А. Липинский убедительно аргументирует необходимость выделения нескольких групп признаков юридической безответственности: 1) институционные; 2) правореализационные; 3) находящиеся в сфере индивидуального и коллективного правосознания; 4) обусловленные правонарушением или злоупотреблением правом [15, с. 11]. Данный подход будет использован при рассмотрении административной безответ-

ственности. Сфокусируем внимание на институционной (нормативно-правовой) и правореализационной (правоприменительной) составляющих административной безответственности.

Важность рассмотрения состояния законодательства об административных правонарушениях предопределена тем, что оно является обязательным условием реализации административной ответственности, а также характеристикой институционной составляющей административной безответственности. Одним из наиболее существенных признаков административной безответственности является избыточность норм, устанавливающих административную ответственность. «Фирменным» знаком законодателя стало принятие узкопрофильных законов и сопровождение их внесением изменений и дополнений в КоАП РФ. При этом все они имеют общую направленность: введение новых составов административных правонарушений; усиление мер административных наказаний за ранее совершенные деяния. Законодатель обедняет инструментарий правоприменителей, отказывается от использования системного подхода, игнорируя потенциал мер административного предупреждения и восстановления.

Б.В. Россинским доказана не только перспективность, но и необходимость использования системного подхода при реформировании института административной ответственности. Его использование позволит учесть закономерности в охране отношений от административно-правовых посягательств, оптимизировать закрепление административных наказаний [16, с. 7]. Отказ от использования системного подхода привел к тому, что в ряде случаев применение административной ответственности предусмотрено, когда охраняемые отношения могли быть защищены посредством потенциала гражданско-правовой ответственности, привлечения к дисциплинарной ответственности соответствующих должностных лиц.

Необоснованная законотворческая активность привела к разрушению концепции, которая на рубеже XX-XXI столетий была положена в основу КоАП РФ. В настоящее время законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях набрало такую «крити-

ческую массу», что оптимальным выходом является принятие нового кодифицированного акта об административных правонарушениях. Ознакомление с проектом нового КоАП РФ позволяет констатировать, что он кардинально не повышает качество нормативного правового регулирования института административной ответственности, а следовательно, не позволит снизить уровень институциональной составляющей административной безответственности.

Необходимо отметить очевидный, но замалчиваемый факт влияния административно-правовой науки на усиление правотворческой составляющей административной безответственности. Особенно данная тенденция видна на примере диссертационных исследований по научной специальности «12.00.14 – Административное право; административный процесс», когда соискатели формулируют предложения по расширению границ административной ответственности, не вдаваясь в прогнозирование последствий реализации предлагаемых законодательных новелл.

Следует отметить, что в литературе административную безответственность обоснованно связывают с отсутствием норм публичного права, устанавливающих административную ответственность, то есть с пробельностью административно-деликтного законодательства. Казалось бы, что такое невозможно на фоне постоянного расширения границ административной ответственности. Между тем в настоящее время отсутствует административная ответственность за ряд нарушений в области национальной безопасности, в частности, безопасности дорожного движения. Такое состояние провоцирует «совершение более опасных административных правонарушений, а то и преступлений» [17, с. 232].

На законодательном уровне традиционно проявляется повышенное внимание использованию потенциала административной ответственности в области обеспечения безопасности дорожного движения. Оно выражается в усилении административной ответственности за те правонарушения, которые легче всего могут быть зафиксированы специальными техническими средствами в автоматическом режиме (чаще всего это превышение уста-

новленной скорости движения). При этом указанное административное правонарушение не является доминирующим фактором совершения дорожно-транспортных происшествий. На этом фоне отсутствует ответственность за дорожно-транспортные происшествия, повлекшие причинение имущественного ущерба, которая ранее была установлена ст. 118 КоАП РСФСР.

Одной из составляющих административной безответственности является игнорирование требований ст. 1.1 КоАП РФ, в соответствии с которой на федеральном уровне все нормы, устанавливающие административную ответственность, должны быть включены в КоАП РФ. Следует признать, что, несмотря на предпринимаемые усилия, в настоящее время не проведена всеобщая кодификация законодательства об административных правонарушениях на федеральном уровне.

Н.В. Витрук солидаризируется с мнениями представителей отраслевой административно-правовой науки, учитывая правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, приходит к выводу, что финансово-бюджетная и налоговая ответственность не обладают самостоятельным статусом, а являются внутривидовой административной ответственностью [18, с. 210-213]. Главы 16 и 18 НК РФ, отдельные законодательные акты о государственных внебюджетных фондах, о банковской деятельности не свободны от составов административных правонарушений. Данная негативная тенденция сохраняется и в проекте КоАП РФ.

При рассмотрении институциональной характеристики административной ответственности игнорируется то обстоятельство, что на уровне подзаконного нормативного правового регулирования происходит расширение границ ее закрепления. Такое положение обусловлено тем, что подавляющее большинство норм Особенной части КоАП РФ носит бланкетный характер. Путем изменения соответствующих нормативов, которые используются в ходе отправления государственного контроля (надзора), органы исполнительной власти, минуя сложную процедуру законотворчества, расширяют пределы административной ответственности. При этом, по сути, происходит «обход» парламентской

экспертизы, что негативно сказывается на качестве нормативного правового закрепления административной ответственности. Примером является установление ограничительных мер на уровне субъектов Российской Федерации в рамках обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия в связи с распространением COVID-19. Несмотря на сверхактивность субъектов федерального законодательства в области административной ответственности, потребовалось оперативно вносить дополнения в ст. 6.3 и принимать ст. 20.6.1 КоАП РФ.

При конструировании составов административных правонарушений часто используются такие обороты, как «нарушение законодательства», «нарушение установленных правил», и т.п. [19, с. 8]. Такие технико-юридические приемы стимулируют юридическую безответственность, расширяют дискреционные полномочия субъектов административной юрисдикции, и это обретает особую остроту в сфере национальной безопасности.

Наряду с расширением и усилением административной ответственности в КоАП РФ существуют возможности избежать административной ответственности. Наиболее очевидным является механизм малозначительности административных правонарушений (ст. 2.9 КоАП РФ). В правовой позиции, отраженной в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5, отмечено, что освобождение от административной ответственности по признаку малозначительности не может быть применено только относительно административных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ, в силу значимости охраняемых общественных отношений*.

Со всей очевидностью следует отметить, что существуют общественные отношения в сфере национальной безопасности, которые являются более значимыми с позиции административной правоохраны.

* О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5 // Рос. газ. 2005. 19 апр.

Об этом свидетельствует размер административных наказаний, применяемых в случае их нарушения, но в отношении их не исключено применение механизма освобождения от административной ответственности в связи с малозначительностью. Например, финансирование терроризма (ст.ст. 15.27-15.27.2 КоАП РФ), нарушение законодательства о противодействии коррупции (ст.ст. 19.28-19.29 КоАП РФ) и ряд других административных правонарушений.

Одно из проявлений административной безответственности — несоответствие административного наказания степени общественной опасности деяния. В настоящее время КоАП РФ в ряде случаев установлено более строгое наказание, чем УК РФ, за совершение схожего противоправного деяния. Сравнительный анализ размеров административных штрафов и штрафов, предусмотренных в УК РФ, за аналогичные противоправные деяния позволил констатировать наличие существенного дисбаланса [20, с. 13]. Такое состояние действующего законодательства актуализирует идею реформирования института публично-правовой ответственности, в том числе путем введения института уголовного проступка. Сегодня научная дискуссия о легализации уголовного проступка обретает вполне очевидные контуры в свете законодательной инициативы, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. N 42**.

Преодолению административно-правовой безответственности способствуют правовые позиции высших органов судебной власти (Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации). Можно выделить два основных канала такого воздействия: разъяснение материально-правовых и процессуальных аспектов реализации ад-

** О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 окт. 2017 г. N 42. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

министративной ответственности; инициирование внесения изменений в действующее законодательство. Признавая в целом позитивный потенциал такого влияния, следует отметить, что оно носит «точечный» характер и не оказывает значимого воздействия на состояние института административной ответственности.

В отдельных случаях постановления Конституционного Суда Российской Федерации имеют спорный характер. Например, постановлениями от 17 января 2013 г. N 1-П; от 14 февраля 2013 г. N 4; от 26 февраля 2014 г. N 4-П Конституционный Суд Российской Федерации допустил применение административного наказания ниже низшего предела. В дальнейшем они нашли свою материализацию в частях 2.2-2.3, 3.2-3.3 ст. 4.1 КоАП РФ. Наряду с этим в ст. 4.1.1 КоАП РФ был легализован механизм замены административного наказания в виде административного штрафа на предупреждение. При этом такой алгоритм допустим исключительно в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства, которыми могут быть лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридические лица, их работники. Указанный механизм не применим в отношении иных субъектов административных правонарушений, а это является грубым нарушением принципа равенства перед законом (ст. 1.4 КоАП РФ).

Важно отметить отсутствие ответственности субъектов правотворчества за качество принимаемых нормативных правовых актов. Мораторий на внесение изменений и дополнений в законодательство, в том числе и об административных правонарушениях, не предусмотрен. В силу этого оно утрачивает устойчивость, не позволяет сформировать стабильную правоприменительную практику, реализовать адресный правоохранительный подход к обеспечению национальной безопасности.

Правореализационная составляющая административной безответственности находится в тесной связи с ее институциональной составляющей. Очевидно, что дефекты законодательного закрепления административной ответственности провоцируют совершение правонарушений, но не ограничиваются ими. Подмена целей админи-

стративной ответственности, ее «монетизация» приводят к совершенно недопустимой ситуации, когда государство заинтересовано не в предупреждении административных правонарушений, в том числе в сфере национальной безопасности, а в росте их количества, так как они являются источником пополнения доходных частей федерального и регионального бюджетов. Такое состояние законодательства оказывает разрушительное воздействие на правосознание граждан, приводит к переоценке правовых установок, стремлению избежать административной ответственности при совершении административного правонарушения, а не к добровольному и добросовестному исполнению юридических обязанностей в связи с его совершением.

Правореализационные характеристики административной безответственности важно рассматривать через призму субъектов административной юрисдикции. Административная безответственность во многом обусловлена непрофессионализмом субъектов административной юрисдикции. В настоящее время сохраняется тенденция увеличения их числа (гл. 23 КоАП РФ), расширения перечня дел об административных правонарушениях, рассматриваемых судами. Истоки такого положения объясняются отношением к ведению судей исключительных полномочий по назначению отдельных видов административных наказаний, а также стремлением обеспечить законность, объективность выносимых постановлений по делам об административных правонарушениях.

При этом остается без внимания необходимость специальной квалификации при рассмотрении конкретных дел об административных правонарушениях, что требует детального знания законодательства в области национальной безопасности, например в топливно-энергетическом комплексе, и в итоге влечет за собой вынесение незаконных постановлений (решений по жалобам) [13, с. 336].

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что значительным выражением административной безответственности является реализация административной ответственности без достаточных оснований. Истоки такого положения можно обнаружить в том, что привлечение к

административной ответственности является одним из критериев эффективности деятельности контрольно-надзорных органов. При этом не следует игнорировать и коррупционную составляющую, когда посредством административной ответственности осуществляется давление на бизнес, весьма ощутимое в силу существенного правоограничительного потенциала административных наказаний, в том числе в связи с отсутствием уголовной ответственности юридических лиц.

Важной правоприменительной составляющей административной безответственности является низкий уровень исполнительской дисциплины, когда постановление по делу об административном правонарушении остается в статическом состоянии и не получает своей материализации в реальных лишениях, которые должен претерпевать субъект административного правонарушения. Например, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. N 1485-О высший орган конституционного контроля связывает административную безответственность с неисполнением постановлений по делам об административных правонарушениях*.

В правоприменительной практике может иметь место и обратная ситуация, в которой субъект административного правонарушения избегает административной ответственности или назначается административное наказание ниже низшего предела. В основе такого положения далеко не всегда лежат коррупционные факторы, низкая квалификация правоприменителей, изворотливость субъекта административного правонарушения. Подобные ситуации во многом предопределены реальной оценкой положения, осознанием деструктивного воздействия административной ответственности в отдаленной пер-

спективе. У правоприменителей нередко отсутствует ресурс для исполнения административного штрафа как наиболее часто применяемого вида административного наказания. Правоприменительная практика показывает, что в ряде ситуаций законодатель и правоприменитель находятся в различных измерениях правовой сферы общества [20, с. 15].

Очевидно, что институциональное и правоприменительное состояние института административной ответственности, ее трансформация в некоторых случаях в безответственность оказывают влияние на состояние национальной безопасности. При этом не следует ограничивать его реализацией исключительно норм гл. 20 КоАП РФ, в составе которой качестве видового объекта административной правоохраны выступает общественная безопасность. В КоАП РФ речь идет о «государственной безопасности», «общественной безопасности», «пожарной безопасности», «промышленной безопасности», «транспортной безопасности», «безопасности дорожного движения», «безопасности гидротехнических сооружений», «санитарной безопасности», «экологической безопасности», «безопасности объектов капитального строительства», «безопасности строительных конструкций», «безопасности движения», «безопасности полетов», «авиационной безопасности», «безопасности судоходства», «безопасности информации», «безопасности розничного рынка» и др. Анализ норм Особенной части КоАП РФ позволяет констатировать, что административная ответственность органично встроена в механизм обеспечения национальной безопасности.

В проекте нового КоАП РФ предусмотрена гл. 39 «Административные правонарушения, посягающие на общественную безопасность». Признавая оправданность такого подхода, следует признать, что в очередной раз допускается очевидная ошибка, так как содержание указанной главы выходит за границы общественной безопасности. Речь идет об административно-правовой охране национальной безопасности, в то время как общественная безопасность в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации является только одним из ее

* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Борохова Олега Викторовича, Кауца Вячеслава Артуровича и Федотова Андрея Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью 2 статьи 1.7 и пунктом 5 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 окт. 2013 г. N 1485-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

видов. Потенциал административной ответственности активно задействован в противодействии терроризму. При этом законодательно закреплена связь с уголовной ответственностью (ст.ст. 39.1-39.3 проекта КоАП РФ), свидетельствующая о попытке реализации комплексного подхода.

В пользу важности взаимосвязи административной ответственности и национальной безопасности свидетельствует то, что наиболее значимым основанием классификации административного принуждения выступает их целевое назначение и способ обеспечения правопорядка и безопасности. Отрадным является и то обстоятельство, что, несмотря на определенные отличия, при использовании критерия целевого предназначения и способа обеспечения правопорядка и безопасности, традиционно среди видов административного принуждения называют административную ответственность.

Выводы. Административная ответственность органично встроена в механизм обеспечения национальной безопасности и ее отдельных видов. При решении задачи защиты отношений в области национальной безопасности административная ответственность активно взаимодействует с другими видами юридической ответственности, с которыми находится в сложных генетических и функциональных (координации, субординации) связях.

Законодательству об административных правонарушениях присущи следующие тенденции: высокая динамика; увеличение количества составов административных правонарушений; усиление административных наказаний за совершение административных правонарушений; интенсивное формирование составов правонарушений,

предусматривающих административную ответственность юридических лиц; «фискализация» административной ответственности; интенсивное развитие регионального законодательства об административных правонарушениях; усложнение процедуры применения; доминирование формальных составов административных правонарушений.

Эффективность и законность административной ответственности в ряде ситуаций снижается в силу административной безответственности. Административной безответственности в большей степени свойственны институционные и правореализационные характеристики. Именно на них должны быть направлены усилия по их обнаружению и устранению. Институционная составляющая административно-правовой безответственности выражается в пробельности законодательства об административных правонарушениях; избыточности законодательного регулирования; отсутствии полной кодификации федерального законодательства об административных правонарушениях; использовании обобщенных формулировок при конструировании конкретных составов административных правонарушений; отсутствии оптимальной системы субъектов административной юрисдикции; наличии легальных возможностей избежать административной ответственности.

Правореализационный аспект административной безответственности связан со следующими факторами: низким уровнем профессионализма субъектов административной юрисдикции; коррупционными проявлениями; несовершенством правоприменительных процедур; организационными недостатками.

Список литературы

1. Гензюк Э.Е. Административная деликтология: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 324 с.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. М.: РАП, 2008. 304 с.
3. Рогачева О.С. Административная ответственность: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2005. 192 с.
4. Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов американской социологии // Социологические исследования. 1992. N 5. С. 30-41.
5. Бороздина М.С. Институты юридической аномии и правового нигилизма в либерально-демократической модернизации российской государственности // Философия права. 2009. N 3. С. 121-124.
6. Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 187 с.

7. Маркин А.В. Фатальная природа безответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2011. N 1 (4). С. 80-83.
8. Труфанов М.Е. Бланкетность норм административного права: учеб. пособие. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2015. 60 с.
9. Максимов И.В. Концепция позитивной административной ответственности в теории и праве // Государство и право. 2006. N 8. С. 29-37.
10. Долгих Т.Н. Оценка судом постановления о назначении административного наказания при рассмотрении уголовного дела по статье, предусматривающей административную преюдицию // Уголовное право. 2018. N 2. С. 25-31.
11. Антонова В.П. Административная ответственность и проблемы административного права (Четвертые «Лазаревские чтения»): К 70-летию Бориса Михайловича Лазарева // Государство и право. 2000. N 10. С. 13-42.
12. Иван Александрович Галаган и его научное исследование / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010. 544 с.
13. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 480 с.
14. Зырянов С.М. Тенденции развития законодательства об административных правонарушениях и правоприменительная практика // Вестник экономической безопасности. 2017. N 2. С. 34-39.
15. Липинский Д.А. Юридическая ответственность и безответственность как парные категории // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. N 2 (48). С. 6-23.
16. Россинский Б.В. Размышления о государственном управлении и административной ответственности // Административное право и процесс. 2016. N 5. С. 6-24.
17. Звертаева Ю.Ю., Шапошников В.Л. Обеспечение неотвратимости наказания в сфере безопасности дорожного движения // Ленинградский юридический журнал. 2018. N 3. С. 227-235.
18. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М.: Норма, 2009. 432 с.
19. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность и юридическая безответственность, правовая и национальная безопасность: проблемы соотношения и системных связей // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. N 4 (50). С. 6-17.
20. Кисин В.Р. Состояние границы между административной и уголовной ответственностью // Административное право и процесс. 2016. N 7. С. 12-16.

References

1. Genzyuk E.E. Administrative tortology. Doct. Diss. Moscow, 2001. 324 p. (In Russ.).
2. Vitruk N.V. The general theory of legal responsibility. Moscow, RAP Publ., 2008. 304 p. (In Russ.).
3. Rogacheva O.S. Administrative responsibility. Voronezh, Publishing house of Voronezh State University, 2005. 192 p. (In Russ.).
4. Feofanov K.A. Social anomie: a review of the approaches of American sociology. Sociological studies, 1992, no. 5, pp. 30-41. (In Russ.).
5. Borozdina M.S. Institutions of legal anomie and legal nihilism in the liberal-democratic modernization of Russian statehood. Philosophy of Law, 2009, no. 3, pp. 121-124. (In Russ.).
6. Bondarev A.S. Legal responsibility and irresponsibility are the sides of legal culture and anti-culture of legal entities. St. Petersburg, Yuridicheskij tsentr Press Publ., 2008. 187 p. (In Russ.).
7. Markin A.V. The fatal nature of irresponsibility. Science Vector of Togliatti State University. Series: Jurisprudence, 2011, no. 1 (4), pp. 80-83. (In Russ.).
8. Trufanov M.E. The blanket of administrative law. Krasnodar, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 60 p. (In Russ.).
9. Maksimov I.V. The concept of positive administrative responsibility in theory and law. State and Law, 2006, no. 8, pp. 29-37. (In Russ.).
10. Dolgikh T.N. The court's assessment of the decision on the imposition of administrative punishment in criminal cases under the article providing for administrative prejudice. Criminal Law, 2018, no. 2, pp. 25-31. (In Russ.).
11. Antonova V.P. Administrative responsibility and problems of administrative law (Fourth "Lazarevsky Readings"): On the 70th anniversary of Boris Mikhailovich Lazarev. State and Law, 2000, no. 10, pp. 13-42. (In Russ.).
12. Ivan Aleksandrovich Galagan and his scientific research. Voronezh, Publishing house of the Voronezh State University, 2010. 544 p. (In Russ.).
13. Serkov P.P. Administrative responsibility in Russian law: modern understanding and new approaches. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2012. 480 p. (In Russ.).
14. Zyryanov S.M. Trends in the development of legislation on administrative offenses and law enforcement practice. Bulletin of Economic Security, 2017, no. 2, pp. 34-39. (In Russ.).

15. Lipinsky D.A. Legal responsibility and irresponsibility as paired categories. Legal science and law enforcement practice, 2019, no. 2 (48), pp. 6-23. (In Russ.).
16. Rossinsky B.V. Reflections on public administration and administrative responsibility. Administrative law and process, 2016, no. 5, pp. 6-24. (In Russ.).
17. Zvertaeva Yu.Yu., Shaposhnikov V.L. Ensuring the inevitability of punishment in the field of road safety. Leningrad Law Journal, 2018, no. 3, pp. 227-235. (In Russ.).
18. Vitruk N.V. The general theory of legal responsibility. Moscow, Norma Publ., 2009. 432 p. (In Russ.).
19. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. Legal responsibility and legal irresponsibility, legal and national security: problems of correlation and system connections. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2019, no. 4 (50), pp. 6-17. (In Russ.).
20. Kisin V.R. The state of the border between administrative and criminal liability. Administrative law and process, 2016, no. 7, pp. 12-16. (In Russ.).

ЯРКОВОЙ С.В., YARKOVOY S.V.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
om.as@yandex.ru om.as@yandex.ru
Арбитражный суд Омской области, Arbitration Court of the Omsk Region,
644024, г. Омск, ул. Учебная, 51 Uchebnaya St. 51, Omsk, 644024,
Russian Federation

ДОЛЖНОСТНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются сущность, основные черты, виды и особенности должностных административных правонарушений, совершаемых должностными лицами органов исполнительной власти, иных органов публичного управления (административно-публичных органов) при осуществлении ими административной правоприменительной деятельности. Впервые сформулировано определение понятия должностного административного правоприменительного правонарушения, раскрыты элементы его состава. Предложен авторский подход к установлению административной ответственности за совершение должностных административных правоприменительных правонарушений, а также к систематизации их составов в Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Подчеркивается значимость ответственности за совершение данных правонарушений как одного из важных правовых средств обеспечения законности административной правоприменительной деятельности, предупреждения нарушений прав и законных интересов граждан и организаций со стороны должностных лиц административно-публичных органов.

Ключевые слова: должностное административное правонарушение; должностное административное правоприменительное правонарушение; административно-публичный орган; административная правоприменительная деятельность; должностное лицо.

Для цитирования: Ярковой С.В. Должностные административные правонарушения, совершаемые при осуществлении административной правоприменительной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 39-46.

ADMINISTRATIVE OFFENCES COMMITTED BY OFFICIALS WHILE CARRYING OUT ADMINISTRATIVE LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Annotation. The author of the article analyses the nature, main features, types and characteristics of administrative offences committed by the officials representing the executive authorities and other public administration authorities (public administrative bodies) when carrying out the administrative law enforcement activities. For the first time, the definition of the concept of an administrative law enforcement offence committed by officials is formulated, and the elements of this offence are described. The author's approach to establishing administrative responsibility for committing administrative law enforcement offences by officials, as well as systematizing their elements in the Special Part of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation is proposed. The author emphasizes the significance of the responsibility for the commission of these offences as one of the important legal means of ensuring the legality of administrative law enforcement activities and preventing the violations of the rights and legitimate interests of citizens and organizations by public administration officials.

Keywords: administrative offence committed by officials; administrative law enforcement offence committed by officials; public administrative body; administrative law enforcement activities; official.

For citation: Yarkovoy S.V. Administrative offences committed by officials while carrying out administrative law enforcement activities // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 39-46.

Институт административной ответственности должностных лиц уже давно является предметом исследования отечественных специалистов в области адми-

нистративного права. В их трудах выявлены особенности такой ответственности, а также определено понятие и раскрыты признаки должностного административно-

го правонарушения [1, с. 29-30; 2, с. 8-16; 3, с. 11-12; 4, с. 96-120]. В то же время вопросы административной ответственности должностных лиц органов публичного управления, в том числе специфика совершаемых ими при осуществлении административной правоприменительной деятельности административных правонарушений, в литературе как советского, так и постсоветского периода остаются малоизученными. Обозначенные вопросы затрагиваются лишь в некоторых работах, и то, на наш взгляд, весьма поверхностно [5; 6; 7].

Как показывает практика, при осуществлении внешней административной правоприменительной деятельности должностные лица органов исполнительной власти, иных органов публичного управления (далее – административно-публичные органы) допускают различные нарушения требований законности данной деятельности. Отдельные такие нарушения признаются в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) административными правонарушениями. Административное правонарушение, совершаемое должностным лицом административно-публичного органа при осуществлении им указанной деятельности, будет далее именоваться условным термином «должностное административное правоприменительное правонарушение».

Под *должностным административным правоприменительным правонарушением*, с нашей точки зрения, следует понимать противоправное, виновное действие (бездействие) должностного лица административно-публичного органа, совершенное им при осуществлении административной правоприменительной деятельности и состоящее в нарушении нормативно установленных требований к содержанию и порядку (процедурам) осуществления данной деятельности, за которое КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Проанализируем элементы состава должностного административного правоприменительного правонарушения на основе обобщения и систематизации сведений о предусмотренных в настоящее

время Особенной частью КоАП РФ административных правонарушений, совершаемых в ходе административного правоприменения должностными лицами соответствующих административно-публичных органов. Речь идет об административных правонарушениях, составы которых закреплены нормами статей 5.39, 5.59, 5.63, 5.63.1, 8.24, 14.9, 14.9.1, 14.25, 14.35, 19.6.1, 19.6.2 КоАП РФ.

1. В качестве *общего объекта должностного административного правоприменительного правонарушения*, по нашему мнению, следует рассматривать совокупность общественных отношений, возникающих по поводу и в ходе осуществления внешней административной правоприменительной деятельности. Совокупность указанных отношений, охраняемых мерами административной ответственности, содержательно входит в структуру такого объекта административных правонарушений, как порядок управления. Под порядком управления следует понимать установленный соответствующими нормами административного и административно-процессуального права порядок (правила и процедуры) осуществления внешней административной, то есть управленческой, деятельности в отношении граждан и организаций, не находящихся в организационно-служебном подчинении административно-публичных органов и их должностных лиц. При этом нарушителями порядка управления могут являться не только граждане и юридические лица, препятствующие осуществлению функций и полномочий административно-публичных органов (как это следует из положений главы 19 действующего КоАП РФ), но и должностные лица данных органов, которые не соблюдают соответствующие правила и процедуры при внешнем взаимодействии с этими гражданами и лицами.

К числу родовых объектов должностного административного правоприменительного правонарушения могут быть отнесены группы общественных отношений, возникающих при осуществлении специальных видов административной правоприменительной деятельности (правопредоставительной, регистрационной, лицензионно-разрешительной, контрольно-надзорной и т.п.).

Непосредственным же объектом какого-либо должностного административного правоприменительного правонарушения, предусмотренного Особенной частью КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях (об административной ответственности), выступает конкретное правоотношение (конкретные права и обязанности), возникающее в рамках отдельного вида административной правоприменительной деятельности, например, правоотношение по поводу предоставления той или иной государственной услуги, рассмотрения обращения гражданина или организации в административно-публичный орган и т.п.).

2. *Объективная сторона должностного административного правоприменительного правонарушения* может заключаться в совершении при осуществлении административной правоприменительной деятельности административного действия, противоречащего, не соответствующего нормативно установленным требованиям, предъявляемым к содержанию и порядку (процедуре) совершения такого действия, либо в административном бездействии, то есть несовершении действия, обязанность производства которого прямо предусмотрена соответствующей нормой права. К числу противоправных административных действий, образующих объективную сторону анализируемого правонарушения, можно, в частности, отнести такие действия, как издание незаконного административного акта, незаконный возврат заявления физического или юридического лица без рассмотрения по существу, предоставление государственной или муниципальной услуги с нарушением нормативно установленного срока, проведение проверки в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя при отсутствии законного основания для ее проведения или с нарушением нормативно установленного срока.

Примерами противоправного административного бездействия должностного лица являются нерассмотрение заявления, жалобы физического или юридического лица, непринятие по такому заявлению, жалобе решения, отказ в удовлетворении заявления по произвольным и не отно-

сящимся к его содержанию основаниям (как форма уклонения от рассмотрения заявления по существу), непредоставление государственной или муниципальной услуги, отказ в предоставлении физическому лицу или организации запрашиваемой информации.

Необходимо подчеркнуть, что деяние, образующее объективную сторону должностных административных правоприменительных решений, предусмотренных КоАП РФ, должно быть совершено должностным лицом при осуществлении именно административной, а не какой-либо иной правоприменительной деятельности, в частности, таких ее видов, как оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная.

Нередко в объективную сторону должностного административного правоприменительного правонарушения включается такой элемент, как наступление вредных последствий противоправного действия (бездействия). Вредные последствия данных правонарушений выражаются прежде всего в нарушении прав физических и юридических лиц, а именно в непредоставлении какого-либо субъективного права или в невозможности его реализации. К числу таких последствий можно отнести, в частности, неполучение лицом запрашиваемой им государственной (муниципальной) услуги, информации, документов. Таким образом, должностные административные правоприменительные правонарушения являются правонарушениями преимущественно с материальным составом.

3. В качестве *субъекта должностного административного правоприменительного правонарушения* может выступать лишь должностное лицо административно-публичного органа, уполномоченное на осуществление от имени данного органа административной правоприменительной деятельности. Как показывает анализ предусмотренных Особенной частью КоАП РФ составов должностных административных правоприменительных правонарушений, к числу их субъектов, помимо должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления в общем, относятся также некоторые специальные виды должностных лиц, в частности, должностные

лица органов, осуществляющих государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, должностные лица органов и учреждений, осуществляющих государственный кадастровый учет недвижимого имущества и ведение государственного кадастра недвижимости, должностные лица федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора), органов местного самоуправления, уполномоченных на осуществление муниципального контроля, государственных и муниципальных учреждений, осуществляющих контрольные функции.

4. *Субъективная сторона должностного административного правоприменительного правонарушения*, то есть вина должностного лица в его совершении, в силу положений ст. 2.2 КоАП РФ может характеризоваться как умысел (прямым или косвенным), так и неосторожностью (самонадеянностью или небрежностью).

Далее следует рассмотреть сложившуюся к настоящему времени общую картину правового регулирования административной ответственности должностных лиц за совершение должностных административных правоприменительных правонарушений.

Прежде всего, нужно констатировать, что число таких административных правонарушений весьма незначительно и предусмотрено всего лишь 11 статьями Особенной части КоАП РФ. Сегодня административная ответственность должностных лиц административно-публичных органов установлена за совершение следующих должностных административных правоприменительных правонарушений: отказ в предоставлении информации (ст. 5.39 КоАП РФ); нарушение порядка рассмотрения обращений граждан (ст. 5.59 КоАП РФ); нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг (ст. 5.63 КоАП РФ); нарушение требований законодательства, предусматривающих выдачу специальных разрешений на движение по автомобильным дорогам тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства (ст. 5.63.1 КоАП РФ); нарушение порядка предоставления гражданам, юри-

дическим лицам лесов для их использования (ст. 8.24 КоАП РФ); ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления (ст. 14.9 КоАП РФ); нарушение порядка осуществления процедур, включенных в исчерпывающие перечни процедур в сферах строительства (ст. 14.9.1 КоАП РФ); нарушение законодательства о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ст. 14.25 КоАП РФ); нарушение законодательства о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и кадастровой деятельности (ст. 14.35 КоАП РФ); несоблюдение должностными лицами органов государственного контроля (надзора), органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, осуществляющих контрольные функции, требований законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле (ст. 19.6.1 КоАП РФ); нарушение лицензионной комиссией субъекта Российской Федерации требований законодательства Российской Федерации о лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами (ст. 19.6.2 КоАП РФ).

В зависимости от вида административной правоприменительной деятельности, в рамках которой могут быть совершены предусмотренные КоАП РФ должностные административные правоприменительные правонарушения, их можно классифицировать следующим образом:

1) административные правонарушения общего характера, которые совершаются во всех сферах административного правоприменения (отказ в предоставлении информации, нарушение порядка рассмотрения обращений граждан и нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, ограничение конкуренции)*;

2) административные правонарушения, совершаемые в сфере административной регистрационно-учетной деятельности

* См., например, постановления Верховного Суда Российской Федерации от 22 янв. 2018 г. N 78-АД17-24; от 31 июля 2019 г. N 7-АД19-5; Московского городского суда от 1 июля 2019 г. N 4а-1926/19; Пермского краевого суда от 31 июля 2019 г. по делу N 44а-944/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(нарушение законодательства о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, нарушение законодательства о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и кадастровой деятельности);

3) административные правонарушения, совершаемые в сфере административной лицензионно-разрешительной деятельности (нарушение требований законодательства о выдаче специальных разрешений на движение тяжеловесного и крупногабаритного транспортного средства, нарушение порядка предоставления в пользование лесов, нарушение порядка осуществления процедур в сфере строительства, нарушение законодательства о лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами);

4) административные правонарушения, совершаемые в сфере административной контрольно-надзорной деятельности (нарушение законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле)*.

Необходимо отметить, что судебная практика рассмотрения дел об указанных административных правонарушениях должностных лиц органов исполнительной власти и органов местного самоуправления весьма незначительна.

Анализ соответствующих норм Особенной части КоАП РФ с учетом их системной связи с положениями федерального законодательства, регулирующего различные виды административной правоприменительной деятельности, показывает, что при введении административной ответственности должностных лиц за нарушение отдельных нормативных требований к ее осуществлению законодатель действовал избирательно, точно, руководствуясь, видимо, актуальностью на соответствующий момент той или иной сферы (темы) административного правоприменения, без учета всей системы, всего комплекса административных и административно-процессуальных отношений, возникающих в ходе

* См., например, постановления Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2019 г. N 46-АД19-9; Нижегородского областного суда от 27 апр. 2018 г. N 4а-618/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

административной правоприменительной деятельности. Очевидно, что федеральный законодатель в настоящее время не располагает выработанной, четко определенной концепцией административной ответственности должностных лиц органов исполнительной власти, исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, осуществляющих административную правоприменительную деятельность, за совершаемые ими в ходе данной деятельности правонарушения. Потребность в такой концепции очевидна, и при ее разработке необходимо ответить на целый ряд весьма серьезных вопросов.

К наиболее важным из них можно отнести следующие четыре вопроса:

1) за какие именно нарушения законности при осуществлении административной правоприменительной деятельности необходимо установление административной ответственности должностных лиц административно-публичных органов, и как такая ответственность должна соотноситься с дисциплинарной ответственностью указанных лиц;

2) каким образом должны быть сформулированы и систематизированы в КоАП РФ составы должностных административных правоприменительных правонарушений;

3) должностные лица каких органов могут быть уполномочены на возбуждение дел о должностных административных правонарушениях;

4) какие органы, должностные лица, судьи могут быть уполномочены на рассмотрение дел о должностных административных правоприменительных правонарушениях.

Следует обозначить возможные, с нашей точки зрения, общие, принципиальные подходы к решению поставленных вопросов.

1. Представляется, что административная ответственность должностных лиц административно-публичных органов должна устанавливаться не за любые совершенные ими при осуществлении административной правоприменительной деятельности нарушения норм административного, административно-процессуального и иных отраслей права, а только за те из

них, которые повлекли неблагоприятные последствия для адресатов указанной деятельности, а именно: незаконное и (или) необоснованное ограничение или аннулирование (прекращение действия) субъективных прав физических и юридических лиц, невозможность реализации или создание препятствий в их реализации либо незаконное и (или) необоснованное возложение на физических и юридических лиц юридических обязанностей. К числу подобных нарушений можно отнести, в частности, незаконный отказ в принятии к рассмотрению заявления или жалобы лица, незаконный отказ в предоставлении лицу лицензии, иного специального разрешения (например, разрешения на строительство), незаконное аннулирование лицензии или иного специального разрешения, выдачу незаконного и (или) необоснованного предписания об устранении нарушений обязательных требований и т.п.

При этом не следует предусматривать административную ответственность должностных лиц за любые допущенные ими при осуществлении административной правоприменительной деятельности нарушения административных процедур ее осуществления (статьей 5.59 КоАП РФ установлена административная ответственность должностных лиц за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан и юридических лиц).

Административную ответственность необходимо устанавливать лишь за те совершенные должностными лицами административно-публичных органов процессуально-процедурные нарушения, которые повлекли указанные выше последствия для адресатов административной правоприменительной деятельности. К числу таких нарушений в любом случае не могут быть отнесены допущенные при составлении документов технические ошибки, опiski, неполнота сведений в них, незначительное нарушение установленных сроков рассмотрения обращений или составления испрашиваемых документов, вынесения испрашиваемых решений, если они не создали препятствий в реализации или защите субъективных прав заинтересованных физических и юридических лиц, не повлекли причинения им реального имущественного или иного вреда. Реагирование на все

иные совершенные должностными лицами административно-публичных органов нарушения установленных правил и процедур осуществления административной правоприменительной деятельности, не повлекшие указанных выше последствий, с нашей точки зрения, может осуществляться в форме привлечения данных лиц к дисциплинарной ответственности. На основе предлагаемого критерия в действующем федеральном законодательстве, как представляется, может быть проведена четкая линия разграничения оснований административной и дисциплинарной ответственности должностных лиц административно-публичных органов.

2. Составы должностных административных правоприменительных правонарушений целесообразно формулировать и закреплять применительно к осуществляемым должностными лицами видам административной правоприменительной деятельности, таким, в частности, как правопредоставительная, регистрационно-учетная, лицензионно-разрешительная, контрольно-надзорная. Все эти составы должностных административных правоприменительных правонарушений должны располагаться в главе Особенной части КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за правонарушения против порядка управления. Такое предложение обусловливается тем, что, как указывалось выше, общим объектом рассматриваемых правонарушений выступает порядок управления. Распределение составов названных правонарушений по иным главам Особенной части КоАП РФ невозможно, поскольку в них систематизируются административные правонарушения, не связанные с нарушениями правил и процедур осуществления публичного управления.

3. Дела о должностных административных правоприменительных правонарушениях должны возбуждаться исключительно уполномоченными должностными лицами Прокуратуры Российской Федерации — прокурорами и их заместителями на основании соответствующих заявлений и жалоб физических и юридических лиц, а также материалов прокурорских проверок. Данное правило уже установлено применительно к составам должност-

ных административных правонарушений, предусмотренных, в частности, ст.ст. 5.59, 14.25, 14.35, 19.6.1 КоАП РФ. Такой подход представляется единственно правильным, поскольку никакие иные государственные органы, кроме прокуратуры, не уполномочены на производство общего надзора за законностью осуществления административной правоприменительной деятельности в целом и, соответственно, на выявление должностных правонарушений, совершаемых в ходе данной деятельности.

4. Рассмотрение дел о должностных административных правоприменительных правонарушениях может быть поручено только судьям районных судов, обладающих надведомственной компетенцией в производстве по делам об административных правонарушениях. Никакие иные государственные органы и должностные лица такой компетенцией наделяться не должны, поскольку они действуют в конкретно определенных узких сферах публичного управления.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Должностные лица органов исполнительной власти и иных органов публичного управления должны нести административную ответственность за нарушения требований действующего законодательства, регулирующего их внешнюю административную правоприменительную де-

ятельность, повлекшие прекращение или ограничение прав граждан и организаций, создание препятствий в их реализации или незаконное возложение на них каких-либо обязанностей.

2. Основанием подобной ответственности выступает должностное административное правоприменительное правонарушение, представляющее собой один из видов должностных административных правонарушений.

3. В рамках проводимой в настоящее время работы по подготовке нового КоАП РФ представляется необходимым сформулировать и систематизировать в соответствующей главе Особенной части данного кодекса составы должностных административных правоприменительных правонарушений в привязке к видам осуществляемой должностными лицами административной правоприменительной деятельности, а также предусмотреть в КоАП РФ специальный порядок возбуждения и рассмотрения дел о таких правонарушениях.

Ответственность за совершение названных правонарушений будет служить одним из важных правовых средств обеспечения законности административной правоприменительной деятельности, предупреждения нарушений прав и законных интересов граждан и организаций со стороны должностных лиц административно-публичных органов.

Список литературы

1. Галаган И.А. Теоретические проблемы административной ответственности по советскому праву: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971. 43 с.
2. Маркова Е.И. Административная ответственность должностных лиц в СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. 21 с.
3. Чмутов В.Г. Должностное лицо как субъект административной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1983. 17 с.
4. Кононов П.И. Административная ответственность должностных лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 145 с.
5. Забалуева М.Ф. Административная ответственность должностных лиц аппарата государственного управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 26 с.
6. Соловьев А.А. Об административной ответственности должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления // Административное право и процесс. 2012. N 4. С. 59-60.
7. Койтов А.В. Проблемы привлечения к административной ответственности должностных лиц органов публичной власти // Закон. 2013. N 7. С. 124-131.

References

1. Galagan I.A. Theoretical problems of administrative responsibility in soviet law. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 1971. 43 p. (In Russ.).
2. Markova E.I. Administrative responsibility of officials in the USSR. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 1976. 21 p. (In Russ.).

3. Chmutov V.G. An official as a subject of administrative responsibility. Autoabstract Cand. Diss. Saratov, 1983. 17 p. (In Russ.).
4. Kononov P.I. Administrative responsibility of officials. Cand. Diss. Moscow, 1993. 145 p. (In Russ.).
5. Zabalueva M.F. Administrative responsibility of officials of the apparatus of public administration. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 1987. 26 p. (In Russ.).
6. Solov'ev A.A. On administrative responsibility of officials of state power and local self-government. Administrative law and procedure, 2012, no. 4, pp. 59-60. (In Russ.).
7. Koytov A.V. Problems of bringing to administrative responsibility officials of public authorities. Law, 2013, no. 7, pp. 124-131. (In Russ.).

Раздел 4. Уголовный закон

КОРЕННАЯ А.А., кандидат юридических наук, доцент, lawer_ann@mail.ru Кафедра уголовного права и криминологии; Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, просп. Ленина, 68	KORENNAYA A.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, lawer_ann@mail.ru Chair of criminal law and criminology; Altai State University, Lenina Ave. 68, Barnaul, 656049, Russian Federation
--	--

НЕЗАКОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены основные вопросы правоприменительной практики по статье 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации в редакции от 29 июля 2018 г. Результаты исследования позволили автору утверждать о том, что внесенные изменения не только не решили имевшиеся проблемы привлечения к уголовной ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр, но и создали новые. Одна из них состоит в том, что установление самостоятельной ответственности за систематическое предоставление помещения для такой деятельности обуславливает несколько равновероятных вариантов квалификации, усложняет процесс доказывания и защиты, не приводит к дифференциации ответственности. Кроме того, сделан вывод о схоластическом характере части изменений, также лишаящем их какого-либо правоприменительного смысла. На основе анализа материалов более чем 70 уголовных дел и приговоров судов предложены варианты квалификации действий лиц, выполняющих различные функции при осуществлении незаконной игровой деятельности, даны разъяснения по наиболее сложным, дискуссионным вопросам правоприменения.

Ключевые слова: азартные игры; тотализатор; букмекерская контора; незаконная деятельность; незаконное казино; квалификация преступлений.

Для цитирования: Коренная А.А. Незаконные организация и проведение азартных игр: дискуссионные вопросы квалификации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 47-55.

ORGANIZING AND CONDUCTING ILLEGAL GAMBLING ACTIVITIES: CONTROVERSIAL ISSUES CONCERNING THE QUALIFICATION

Annotation. The main issues of law enforcement practice under Article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation as amended on July 29, 2018 are analyzed in the article. The results of the study allowed the author of the article to state that the changes made did not solve the existing problems of bringing to criminal liability for organizing and conducting illegal gambling, but also created the new ones. One of them is the fact that establishing independent responsibility for the systematic provision of premises for such activities determines several equally probable options for qualification, complicates the process of proof and defense, does not lead to the differentiation of responsibility. Besides, the conclusion is made about the scholastic nature of some of the changes, which also deprives them of any law enforcement meaning. Basing on the analysis of the materials of more than 70 criminal cases and court verdicts, the author of the article proposes some variants for qualifying the actions of the persons performing various functions when being involved in carrying out illegal gambling activities, and provides explanations on the most complex and controversial issues concerning law enforcement activities.

Keywords: gambling; tote; bookmaker's office; illegal activity; illegal casino; qualification of crimes.

For citation: Korennaya A.A. Organizing and conducting illegal gambling activities: controversial issues concerning the qualification // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 47-55.

В первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации отсутствовала самостоятельная норма, устанавливающая ответственность за организацию и проведение азартных игр. Пределы ответственности были ограничены общим запретом на незаконную предпринимательскую деятельность (ст. 171 УК РФ) без дополнительной дифференциации за специальные нарушения лицензионных и разрешительных требований.

Уголовная ответственность за организацию и проведение азартных игр с нарушением установленных правил впервые была введена Федеральным законом от 20 июля 2011 г. N 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*.

В дальнейшем ст. 171.2 УК РФ подвергалась изменениям:

1) в 2014 году диспозиция статьи дополнена указанием на незаконный характер деятельности (в первоначальной редакции: организация и проведение азартных игр, в редакции 2014 года – незаконные организация и проведение азартных игр); исключено указание на обязательную сопряженность деяния с извлечением дохода в крупном размере, стоимостный признак переведен в число квалифицирующих, основной состав преступления приобрел характер формального**;

2) в 2018 году внесены изменения, существенно расширившие перечень деяний, являющихся уголовно наказуемыми:

– предусмотрена возможность совершения преступления путем осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах вне игорной зоны либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществле-

ние деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне; исключением является прием интерактивных ставок организаторами азартных игр в букмекерских конторах и (или) тотализаторах. Такое изменение можно именовать дифференциацией ответственности, однако с очень большой долей условности, поскольку санкция статьи устанавливает тождественные виды наказаний за любые формы преступного поведения в рамках одной части статьи;

– введена самостоятельная ответственность за систематическое предоставление помещения для организации и проведения азартных игр;

– в санкциях статьи как для основного, так и для квалифицированных составов закреплен минимальный размер штрафа;

– исключено положение о незаконности организации и проведения азартных игр (формулировка сохранена только в наименовании статьи)***.

Таким образом, уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр за восемь лет существования данной нормы была значительно ужесточена. Изменения уголовного закона, криминализация новых форм преступного поведения не всегда положительно сказываются на результатах судебно-следственной практики: необходимо время для адаптации новых законодательных правил, выработки общих подходов к правоприменению.

Следует выделить основные вопросы, возникающие при квалификации деяния по ст. 171.2 УК РФ:

1. Установление действий, входящих в объективную сторону преступления, совершенного в форме предоставления помещения для организации и проведения азартных игр, с учетом новой редакции ст. 171.2 УК РФ.

Предоставление помещения для организации и проведения азартных игр предполагает его фактическую передачу в пользование лица, осуществляющего про-

*** О внесении изменения в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29 июля 2018 г. N 227-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 20 июля 2011 г. N 250-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 30 (ч. I). Ст. 4598.

** О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 22 дек. 2014 г. N 430-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 52 (ч. I). Ст. 7541.

типовую деятельность, — обеспечен доступ, переданы ключи, коды сигнализации и др. (обязательный признак). Кроме того, может быть оформлена юридическая передача — заключен договор аренды, договор безвозмездного пользования, подписан акт приема-передачи и т.д. Последний признак является факультативным, так как, учитывая преступный характер деятельности, правовые документы могут не оформляться надлежащим образом.

Основания владения и пользования лицом передаваемым помещением значения для квалификации не имеют. Лицо получает возможность использовать помещение в силу различных обстоятельств: на основании свидетельства о праве собственности, договора найма, аренды помещения, оно может состоять в родственных или близких отношениях с владельцем помещения и т.п.*

Полагаем, что для квалификации не будет иметь значения целевое назначение передаваемого помещения (жилое или нежилое — квартира, офис, гараж и т.д.), а также то, передается ли помещение полностью или его отдельная часть. Для надлежащей уголовно-правовой оценки необходимо достоверно установить два обстоятельства:

- фактическую (реальную) возможность использовать помещение или его часть для организации и проведения азартных игр;
- намерение лица передать помещение для осуществления именно такой деятельности.

2. Установление систематического характера предоставления помещения для организации и проведения незаконных азартных игр.

Систематичность в рамках рассматриваемой нормы выступает как характерная черта общественно опасного деяния и имеет общие признаки:

1) количественный: в соответствии с примечаниями к ст. 171.2 УК РФ под систе-

матическим предоставлением помещений в настоящей статье понимается предоставление помещений более двух раз. Таким образом, для квалификации действий лица по ст. 171.2 УК РФ необходимо совершение деяния три и более раз. Указанный количественный критерий соответствует общепринятому в уголовном праве. Например, аналогичный подход к установлению количественного показателя систематичности закреплен в ст. 232 УК РФ.

Верховный Суд Российской Федерации также определяет систематичность как совершение деяния от трех раз и более. В частности, это нашло отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», в соответствии с которым под систематическим неисполнением несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия следует понимать неоднократные (более двух раз) нарушения в течение назначенного судом срока применения принудительной меры воспитательного воздействия (например, ограничения досуга, установления особых требований к его поведению), которые были зарегистрированы в установленном порядке специализированным органом, осуществляющим контроль за поведением подростка**.

Такое определение систематичности соответствует и теории уголовно-правовой науки, еще в советское время сформировавшей и аргументировавшей концепцию, в соответствии с которой «только как минимум трехкратность повторения одних и тех же действий позволяет... ставить вопрос об определенной системе поведения виновного» [1, с. 63];

2) временной признак систематичности (в течение какого именно промежутка времени помещение должно быть переда-

* Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.) // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru>

** О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февр. 2011 г. N 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. N 4.

но три и более раза) в законе не определен и, как следствие, не имеет однозначного толкования в доктрине уголовного права и судебно-следственной практике. Можно выделить два основных предложенных в юридической науке подхода:

— ограничение периода одним годом: разрыв во времени между двумя деяниями более одного года будет свидетельствовать об отсутствии систематичности в действиях виновного и, следовательно, об отсутствии в деянии состава преступления [2, с. 676]. В случае установления временных ограничений для квалификации действий как систематических по аналогии с любым другим сроком, имеющим правовое значение, необходимо определить дату начала его исчисления. Возможны два варианта: календарный год и год с момента совершения первого действия по передаче помещения. Второй подход представляется более правильным, так как формальное исчисление периода календарным годом исключит возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, предоставивших помещение, например, в конце одного года и начале следующего. Подобный подход в науке уголовного права применяется в отношении деяний, предусмотренных ст. 232 УК РФ [3, с. 98], но вполне может быть применен и к нормам ст. 171.2 УК РФ.

Обратим внимание, что признак систематичности применительно к рассматриваемому составу преступления каким-либо временным интервалом законодательно не ограничивается. Это означает возможность привлечения к уголовной ответственности и в ситуации, если между двумя и более случаями фактического предоставления помещения прошел незначительный период времени, в том числе если это произошло в течение дня [4, с. 80];

— вторая позиция — отказ от любых временных рамок в пользу оценки качественного своеобразия систематичности, которое состоит в том, что она представляет собой устойчивую линию (систему) антиобщественного поведения виновного на протяжении более или менее продолжительного периода времени [5, с. 10]. Полагаем, что подобный подход, хотя и является теоритически логичным, однако довольно сложно применим на практике: длитель-

ный временной промежуток значительно осложняет процесс доказывания по уголовному делу. Установление предельного временного отрезка также будет соответствовать принципу справедливости и экономии уголовно-правовой репрессии, принимая во внимание, что деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 181.2 УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести со сроками давности привлечения к уголовной ответственности — 2 года;

3) качественный признак систематичности: деяния, составляющие систематичность, должны быть внутренне неразрывно связаны, согласованы между собой. Внутренняя связь между деяниями, образующими систематичность, выражается в единстве умысла виновного, а также в ряде случаев в направленности виновного на реализацию какой-либо одной цели [6, с. 157].

Таким образом, систематический характер предоставления помещения предполагает многократность тождественных, согласованных действий, выражающихся в фактическом предоставлении в пользование помещения.

В связи с этим единовременное предоставление помещения на длительный срок не образует состава преступления, в том числе при неоднократном проведении азартных игр с различными временными интервалами.

Если помещение передано для организации и проведения азартных игр на длительный срок единовременно, за период фактического пользования помещением азартные игры в нем проводились неоднократно, перерыв в пользовании отсутствовал (договор аренды не расторгался, помещение не возвращалось собственнику и т.д.), то действия лица, передавшего помещение, не могут быть квалифицированы как систематическое предоставление помещения. В этом случае лицу может быть вменено пособничество в совершении преступления: ч. 5 ст. 33, ст. 171.2 УК РФ. Условием привлечения к ответственности будет являться факт осведомленности о характере осуществляемой в переданном помещении деятельности. Такая осведомленность должна иметь место до фактической передачи имущества. Подобный вывод следует из буквального толкования диспозиции ст. 171.2 УК РФ: помещение должно быть

передано для незаконных организации и проведения азартных игр.

3. Иная квалификация содеянного имеет место в том случае, если лица фактически договорились о совместном совершении преступления, распределив функции каждого из них: одно предоставляет помещение, а другие лица (или лицо) занимаются организацией и проведением азартной игры. В такой ситуации действия всех участников квалифицируются как совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, так как предоставление помещения носило не самостоятельный характер, а являлось частью преступной деятельности, охватываемой единым умыслом. На практике, безусловно, будет возникать вопрос о доказывании единого преступного умысла всех участников группы, направленности умысла на организацию и проведение азартных игр, а не на собственно предоставление помещения. Для установления истинного характера деятельности (организация, проведение или предоставление помещения), по нашему мнению, следует выяснить, каким образом формируется доходная часть для лица, предоставившего помещение. Возможны следующие варианты:

1) процент, доля, часть от прибыли, получаемой от незаконной деятельности. В этом случае действия лица квалифицируются как незаконная организация и проведение азартных игр, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Рекомендация подобной квалификации обусловлена следующим: лицо принимает непосредственное участие в преступной деятельности в форме организации и (или) проведения азартных игр, извлекает доход именно из данной деятельности, а не в связи с предоставлением помещения;

2) фиксированная плата за предоставленное помещение. Задача квалификации решается, исходя из факта предварительной осведомленности лица о предполагаемом характере использования помещения:

— если лицо осведомлено — как пособничество в случае единичного (в том числе длительного) предоставления помещения;

— как систематическое предоставление — при многократном предоставлении помещения;

— если лицо не осведомлено, то в его действиях отсутствуют признаки преступления.

На основании вышеизложенного обоснованность самостоятельной криминализации систематического предоставления помещения для организации и проведения азартных игр представляется весьма сомнительной: действия лица, предоставившего помещение для занятия нелегальными азартными играми, проблем в квалификации не порождали. Они квалифицировались как пособничество* либо как совершение преступления групповым способом по ч. 2 или ч. 3 ст. 171.2 УК РФ.

После внесения в 2018 году в УК РФ изменений в каждом случае необходимо устанавливать характер и, назовем это условно, количество фактических действий лица, предоставившего помещение, а также факт возврата помещения. Позиция законодателя, стремящегося усилить уголовную ответственность, не выглядит последовательной и логичной, так как предоставление помещения на длительный срок не подлежит квалификации как систематическое, а именно такой вариант является наиболее распространенным на практике. Внесенные изменения не облегчают задачу правоприменителя, не сокращают время рассмотрения дела, не ведут к дифференциации ответственности, а значит, не могут быть оценены как положительные.

Исследователями также справедливо отмечается, что получение дохода физическим лицом от предоставления объекта недвижимости в аренду или внаем, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. N 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»**, не образует состава незаконного предпринимательства как общего преступления

* Приговор Московского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 19 окт. 2017 г. по делу N 1-216/2017 // Судебная практика: банк данных по гражданским, жилищным, трудовым, арбитражным и уголовным делам. URL: <http://sud-praktika.ru>

** О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 нояб. 2004 г. N 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. N 1.

и, соответственно, состава преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, также не может образовываться. Таким образом, предоставление помещения физическим лицом для организации и проведения азартных игр не может причинить вред объекту, поставленному под охрану нормами главы 22 УК РФ [2, с. 52].

4. Квалификация действий наемных работников: администраторов, крупье, официантов, охранников и других, так или иначе задействованных в процессе незаконной азартной игры. Такие лица не принимают участия в организации азартных игр, но их действия при определенных обстоятельствах могут быть квалифицированы как проведение незаконных азартных игр.

В литературе превалирующим является суждение, в соответствии с которым такие лица обеспечивали осуществление азартной игры, то есть способствовали совершению преступления. Следовательно, они должны привлекаться к уголовной ответственности в качестве пособников. В пользу подобного подхода к квалификации приводятся следующие аргументы: с точки зрения субъективного отношения к своим действиям они не могли не осознавать, что работают в игорном заведении, участвуют в проведении азартной игры, что используется игровое оборудование, которое не находится в пределах игровой зоны.

Кроме того, указывается, что подобная практика способствовала бы пресечению анализируемых преступлений, поскольку под угрозой наказания не всякий решился бы работать в нелегальных заведениях [7, с. 98]. При этом осведомленность лиц, непосредственно принимающих участие в проведении азартной игры, презюмируется, так как здравомыслящий человек не может не понимать характер и содержание организованной деятельности, а равно характер выполняемой им работы [8, с. 366].

Принципиально подобную позицию поддерживают и суды при рассмотрении уголовных дел по ст. 171.2 УК РФ.

По части 2 ст. 171.2 УК РФ квалифицируются действия работников, которые принимали непосредственное участие в игровом процессе, — администраторов, кассиров, крупье и т.д. При этом суды ис-

ходят из характера выполняемой деятельности, а именно: работа с денежными средствами (принятие, обмен на фишки, иные игровые суррогаты, обратный обмен, контроль за процессом игры и т.д.), непосредственное обеспечение игрового процесса, с указанием, что без участия данных лиц игра состояться не могла*.

В качестве соисполнительства квалифицируется выполнение функций по обеспечению безопасности нелегального игорного заведения: установление и контроль камер видеонаблюдения, проверка и допуск «клиентов» в помещение, разрешение конфликтных ситуаций, возникающих в процессе игры, и т.д., то есть речь может условно идти о выполнении функций частного охранного предприятия по обеспечению конфиденциальности и безопасности деятельности**.

Однако единства в квалификации действий наемных работников как соисполнителей преступления в форме проведения незаконных азартных игр нет. В некоторых случаях суды приходят к выводу о том, что, несмотря на очевидную осведомленность таких работников о незаконном характере деятельности, в их действиях отсутствуют признаки преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ. Такая позиция мотивируется следующим: наемные работники не принимают непосредственного участия в распределении дохода от преступной деятельности, работают за фиксированное денежное вознаграждение и, как следствие, умысел на совершение незаконного проведения азартных игр у них отсутствует***.

* Приговор Приволжского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 27 сент. 2017 г. по делу N 1-292/2017 // Судебная практика: банк данных по гражданским, жилищным, трудовым, арбитражным и уголовным делам. URL: <http://sud-praktika.ru>

** Приговор Невского районного суда Санкт-Петербурга от 19 июля 2017 г. по делу N 1-593/17; приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 15 сент. 2017 г. по делу N 1-258/2017 // Там же.

*** Приговор Куйбышевского районного суда г. Омска от 9 нояб. 2017 г. по делу N 1-402/2017; приговор Дзержинского районного суда г. Оренбурга от 23 янв. 2017 г. по делу N 1-420/16 // Там же.

По нашему мнению, подобный подход правоприменителя является ошибочным в связи с тем, что основной состав преступления формальный, извлечение дохода — не фактор, определяющий общественную опасность деяния, а лишь обстоятельство, усиливающее ответственность. Следовательно, именно факт осведомленности лица о характере выполняемой им работы, пусть даже по найму, и непосредственного участия в игровом процессе позволяет квалифицировать его действия как соисполнительство или пособничество в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

5. Еще одна значимая правоприменительная проблема — отсутствие общего подхода к установлению совместного характера действий лиц, направленности их на единый преступный результат, свидетельствующих о групповом способе совершения преступления (ч. 2 — группа лиц по предварительному сговору; ч. 3 — организованная группа).

Для правильной квалификации действий всех участвующих в совершении преступления необходимо определить соотношение содержащихся в диспозиции ст. 171.2 понятий «организация азартных игр» и «проведение азартных игр» как самостоятельных видов преступной деятельности.

Организация азартной игры предполагает совершение следующих действий:

— первичная стадия (назовем это «открытием» нелегального игорного заведения): подыскание помещения для проведения игры, оформление отношений с собственником, иным владельцем помещения (приобретение или наем), ремонт в необходимых случаях, приспособление помещения для проведения азартных игр, в том числе укомплектование его необходимым оборудованием, средствами по оказанию сопутствующих услуг, подбор и прием сотрудников, финансирование данной деятельности*. Следует обратить внимание на то, что как организация подобная деятельность квалифицируется

* Приговор Дзержинского районного суда г. Оренбурга от 23 янв. 2017 г. по делу N 1-420/16; приговор Приволжского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 27 сент. 2017 г. по делу N 1-292/2017 // Судебная практика: банк данных по гражданским, жилищным, трудовым, арбитражным и уголовным делам. URL: <http://sud-praktika.ru>

при первичном открытии «подпольного» игрового клуба. Аналогичные действия в уже функционирующем заведении могут быть квалифицированы как проведение азартной игры**. Логика в подобной квалификации следующая: после выполнения необходимых и достаточных действий, в результате которых фактически начинается игровая деятельность, схожие действия направлены не на организацию игрового процесса, а на его проведение. Это исключает квалификацию действий как организацию и, соответственно, вменение группового признака. После фактического открытия нелегального игрового заведения организация деятельности сводится к выполнению функций по руководству.

При подобном подходе к оценке действий лиц, организовавших и проводящих незаконные азартные игры, нерешенным остается вопрос о квалификации действий лиц, открывающих новые игровые заведения, то есть «расширяющих» свою нелегальную деятельность. Следуя логике судебных актов, можно сделать вывод: начало преступной деятельности обусловлено моментом открытия первого нелегального игрового заведения, последующие действия, включая связанные с открытием нового клуба, в том числе в другом населенном пункте, являются действиями по проведению азартных игр в рамках единого продолжаемого преступления (деятельности по организации и проведению азартных игр). Исходя из буквального толкования диспозиции ст. 171.2 УК РФ, в которой используется разделительный союз «или», преступление в форме организации незаконных азартных игр является оконченным с момента начала подготовительной деятельности. Таким образом, для квалификации действий виновного по ст. 171.2 УК РФ достаточно совершения организационных мероприятий без фактического начала игрового процесса;

— руководство деятельностью нелегального игорного заведения: разработка мер конспирации и защиты от разоблачения, заключение гражданско-правовых договоров, конспирирующих незаконную де-

** Приговор Дзержинского районного суда г. Оренбурга от 23 янв. 2017 г. по делу N 1-420/16.

тельность по проведению азартных игр, принятие решения о финансовых затратах, получение отчетов и распределение между участниками дохода*.

Осуществление процесса игры предполагает, как правило, личное участие в игровом процессе, однако могут выполняться и иные обязанности, позволяющие квалифицировать действия лица как проведение азартной игры. В процессе проведения игры в состав группы по предварительному сговору (организованной группы) при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 171.2 УК РФ, следует включать лиц, которые:

а) принимают непосредственное участие в процессе азартной игры: обеспечивают проведение игрового процесса, то есть без их участия игра невозможна (например, крупье, дилеры и т.д.), прием денежных средств от игроков, выдачу выигрышей (администраторы, кассиры);

б) обеспечивают бесперебойную техническую работу игрового оборудования: устанавливают программы, необходимые для игрового процесса, контролируют возможность доступа в Интернет, ремонтируют технику и т.д. (техническая служба);

в) обеспечивают охрану помещения, в котором проводятся незаконные азартные игры. Указанный функционал, безусловно, следует относить к проведению азартных игр с нарушением установленных законом требований, так как очевидный незаконный характер подпольной игровой деятельности предполагает в качестве обязательного условия соблюдение режима конфиденциальности (служба охраны);

г) обеспечивают контроль и учет поступивших от незаконной деятельности денежных средств (финансовая, экономическая служба).

Действия всех участников должны быть направлены на достижение единого преступного результата — незаконного проведения азартной игры, независимо от получаемой прибыли, так как основной состав преступления является формальным, извлечение дохода в крупном раз-

* Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 14 апр. 2017 г. по делу N 1-37/2017 // Судебная практика: банк данных по гражданским, жилищным, трудовым, арбитражным и уголовным делам. URL: <http://sud-praktika.ru>

мере — не криминообразующий, а квалифицирующий признак.

Выделение функциональных обязанностей членов преступной группы позволяет исключить из состава группы лиц, которые хотя и присутствуют, обслуживают игроков при проведении игры, но не принимают в ней непосредственного участия и не обеспечивают техническую, финансовую возможность ее проведения (официанты, клининговая служба и т.д.).

б. В ходе установления признаков организованной группы при совершении преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, суды выделяют следующие значимые признаки: устойчивость и сплоченность организованной преступной группы была обусловлена постоянством форм и методов преступной деятельности; общностью преступных целей и интересов; наличием на момент ее организации дружеских отношений между ее членами, их длительным знакомством между собой; совершением преступления по заранее разработанным плану и схеме; согласованностью действий ее участников; наличием у членов организованной преступной группы единого преступного умысла; наличием общей преступной «кассы», распределением между членами преступной группы дохода, извлеченного от занятия незаконной игровой деятельностью. Кроме того, устойчивость организованной преступной группы обуславливается четким распределением ролей при совершении преступления и конспирацией, а именно: подысканием и использованием для незаконных организации и проведения азартных игр помещения, отвечающего требованиям конспирации, допуск определенного круга лиц из числа знакомых членов преступной группы, ранее участвовавших в азартных играх, использование для общения с клиентами средств связи**.

Для незаконного игорного бизнеса в основном характерны именно группо-

** Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 14 апр. 2017 г. по делу N 1-37/2017; приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края от 2 окт. 2017 г. по делу N 1-178/2017 // Там же; апелляционное определение Волгоградского областного суда от 13 июня 2018 г. N 22-2240/2018 // Волгоградский областной суд: официальный сайт. URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru>

вые формы совершения преступления. Более того, группа лиц может быть высокоструктурированной, иметь разветвленную сеть на территории не только отдельных субъектов Российской Федерации, но и нескольких государств, вплоть до формирования преступных сообществ.

Указанное, по нашему мнению, обуславливает острую необходимость в систематизации практики применения ст. 171.2 УК РФ, и в первую очередь в части групповых способов совершения преступления, ее обобщения и разъяснения высшей судебной инстанцией.

Список литературы

1. Малков В.П. Повторность преступлений (понятие и уголовно-правовое значение) / под ред. Б.С. Волкова. Казань, 1970. 174 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под общ. ред. Н.А. Овчинникова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2007. 975 с.
3. Шумилин С.Ф., Степанюк О.С., Степанюк А.В. Уголовная ответственность за систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 232 УК РФ) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. N 4. С. 93-103.
4. Токманцев Д. Ответственность за систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств (ст. 232 УК РФ) // Уголовное право. 2014. N 2. С. 78-81.
5. Яловик В.С. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией или содержанием притонов для распития спиртных напитков, потребления наркотиков и других одурманивающих средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 22 с.
6. Иванов С.А. Понятие и юридическая природа систематичности в уголовном праве России // Общество и право. 2009. N 1 (23). С. 156-158.
7. Устинова Т.Д. Проблемы квалификации незаконных организации и проведения азартных игр // Актуальные проблемы российского права. 2019. N 11. С. 96-103.
8. Науменко О.П. Крупье как субъект незаконных организации и проведения азартных игр (ст. 171.2 УК РФ): от традиционного подхода к современным проблемам // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV междунар. науч.-практ. конф. М.: Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018. С. 366-369.

References

1. Malkov V.P. Repeatability of crimes (concept and criminal-legal meaning). Kazan, 1970. 174 p. (In Russ.).
2. Comment to the Criminal code of the Russian Federation: extended criminal law analysis with materials of judicial and investigative practice. Moscow, Ekzamen Publ., 2007. 975 p. (In Russ.).
3. Shumilin S.F., Stepanyuk O.S., Stepanyuk A.V. Criminal liability for systematic provision of premises for the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues (article 232 of the Criminal Code of the Russian Federation). Criminological journal of the Baikal state University of Economics and law, 2014, no. 4, pp. 93-103. (In Russ.).
4. Tokmantsev D. Responsibility for systematic provision of premises for the consumption of narcotic drugs (article 232 of the Criminal Code of the Russian Federation). Criminal law, 2014, no. 2, pp. 78-81. (In Russ.).
5. Yalovik V.S. Criminal-legal measures to combat the organization or maintenance of dens for drinking alcohol, drug use and other intoxicating substances. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 1991. 22 p. (In Russ.).
6. Ivanov S.A. Concept and legal nature of systematicity in the criminal law of Russia. Society and law, 2009, no. 1 (23), pp. 156-158. (In Russ.).
7. Ustinova T.D. Problems of qualification, organization and conduct of gambling. Actual problems of Russian law, 2019, no. 11, pp. 96-103. (In Russ.).
8. Naumenko O.P. Croupier as a subject of illegal organization and conduct of gambling (article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): from the traditional approach to modern problems. Criminal law: development strategy in the XXI century. Moscow, Moscow State law University named after O.E. Kutafin, 2018. Pp. 366-369. (In Russ.).

МОРОЗОВ В.И., кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, vik-mor@mail.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	MOROZOV V.I., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, vik-mor@mail.ru Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
ГАЛКИН В.В., vova.galkin20@mail.ru Отдел правового обеспечения и работы с обращениями граждан; Управление Федеральной службы судебных приставов по Тюменской области, 625013, г. Тюмень, ул. Пермякова, 5	GALKIN V.V., vova.galkin20@mail.ru Division of legal support and work with citizens' appeals; Department of the Federal Bailiffs Service for the Tyumen region, Permyakova St. 5, Tyumen, 625013, Russian Federation

О СООТНОШЕНИИ МЕДИЦИНСКОГО, ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО КРИТЕРИЕВ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы соотношения критериев невменяемости. Обращено внимание на выявление в правоприменительной практике признаков невменяемости, не вписывающихся в традиционную для теории уголовного права трактовку медицинского и психологического критериев невменяемости. По результатам анализа существующих в уголовном праве позиций и практики применения действующего законодательства авторами статьи предложено включить в понятие невменяемости медицинский, патопсихологический и юридический критерии. Обосновывается необходимость внесения изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, а также дополнения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. N 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» указанием на то, что невменяемые не могут освобождаться от уголовной ответственности на основании статей 75-78 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: невменяемость; психическое расстройство; юридический критерий невменяемости; медицинский критерий невменяемости; патопсихологический критерий невменяемости; общественно опасное деяние.

Для цитирования: Морозов В.И., Галкин В.В. О соотношении медицинского, патопсихологического и юридического критериев невменяемости // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 56-68.

ON THE CORRELATION OF MEDICAL, PATHOPSYCHOLOGICAL AND LEGAL CRITERIA OF INSANITY

Annotation. The issues concerning the correlation of criteria of insanity are analyzed in the article. Particular attention is paid to the identification of the signs of insanity in law enforcement practice that do not fit into the traditional interpretation of medical and psychological criteria of insanity in the theory of criminal law. Basing on the results of the analysis of the positions existing in criminal law, as well as the practice of applying the current legislation, the authors of the article propose to include medical, pathopsychological and legal criteria into the concept of insanity. The necessity of amending the criminal and criminal procedure legislation, as well as supplementing the resolution of

the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 7, 2011, No 6 "On the practice of applying compulsory medical measures by courts", taking into consideration the fact that the insane people cannot be exempted from criminal liability under articles 75-78 of the Criminal Code of the Russian Federation, is substantiated.

Keywords: insanity; mental disorder; legal criterion of insanity; medical criterion of insanity; pathopsychological criterion of insanity; socially dangerous act.

For citation: Morozov V.I., Galkin V.V. On the correlation of medical, pathopsychological and legal criteria of insanity // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 56-68.

Уголовной ответственности и наказанию подлежат лица, в деяниях которых нашли проявление сознания и воли. Отсутствие последних элементов вследствие патологического состояния психики влечет признание таких лиц невменяемыми, а это исключает уголовную ответственность и предоставляет возможность применения принудительных мер медицинского характера.

Согласно информации, опубликованной Федеральной службой государственной статистики, в 2014 году было взято под наблюдение 64,4 тыс. человек с диагнозом «психические расстройства и расстройства поведения», установленным впервые в жизни, в 2015 году — 62,8 тыс.

человек; в 2016 году — 60,1 тыс. человек; в 2017 году — 59,3 тыс. человек; в 2018 году — 59,1 тыс. человек*. Эти данные свидетельствуют о достаточно большом количестве лиц с психическими расстройствами, а также об их потенциальной опасности.

Динамика лиц, в отношении которых рассматривается вопрос о невменяемости, остается неизменной. В соответствии с информацией Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (см. табл.) ежегодно около 1 % поступающих в суд уголовных дел в отношении 1 % лиц связаны с применением принудительных мер медицинского характера к невменяемым**.

Таблица

Данные о рассмотрении уголовных дел в судах первой инстанции

Наименование показателя	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год
Общее количество уголовных дел, находившихся на рассмотрении	954 255	915 781	884 143	820 414
Количество рассмотренных уголовных дел с применением к невменяемым принудительных мер медицинского характера	8697	8359	8384	8047
Общее количество лиц, в отношении которых осуществлялось производство по уголовному делу	1 041 762	991 777	956 631	887 471
Количество признанных невменяемыми лиц, к которым применены принудительные меры медицинского характера	9073	8655	8607	8326

В связи с этим важной гарантией обеспечения права лиц с психическими аномалиями на адекватное применение к ним уголовно-правовых мер воздействия является определение состояния невменяемости, уяснение ее критериев и их соотношения между собой. Решение этих вопросов напрямую влияет на наличие или отсутствие оснований для привлечения лица к уголовной ответственности, применения принудительных мер медицинского характера.

Критерии невменяемости устанавливаются исходя из законодательного определения, которое содержится в ч. 1 ст. 21 УК РФ.

* Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://gks.ru>

** Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://cdep.ru>

Обобщение правоприменительной практики*, а также позиций, изложенных в теории уголовного права [1, с. 44, 62; 2, с. 58-59; 3, с. 207-208; 4, с. 98-99; 5, с. 133; 6, с. 125], показывает, что в большинстве случаев состояние невменяемости определяется одновременным наличием двух критериев – медицинского и психологического, отождествляемого с юридическим. Исходя из логики суждений сторонников такого подхода, наличие болезненного расстройства психической деятельности является медицинским критерием, который наряду с юридическим (невозможность осознавать значение своих действий или руководить ими) определяет состояние невменяемости лица.

Однако решение вопроса о соотношении критериев и их влиянии на определение невменяемости в рамках этого подхода не отличается единообразием. Например, одна часть судей допускает наличие медицинского критерия невменяемости при отсутствии юридического**, другая – придерживается позиции, согласно которой психическое расстройство не является медицинским критерием невменяемости при отсутствии юридического***. Иными словами, медицинский критерий невменяемости может быть констатирован только при наличии юридического критерия.

Такой взгляд на соотношение медицинского и юридического критериев не может быть оправдан, поскольку каждый

* См., например, постановления Спасского районного суда Республики Татарстан от 24 мая 2018 г. по делу N 1-24/2018; Красноселькупского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 нояб. 2014 г. по делу N 1-22/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** Приговор Железнодорожного районного суда г. Симферополя Республики Крым от 26 февр. 2016 г. по делу N 1-17/2016 // Там же.

*** См., например, приговоры Орловского районного суда Ростовской области от 31 янв. 2017 г. по делу N 1-6/2017; Таганрогского городского суда Ростовской области от 22 авг. 2017 г. по делу N 1-388/2017; Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 22 июня 2018 г. по делу N 1-313/2018; Пролетарского районного суда Ростовской области от 12 апр. 2019 г. по делу N 1-52/2019 // Там же.

из них имеет самостоятельное значение и не зависит от наличия другого. На практике данный подход, нивелируя особенности каждого из критериев, исключает возможность оценки поведения человека в системной взаимосвязи всех критериев невменяемости, установление наличия признаков других уголовно-правовых институтов, смежных с невменяемостью (например, невиновного причинения вреда).

Отсутствие одного из критериев не устраняет другие критерии невменяемости, а исключает возможность признания лица невменяемым, так как основанием для признания невменяемости является наличие совокупности всех критериев.

В судебно-следственной практике выделяется также эмоционально-волевой критерий, когда дефект сознания или воли обусловлен воздействиями эмоций. Такая позиция прослеживается на примере постановления Президиума Самарского областного суда от 26 апреля 2019 г. по делу N 44У-116/2019, в котором он на основании заключения экспертизы установил у лица эмоционально-волевой дефект, лишивший возможности руководить своими действиями при осознании их фактического характера и общественной опасности, назвав его эмоционально-волевым критерием невменяемости****.

В теории уголовного права вопрос о включении эмоционального критерия невменяемости не является новым. В науке отмечается, что дефекты эмоциональной сферы не имеют самостоятельного значения и сопровождаются расстройством интеллекта и (или) воли [4, с. 106; 6, с. 127].

Анализ заключений комиссий экспертов, подготовленных в ходе производства по уголовным делам, показывает, что нередко перед экспертами ставятся не относящиеся к их компетенции вопросы о вменяемости лица (они указывают это в анализируемых документах). Например, при отказе отвечать на вопрос, поставленный в рамках психолого-психиатрической экспертизы о вменяемости (невменяемости) лица, обращается внимание на то, что он касается юридического критерия

**** Постановление Президиума Самарского областного суда от 26 апр. 2019 г. по делу N 44У-116/2019 // Там же.

(ст. 21 УК РФ) и решается судебными органами*. Подчеркивается, что судебно-психиатрический эксперт может дать лишь заключение о наличии психического расстройства, его глубине и о наличии психологического критерия**.

Нередко в заключениях по результатам проведения экспертиз указывается на то, что нельзя дать ответ на вопрос о возможности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими в момент проведения экспертизы, поскольку такая формулировка соответствует характеристике невменяемости и не учитывает связи психического состояния с временем совершения общественно опасного деяния. В частности, согласно постановлению Тушинского районного суда г. Москвы от 29 ноября 2013 г. по делу N 1-299/2013, по показаниям одного из экспертов невозможно ответить на вопрос, может ли Б. в настоящее время осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и (или) руководить ими, поскольку данный вопрос относится к юридическому критерию невменяемости в соответствии со ст. 21 УК РФ. В связи с этим он может применяться только относительно периода совершения Б. инкриминируемых деяний***.

Не допуская отождествления невменяемости с психическим состоянием лица, в правоприменительной практике именно от экспертов исходит инициатива о необходимости отделения правовых признаков невменяемости от медицинского и психологического критериев. Юридические признаки невменяемости сводятся либо к констатации невменяемости органом пра-

воприменения (определяя ее в качестве самостоятельного юридического критерия невменяемости), либо к совпадению медицинского и психологического критериев на момент совершения лицом общественно опасного деяния. Несмотря на то, что данные признаки не одинаковы, их объединяет правовая составляющая, при помощи которой нозологические формы трансформируются в состояние невменяемости. В то же время выделенные ими признаки носят общий и несистемный характер, не позволяют провести четкое разграничение критериев и вследствие этого роли правоприменительных органов и экспертов в определении их наличия (или отсутствия) в процессе установления невменяемости (вменяемости) лица.

Изложенное выше показывает, что подход, связанный с рассмотрением невменяемости посредством выделения медицинского и психологического критериев, не в полной мере позволяет определить правильное соотношение правовых, патопсихологических и медицинских составляющих в рассматриваемом вопросе. В ряде случаев это приводит к решению вопроса о невменяемости не юристами, а экспертами, что прямо противоречит как закону, так и сущности невменяемости как правовой категории.

Исключая рассмотрение невменяемости как психического состояния лица, некоторые авторы, например А.В. Рагулина [7, с. 38], С.В. Шевелева [8, с. 112], выделяют темпоральный (временной) признак как самостоятельный критерий невменяемости наряду с медицинским и психологическим. Этот критерий характеризует временное совпадение факта совершения общественно опасного деяния лицом с его патопсихологическим состоянием.

Указанный критерий отражает юридическую составляющую невменяемости, но нельзя сказать, что она им исчерпывается, поскольку в таком случае не решен вопрос об общественной опасности деяния невменяемого лица, о месте и соотношении юридического аспекта с другими критериями невменяемости. При этом именно общественно опасное деяние через темпоральный признак связывается с медицинским и психологическим критериями.

* См., например, приговоры Кобяйского районного суда Республики Саха (Якутия) от 10 авг. 2015 г. по делу N 1-27/2015; Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 5 февр. 2014 г. по делу N 1-21/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** Приговор Биробиджанского районного суда Еврейской автономной области от 8 мая 2013 г. по делу N 1-11/2013 // Там же.

*** Постановление Тушинского районного суда г. Москвы от 29 нояб. 2013 г. по делу N 1-299/2013 // Там же.

Имеют место и взгляды на выделение юридического критерия невменяемости как самостоятельного, включающего и темпоральный признак. Одним из первых эту точку зрения высказал Ю.С. Богомяков, считающий, что юридический критерий содержит такие признаки, как совершение психически больным лицом объективно противоправного общественно опасного деяния; совпадение во времени совершения общественно опасного деяния и патологического состояния психики лица [9, с. 106-107].

Между тем, указывая на совершение деяния именно психически больным лицом, такой подход предполагает неразрывную связь деяния с медицинским и психологическим критериями (после установления которых лицо может быть признано невменяемым). Однако признак общественной опасности деяния обладает самостоятельным значением, его отсутствие исключает невменяемость без определения других ее критериев.

В современной теории уголовного права данное мнение получило поддержку, но с различными подходами к определению его содержания. Например, В.Б. Первомайский и В.В. Лень относят к юридическому критерию факт совершения лицом деяния [10, с. 71; 11, с. 116-117]. Т.М. Приходько, помимо этих признаков, включает наличие доказательств совершения деяния лицом, которому оно инкриминируется [12, с. 102]; А.А. Васильев — отсутствие вины в совершении деяния и невозможность лица быть ответственным за совершенное общественно опасное деяние [13, с. 122].

Однако вряд ли можно согласиться с включением в юридический критерий невменяемости такого признака, как отсутствие вины в совершении деяния, поскольку констатация факта невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, автоматически ведет к отсутствию умысла и неосторожности, устраняет необходимость их установления. Спорным является и выделение в юридическом критерии невменяемости признака, указывающего на невозможность лица быть ответственным за совершенное общественно опасное деяние, поскольку это относится к последствиям признания лица невменя-

мым, а не к критерию невменяемости. Наличие доказательств совершения деяния лицом, которому оно инкриминируется, влияет на определение невменяемости, но относится к уголовно-процессуальной деятельности субъектов доказывания, а не к критериям невменяемости.

По мнению О.А. Буркиной, содержание юридического критерия образует «одновременность совершения общественно опасного деяния и состояния невменяемости...», и он «...устанавливается лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судом», тогда как психологический и медицинский устанавливаются врачами-психиатрами [14, с. 26].

Положительным в этом подходе является разграничение критериев по субъектному составу их определения, а спорным представляется фактическое исключение автором из понятия «состояние невменяемости» общественно опасного деяния. Исходя из позиции автора, состояние невменяемости отождествляется с медицинским и психологическим критериями, что вряд ли будет верно, так как с точки зрения этимологии и в соответствии с ч. 1 ст. 21 УК РФ «невменяемость» и «состояние невменяемости» — тождественные понятия и их разграничение может повлечь за собой делегирование вопроса определения состояния невменяемости от юристов к экспертам, проводящим психолого-психиатрическую экспертизу.

Содержание юридического критерия невменяемости как в теории, так и в правоприменительной практике представлено в усеченном виде и не отличается системностью. В связи с этим на его основе нельзя сделать окончательный вывод о невменяемости лица, в то время как именно в рамках рассматриваемого критерия разграничиваются медицинские, психологические и правовые составляющие невменяемости, в результате сопоставления и установления соотношения которых делается вывод о невменяемости лица. Указанное свидетельствует о необходимости пересмотра количества и содержания критериев невменяемости, определения их соотношения. На наш взгляд, это важно не только для дальнейшего развития доктрины уголовного права, но и для правоприменительной деятельности в целях обеспечения соблю-

дения прав и законных интересов лиц с болезненным состоянием психики.

Представляется, что характеристика невменяемости с позиций медицинского, психологического и юридического критериев является более перспективной, так как в ней обращается внимание на правовые свойства невменяемости, а роль органов уголовной юстиции не сводится к согласию с экспертным заключением.

Медицинский критерий невменяемости представляет собой описанные в законе формы патологических (болезненных) состояний психики. В связи с этим вряд ли будет правильно определять данный критерий как обобщенный перечень психических расстройств, виды болезненного состояния психики, психическое расстройство, нередко используемые в литературе [1, с. 44], поскольку в законе речь идет не о психических болезнях и расстройствах, а о формах нарушений психической деятельности, в которых эти болезни проявляются.

Медицинский критерий может иметь место в том случае, если будет диагностировано какое-либо из расстройств, предусмотренных в перечне Международной классификации болезней десятого пересмотра, принятой 43-й Всемирной ассамблеей здравоохранения (далее – МКБ-10), поскольку «если психическому заболеванию не будет присвоен код из МКБ-10, то оно является ненаучным и необоснованным» [15, с. 130]. Это соответствует ч. 1 ст. 10 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»*, в силу которой диагноз психического расстройства ставится согласно с общепризнанными международными стандартами.

Однако диагностикой заболевания медицинский критерий не исчерпывается. Определяя медицинский критерий невменяемости, эксперт должен указать, к какому из перечисленных в ч. 1 ст. 21 УК РФ состояний относится диагностируемое им расстройство. При отсутствии ответа на данный вопрос медицинский критерий

нельзя считать установленным, поскольку диагностика заболевания не определяет, к какой группе из содержащегося в ч. 1 ст. 21 УК РФ перечня оно относится.

В литературе отмечается несовершенство законодательной формулировки рассматриваемого критерия и предлагаются различные варианты ее юридико-технического оформления. В частности, В.Б. Первомайский предлагает ограничить данный критерий понятием «хроническое или временное болезненное расстройство психической деятельности» [16, с. 199-200]; С.Н. Шишков – «психическое расстройство» [17, с. 35]; Т.М. Приходько – «хроническое или временное болезненное расстройство психической деятельности (психотического уровня)» [12, с. 121].

В целях обеспечения единого понимания терминологии юристами и врачами наименование этого критерия в законе должно охватывать перечень всех форм патологических состояний психики и носить научный характер, соответствующий медицинской терминологии, используемой в официальных документах. Исходным документом в связи с этим может являться МКБ-10, в которой болезни, вызывающие психические отклонения, выделены в самостоятельный раздел под названием «Психические расстройства и расстройства поведения».

Формулировки ч. 1 ст. 21 УК РФ, используемые для описания медицинского критерия невменяемости, либо не содержатся в указанном документе (хроническое и временное психическое расстройство, иное болезненное состояние психики), либо выделены в самостоятельную болезнь (согласно МКБ-10 слабоумие является одной из разновидностей умственной отсталости). Несогласованность терминологии, используемой в МКБ-10, которой руководствуются эксперты при выявлении медицинского критерия невменяемости, с терминологией уголовного закона негативно сказывается на определении соотношения понятий, затрудняет сопоставление указанных в МКБ-10 болезней с медицинским критерием невменяемости, способна повлечь возможность устранения ряда болезней из содержания медицинского критерия невменяемости, а также ведет к разногласиям между экспертами и юристами.

* О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. N 3185-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 33. Ст. 1913.

Исходя из этого представляется целесообразным изложить медицинский критерий невменяемости в соответствии с формулировкой МКБ-10, то есть как «психические расстройства или расстройства поведения». Содержание данной формулировки не является статичным, оно подвержено изменению в зависимости от развития научных знаний в сфере медицины. Однако должна быть единая терминология, используемая как в медицине, так и в юриспруденции.

Именно такой подход сможет обеспечить единое понимание медицинского критерия правоприменительными органами и экспертами, исключит возможные ошибки, возникающие при рассмотрении вопроса об отнесении той или иной болезни к медицинскому критерию невменяемости.

Неоправданным видится и отказ от медицинского критерия невменяемости в ее законодательной формуле, поскольку данный критерий отражает причину существования психологического критерия. Если психологический критерий отсутствует по другим причинам (физическое принуждение, ошибка, невиновное причинение вреда и т.д.), то вопрос о невменяемости не ставится.

Говоря о психологическом критерии невменяемости, необходимо отметить, что это фактически общая характеристика психического состояния лица, включающая не только интеллектуальный признак (невозможность осознавать фактический характер и общественную опасность действий (бездействия)), но и волевой, свидетельствующий о невозможности человека руководить своими действиями (бездействием).

Некоторые авторы допускают наличие состояний, при которых лицо может осознавать фактическую сторону своего поведения, но не его общественную опасность [5, с. 211], однако это не учитывается в законодательном описании психологического критерия невменяемости. В целях приведения законодательства в соответствие с реалиями практики представляется разумным дополнить в ч. 1 ст. 21 УК РФ описание интеллектуального признака психологического критерия невменяемости путем использования не только союза «и», но и союза «или».

Нередко психологический критерий именуется только как юридический [8, с. 112-113]. Следует признать обоснованной точку зрения Ю.С. Богомякова [9, с. 107] о наименовании этого критерия патопсихологическим по названию одноименной дисциплины, являющейся отраслью психологической науки, предмет изучения которой, согласно взглядам представителей данной дисциплины, включает «закономерности искажения отражательной деятельности мозга, а также закономерности распада психической деятельности и свойств личности в сопоставлении с закономерностями формирования и протекания психических процессов в норме» [18, с. 7].

Такой подход имеет и практическое значение, поскольку указывает на необходимость привлечения не только психиатра, но и психолога, специализирующегося в области патопсихологии, для точного определения психического состояния, описанного в ч. 1 ст. 21 УК РФ, а следовательно, обуславливает назначение не судебно-психиатрической экспертизы, как указано в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. N 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (далее – постановление Пленума ВС РФ от 7 апреля 2011 г. N 6), а комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

На использование комплексных знаний в области психиатрии и психологии при установлении невменяемости указывается и в специальной литературе, а именно подчеркивается, что психиатр компетентен диагностировать наличие или отсутствие психического заболевания или иного болезненного расстройства психики, а установление наличия или отсутствия психологического критерия требует использования профессиональных психологических знаний, в рамках которых учитываются и клинко-диагностические данные, связанные с медицинским критерием невменяемости [19, с. 158].

Медицинский и патопсихологический критерии невменяемости, установленные в ходе экспертизы, фиксируются в экспертном заключении и не могут быть определены правоприменителем самостоятельно. Полагаем, что указание об опре-

делении этих критериев только на основании экспертного заключения должно найти отражение в правовой норме, посвященной невменяемости. Такой юридико-технический прием будет способствовать разделению функций правоприменителей и врачей, исключит необоснованное делегирование несвойственных функций и обеспечит единообразное понимание соотношения критериев невменяемости.

Юридический критерий невменяемости считаем возможным определить как совокупность правовых признаков, являющихся основанием для признания лица невменяемым.

С учетом целевого назначения юридического критерия невменяемости, а также определения невменяемости, данного в ч. 1 ст. 21 УК РФ, и позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в пп. 2, 6, 17, 20 постановления Пленума ВС РФ от 7 апреля 2011 г. N 6, сложившейся в России правоприменительной практики юридический критерий включает следующие признаки: 1) общественная опасность совершенного лицом деяния; 2) совпадение времени совершения общественно опасного деяния с временем нахождения лица в патопсихологическом состоянии; 3) установление и закрепление в процессуальных документах юридического факта признания лица невменяемым.

Необходимость выделения общественной опасности совершенного лицом деяния в качестве признака юридического критерия невменяемости вытекает из содержания ч. 1 ст. 21 УК РФ, в соответствии с которой невменяемость устанавливается только в случае совершения лицом такого деяния. Кроме того, совершение лицом деяния, запрещенного уголовным законом, образует самостоятельный предмет доказывания при производстве предварительного следствия и в ходе судебного разбирательства при установлении невменяемости, что следует из пп. 1-3 ч. 2 ст. 434 УПК РФ и пп. 1-2 ст. 442 УПК РФ, а также из ст.ст. 443, 434 УПК РФ.

На учет данного признака и необходимость юридической оценки содеянного обращено внимание в пп. 2, 6, 17, 20 постановления Пленума ВС РФ от 7 апреля 2011 г. N 6. Тот факт, что именно это лицо совершило общественно опасное деяние,

является важным аспектом в уголовном судопроизводстве. Но этот вопрос носит криминалистический, уголовно-процессуальный характер.

Общественно опасное деяние невменяемого определяется как запрещенное уголовным законом действие или бездействие такого лица, причиняющее существенный вред общественным отношениям, охраняемым этим законом, или ставящее их под угрозу причинения такого вреда.

В случае совершения деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, лицом с дефектами психики его признаки (особенно субъективные) изменяются, образуя качественно новую категорию — общественно опасное деяние, от определения признаков которого зависит решение вопроса о признании лица невменяемым, что подтверждает обоснованность его рассмотрения в качестве одного из признаков юридического критерия невменяемости.

Основанием для признания лица невменяемым является наличие состава общественно опасного деяния, под которым понимается совокупность признаков такого деяния, установленных в уголовном законе. Это основание следует отличать от обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, являющихся реабилитирующими.

Несмотря на то, что в УК РФ вопрос об их конкуренции не решен, в ч. 3 ст. 443 УПК РФ сформулировано положение, согласно которому при наличии предусмотренных ст.ст. 24-28 УПК РФ оснований суд обязан принять решение о прекращении уголовного преследования. Это не зависит от заболевания лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости.

По смыслу приведенных положений наличие у лица признаков невменяемости и совершение им в этом состоянии деяния при наличии оснований, предусмотренных ст.ст. 24-28 УПК РФ, влечет прекращение уголовного дела только по данным основаниям. Поскольку ряд положений ст.ст. 24-28 УПК РФ носит реабилитационный характер, постольку лицо не может быть признано невменяемым в ситуациях, когда имеются иные основания, исключающие уголовное преследование, при до-

пущении того, что деяние было совершено лицом в состоянии вменяемости.

Основания, указанные в главе 11 УК РФ в качестве обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности, не влияют на признание лица невменяемым. Однако в судебной практике допускается возможность применения в отношении невменяемых лиц таких обстоятельств, как примирение с потерпевшим*, истечение сроков давности**, деятельное раскаяние***.

Рассматривая подобные дела, правоприменители после установления факта невменяемости лица по тексту судебного постановления прекращают уголовное дело не ввиду его невменяемости (по основаниям отсутствия состава преступления), а в связи с наличием обстоятельств, приведенных в главе 11 УК РФ, ссылаясь на соответствующие положения ст.ст. 24-28 УПК РФ. Подобные решения принимаются на основании п. 1 ч. 1 ст. 439 и ч. 3 ст. 443 УПК РФ.

Прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям в отношении невменяемых лиц по основаниям, не связанным с невменяемостью, по нашему мнению, не соответствует закону. Представляется, что перечисленные в главе 11 УК РФ обстоятельства предполагают наличие оснований для уголовной ответственности лица и связаны с совершением им преступления, в то время как невменяемым лицом совершаются не преступления, а запрещенные уголовным законом деяния.

В связи с этим уголовное дело в отношении невменяемого лица не может быть прекращено по указанным в главе 11

УК РФ основаниям. Кроме того, при рассмотрении подобных уголовных дел требуется решение вопроса о применении принудительных мер медицинского характера, в то время как при прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным главой 11 УК РФ, материалы нередко не направляются в органы здравоохранения для решения вопроса о необходимости принудительного лечения такого лица. Для устранения нарушений, связанных с необоснованным применением института освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям в отношении лиц, имеющих признаки невменяемости, необходимо внесение в постановление Пленума ВС РФ от 7 апреля 2011 г. N 6 соответствующих дополнений, указывающих на невозможность применения ст.ст. 75-78 УК РФ в отношении рассматриваемой категории лиц.

Темпоральный признак юридического критерия невменяемости вытекает из положений ч. 1 ст. 21 УК РФ. Об этом признаке указано в абз. 2 п. 6 постановления Пленума ВС РФ от 7 апреля 2011 г. N 6.

Констатация невменяемости как юридического факта и закрепление этого в процессуальных документах является правовой оценкой деятельности лица, совершившего общественно опасное деяние, основанной на сопоставлении всех других признаков невменяемости. После этого возможно рассмотрение последствий невменяемости в виде применения принудительных мер медицинского характера. Нормативное закрепление данного признака осуществлено в ч. 1 ст. 433 УПК РФ, которая регламентирует деятельность суда в этой сфере.

Хотя аналогичная норма отсутствует применительно к органам предварительного расследования, данный признак определяется, исходя из толкования ч. 1 ст. 439 УПК РФ, по смыслу которой, принимая одно из решений, предусмотренных в главе 51 УПК РФ, орган предварительного следствия должен разрешить вопрос о невменяемости лица, что предполагает ее констатацию и закрепление в процессуальном документе.

В резолютивной части ряда судебных актов также содержится вывод о признании лица невменяемым в отношении со-

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 27 мая 2010 г. по делу N 22-1801. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 нояб. 2002 г. по делу N 47-002-82. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

*** Постановление Труновского районного суда Ставропольского края от 1 марта 2018 г. по делу N 1-5/2018 // Судебные решения РФ: сайт. URL: <http://судебныерешения.рф>

вершенного им запрещенного уголовным законом деяния*.

Несмотря на то, что данный признак основывается на нормах процессуального права, по содержанию он имеет и уголовно-правовое значение, поскольку только фиксация в уголовно-процессуальных документах юридического факта признания лица невменяемым порождает уголовно-правовые отношения по поводу отсутствия в общественно опасном деянии оснований уголовной ответственности и рассмотрение вопроса о необходимости применения принудительных мер медицинского характера к этому лицу.

Действующим законодательством предусмотрена возможность признания лица невменяемым судом, следователем и прокурором (в рамках реализации положений п. 1 ч. 5 ст. 439 УПК РФ при утверждении решения органа предварительного расследования о признании лица невменяемым, до утверждения которого постановление не имеет юридической силы).

Представляется более верным вопрос о признании лица невменяемым оставить исключительно на разрешение суда. Это в большей степени обеспечит гарантии прав личности, так как только в рамках судебного разбирательства в условиях состязательности сторон возможно полно и всесторонне исследовать критерии невменяемости, а также дать уголовно-правовую оценку содеянного лицом, определить целесообразность применения принудительных мер медицинского характера, что в настоящее время зависит от усмотрения органов предварительного следствия. Уяснение этих обстоятельств связано со множеством факторов, которые не всегда можно учесть в рамках предварительного расследования.

Вследствие этого необходимо внести соответствующие изменения в УПК РФ и УК РФ. Такой подход будет в большей степени отвечать принципам равенства гражд-

дан перед законом и справедливости, так как при решении вопроса о невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, рассматривается и вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, связанных с определенными ограничениями в правах такого лица.

Рассмотренные выше критерии являются равнозначными, так как отсутствие хотя бы одного из них исключает невменяемость. Взаимосвязь медицинского критерия невменяемости с патопсихологическим проявляется в том, что первый обуславливает необходимость установления второго. При отсутствии медицинского критерия лицо не может признаваться невменяемым, и в этом случае нет необходимости установления патопсихологического критерия.

Медицинский и патопсихологический критерии невменяемости связаны с юридическим критерием через категории времени и пространства. Наличие этих критериев должно устанавливаться на территории, на которую распространяется уголовный закон, действующий во время совершения общественно опасного деяния в соответствии с УК РФ, и юридическая оценка которого подпадает под его действие. Вне пространственно-временных границ патопсихологический и медицинский критерии преобразуются в обычное психическое состояние человека. Связь этих критериев с пространственно-временными границами раскрывается через такие признаки юридического критерия, как наличие общественно опасного деяния, совершенного конкретным лицом, и темпоральный. Первый признак определяет объект, по отношению к которому в рамках второго признака устанавливаются границы медицинского и патопсихологического критериев.

Патопсихологический критерий невменяемости внутренне связан и с общественно опасным деянием как признаком юридического критерия, поскольку установленные элементы патопсихологического критерия определяют субъективные признаки общественно опасного деяния и его соответствие конкретной уголовно-правовой норме.

Совокупность медицинского и патопсихологического критериев с призна-

* См., например, постановления Авиастроительного районного суда города Казани Республики Татарстан от 29 сент. 2015 г. по делу N 1-228/2015; Ханты-Мансийского районного суда ХМАО – Югры от 25 июля 2018 г. по делу N 1-202/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

ками юридического критерия (наличием общественно опасного деяния и темпоральным признаком) образует неменяемость, правовые последствия которой наступают только после ее констатации органом правоприменения и закрепления этого факта в процессуальном документе. Процессуальный документ объединяет все критерии неменяемости.

В связи с этим констатация факта неменяемости и его закрепление в процессуальном документе отражают результат взаимодействия медицинского и патопсихологического критериев с признаками юридического критерия, такими как наличие общественно опасного деяния и темпоральный признак.

Отграничивая медицинский и патопсихологический критерии неменяемости от юридического критерия, важно отметить, что у юридического критерия нет признаков, которые могли бы отсутствовать. Только при наличии всех трех признаков лицо признается неменяемым, тем самым проявляется прямая зависимость друг от друга признаков юридического критерия, при которой наличие трех признаков является обязательным и необходимым условием для признания лица неменяемым.

В свою очередь, признаки медицинского и патопсихологического критериев в отличие от признаков юридического критерия присутствуют альтернативно, и для признания лица неменяемым не требуется наличие всех перечисленных признаков.

Все три критерия взаимодействуют между собой, и только наличие всех трех может являться основанием для признания лица неменяемым. При отсутствии какого-либо из трех критериев лицо не может быть признано неменяемым. Исходя из объема понятия неменяемости, рассматриваемые критерии представляют собой частично пересекающееся множество. Они не могут совпадать абсолютно и быть идентичными друг другу, поскольку если бы все они совпадали по содержанию, тогда бы при признании лица неменяемым выбирался один критерий.

Медицинский, патопсихологический и юридический критерии неменяемости объединяет подлежащее уголовно-правовой оценке поведение лица, по отноше-

нию к которому эти критерии устанавливаются.

Законодательная регламентация неменяемости не в полной мере раскрывает входящие в ее состав критерии, содержит некорректные термины, затрудняет при применении уголовного законодательства уяснение правильного их соотношения и ведет к множеству ошибок на практике. В связи с этим предлагаем внести изменения в ст. 21 УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«1. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии неменяемости.

Под состоянием неменяемости следует понимать установленную судом на основании результатов экспертного заключения неспособность лица во время совершения общественно опасного деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, осознавать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие психического расстройства либо иного расстройства поведения.

2...

Примечание. Под общественно опасным деянием в настоящей статье следует понимать действие или бездействие, предусмотренное настоящим Кодексом, являющееся основанием для признания лица неменяемым, в котором отсутствуют иные обстоятельства, исключающие уголовную ответственность».

В целях исключения фактов необоснованного освобождения от уголовной ответственности лиц, имеющих признаки неменяемости, по основаниям, предусмотренным ст.ст. 75-78 УК РФ, полагаем возможным дополнить постановление Пленума ВС РФ от 7 апреля 2011 г. N 6, включив в него абзац следующего содержания: «Поскольку неменяемыми лицами совершаются не преступления, а общественно опасные деяния, то указанные категории лиц не могут быть освобождены от уголовной ответственности на основании ст.ст. 75-78 УК РФ».

Реализация положений об определении неменяемости исключительно судом возможна путем внесения изменений и в отдельные части ст. 439 УПК РФ. Это позволит исключить для органов предвари-

тельного следствия возможность самостоятельно прекращать уголовные дела в отношении невменяемых лиц, которые по своему психическому состоянию не нуждаются в принудительных мерах медицинского характера. Редакция этих положений может быть следующей:

«1. По окончании предварительного следствия следователь выносит постановление:

1) о прекращении уголовного дела — по основаниям, предусмотренным статьями 24 и 27 настоящего Кодекса;

2) о направлении уголовного дела в суд для установления невменяемости и решения вопроса о применении принудительной меры медицинского характера.

<...>

4. В постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера должны быть изложены:

<...>

2) наличие или отсутствие оснований для применения принудительной меры медицинского характера;

<...>».

Предложенные нами изменения и установление невменяемости только при наличии медицинского, патопсихологического и юридического критериев будут являться важной гарантией, обеспечивающей права человека при признании его невменяемым.

Список литературы

1. Спасенников Б.А. Учение о невменяемости: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 184 с.
2. Артеменко Н.В. Актуальные проблемы вменяемости (невменяемости) и возраста уголовной ответственности. (Сравнительный историко-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Франции): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов н/Д., 1999. 205 с.
3. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М.: Проспект, 2015. 232 с.
4. Павлов В.Г. Учение о субъекте преступления: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 376 с.
5. Смирнов А.М. Уголовно-правовая безнаказанность: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 464 с.
6. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Спарк, 1998. 215 с.
7. Рагулина А.В. Психические отклонения и их уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2000. 160 с.
8. Шевелева С.В. Концепция свободы воли и принуждения в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 248 с.
9. Богомягков Ю.С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки // Советское государство и право. 1989. N 4. С. 103-108.
10. Первомайский В.Б. Критерии невменяемости и пределы компетенции психиатра-эксперта // Советское государство и право. 1991. N 5. С. 68-76.
11. Лень В.В. Кримінально-правові проблеми визначення осудності злочинця: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Харків, 2003. 215 с.
12. Приходько Т.М. Проблема обмеженої осудності в кримінальному праві: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Киев, 2001. 216 с.
13. Васильев А.А. Проблемы осудности у кримінальному праві: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Харків, 2005. 221 с.
14. Буркина О.А. Уголовное право Российской Федерации (Общая часть) в таблицах и схемах: альбом схем. Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2016. 148 с.
15. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург: Университет, 2016. 442 с.
16. Первомайский В.Б. Невменяемость. Киев, 2000. 320 с.
17. Шишков С.Н. Уголовный кодекс России и проблемы невменяемости // Журнал российского права. 1998. N 1. С. 32-37.
18. Зейгарник Б.В. Патопсихология: учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 367 с.
19. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности / науч. ред. Г.М. Миньковский. М.: Норма, 1998. 285 с.

References

1. Spasennikov B.A. The doctrine of insanity. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 184 p. (In Russ.).
2. Artemenko N.V. Actual problems of sanity (insanity) and the age of criminal responsibility. (Comparative historical and legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and France). Cand. Diss. Rostov-on-Don, 1999. 205 p. (In Russ.).
3. Rarog A.I. Problems of qualification of crimes on subjective grounds. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 232 p. (In Russ.).
4. Pavlov V.G. The doctrine of the subject of crime. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 376 p. (In Russ.).
5. Smirnov A.M. Criminal Impunity. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 464 p. (In Russ.).
6. Antonyan Yu.M., Borodin S.V. Crime behavior and mental abnormalities. Moscow, Spark Publ., 1998. 215 p. (In Russ.).
7. Ragulina A.V. Mental deviations and their criminal legal significance. Cand. Diss. Moscow, 2000. 160 p. (In Russ.).
8. Sheveleva S.V. The concept of free will and coercion in criminal law. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 248 p. (In Russ.).
9. Bogomyagkov Yu.S. Criminal law insanity: criteria and signs. Soviet state and law, 1989, no. 4, pp. 103-108. (In Russ.).
10. Pervomayskiy V.B. Criteria of insanity and the limits of competence of an expert psychiatrist. Soviet State and Law, 1991, no. 5, pp. 68-76. (In Russ.).
11. Len` V.V. Criminal-legal problems of definition of sanity of the criminal. Cand. Diss. Kharkiv, 2003. 215 p. (In Ukrainian).
12. Pxirod`ko T.M. The problem of limited sanity in criminal law. Cand. Diss. Kiev, 2001. 216 p. (In Ukrainian).
13. Vasil`ev A.A. Problems of sanity in criminal law. Cand. Diss. Kharkiv, 2005. 221 p. (In Ukrainian).
14. Burkina O.A. Criminal law of the Russian Federation (General part) in tables and diagrams. Perm, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2016. 148 p. (In Russ.).
15. The criminal law of Russia. A common part. Orenburg, Universitet Publ., 2016. 442 p. (In Russ.).
16. Pervomayskiy V.B. Insanity. Kiev, 2000. 320 p. (In Russ.).
17. Shishkov S.N. Criminal Code of Russia and problems of insanity. Journal of Russian law, 1998, no. 1, pp. 32-37. (In Russ.).
18. Zeygarnik B.V. Pathopsychology. Moscow, Yurait Publ., 2017. 367 p. (In Russ.).
19. Sitkovskaya O.D. Psychology of criminal liability. Moscow, Norma Publ., 1998. 285 p. (In Russ.).

Раздел 5. Пенитенциарная система

ЕГОРОВА Т.И., кандидат юридических наук, madamti62@yandex.ru Факультет подготовки научно-педагогических кадров; Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1	EGOROVA T.I., Candidate of Legal Sciences, madamti62@yandex.ru Faculty of scientific and pedagogical staff training; Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Sennaya St. 1, Ryazan, 390000, Russian Federation
---	--

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. Анализ законодательства и материалов правоприменительной практики в пенитенциарной сфере приводит к выводу о необходимости совершенствования института лишения свободы, в том числе исключения для осужденных угроз внутреннего и внешнего характера. Отбывающие наказание в виде лишения свободы, не имея возможности избежать межличностного взаимодействия, нередко оказываются втянутыми в опасные конфликтные ситуации. Подобные угрозы возможны и за пределами исправительного учреждения, например, при перемещении осужденных к месту исполнения наказания в виде лишения свободы или переводе в другое исправительное учреждение. В статье уделено внимание некоторым аспектам соотношения международно-правовых рекомендаций и содержания национального законодательства в части определенности правоограничений на протяжении всего срока лишения свободы, в том числе при перемещении. На решение обозначенных проблем направлено предложение автора о дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, разумной гуманизации содержания осужденных.

Ключевые слова: безопасность осужденных; лишение свободы; исправительное учреждение; законность; гуманизм; международное право; эффективность наказания.

Для цитирования: Егорова Т.И. Отдельные аспекты безопасности лишения свободы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 69-75.

CERTAIN ASPECTS OF THE SAFETY OF PRISONERS

Annotation. The analysis of the legislation and materials of law enforcement practice in the penitentiary sphere leads to the conclusion that it is necessary to improve the institution of deprivation of liberty, including the exclusion of internal and external threats to convicts. Prisoners serving their sentences, not being able to avoid interpersonal interaction, are often involved in dangerous conflict situations. Similar threats are also possible outside the correctional facility, for example, when convicts are transferred to the place of confinement or another correctional facility. The author of the article pays attention to some aspects of the correlation between international legal recommendations and the national legislation concerning the certainty of legal restrictions during the entire term of imprisonment, including the time during the transfer of convicts. The author's proposal on the differentiation and individualization of the execution of sentences, the reasonable humanization of the convicts' maintenance is aimed at solving the above mentioned problems.

Keywords: safety of prisoners; imprisonment; correctional facility; legality; humanism; international law; effectiveness of punishment.

For citation: Egorova T.I. Certain aspects of the safety of prisoners // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 69-75.

Культурные предпосылки развития общества, его обычаи и традиции находят непосредственное отражение в различных сферах деятельности, в том числе в проти-

водействии преступности. Эффективность данной деятельности определяется системностью и объективностью тенденций изменения уголовного закона, отражаю-

щего научно обоснованный и апробированный подход к формулированию правовых предписаний, нацеленных на правоприменительную практику и перспективу дальнейшего развития общественных институтов [1, с. 113].

Очевидно, что национальная политическая сфера неразрывно связана с геополитическими процессами, происходящими в мире. На фоне этого поддержание и обеспечение власти в каждом государстве имеет свои особенности. Сохранение и нормативное закрепление данного своеобразия обеспечивает самобытность и суверенитет политической организации.

Вместе с тем традиционные системы контроля, исторически складывающиеся и существующие в изолированном обществе, не всегда могут эффективно противостоять криминальным проявлениям, носящим стихийный, неконтролируемый характер, нередко основывающийся на преемственности обычаев криминальной субкультуры [2, с. 94]. В современном динамично меняющемся мире осознание феномена пенитенциарной безопасности предполагает создание специальных международных и национальных институтов.

Единое понимание всеми странами необходимости правовой охраны и содержания защищенности лиц, находящихся в учреждениях, исполняющих наказания, и разнообразие угроз предполагают перманентное совершенствование национального законодательства и международных принципов контроля.

В законодательстве закреплены гарантии обеспечения безопасности при исполнении наказания. Это в полной мере отражает содержание принципа гуманизма в формальных правовых предписаниях и конкретных публично-правовых отношениях. Предпосылкой обеспечения состояния защищенности в пенитенциарном процессе является признание «человека как приоритетной биосоциальной ценности в процессе уголовного правотворчества и реализации задач уголовного законодательства» [3, с. 26]. Независимо от своего предыдущего поведения, в том числе правонарушающего, человек нуждается в заботе государства.

Исключение угроз внутреннего и внешнего характера создает гарантии эф-

фективности исполнения уголовного наказания, возвращения в общество личности, которая уважительно относится к другим людям, труду, нормам, правилам и традициям. Охрана чести и достоинства осужденных предполагает не только создание условий лишения свободы, учитывающих их физиологические и социальные потребности, но и развитие у них стремления к социализации, привитие навыков социально одобряемого и социально полезного поведения.

Международные правовые акты, в том числе Всеобщая декларация прав человека*, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах**, Конвенция о защите прав человека и основных свобод***, в качестве обязательного требования при ограничении прав и свобод граждан предусматривают обеспечение их безопасности. Исключение возможности влияния на лиц, находящихся в условиях лишения свободы, физических или психологических угроз представляет собой часть обеспечения установленного законом состояния изоляции в пенитенциарном учреждении.

Государство обязано применять безопасные и эффективные виды наказания. При этом императивное требование безопасности содержания тюремного населения распространяется на все без исключения виды исправительных учреждений. Единообразие указанных требований в некоторой степени упрощает организацию защиты порядка и условий исполнения лишения наказания в виде лишения свободы.

Осужденные, находясь в пенитенциарном учреждении, постоянно пребывают в изолированных условиях содержания,

* Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Рос. газ. 1998. 12 дек.

** Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. N 12.

*** Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. N 3.

подчиняясь требованиям режима [4, с. 78]. Обеспечение предусмотренных законом охраны и надзора за их поведением является обязательным атрибутом исполнения наказания в исправительных учреждениях. Различная степень правоограничений обеспечивает возможность достаточного принуждения, необходимого для достижения целей наказания, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, а также личности виновного.

Условия изоляции связаны с дискомфортом в повседневной жизнедеятельности личности. Одновременно существующая в российских пенитенциарных учреждениях коллективная система исполнения лишения свободы, как и одиночное заключение, может быть связана с возникновением угроз безопасности осужденных, отбывающих наказание.

В связи с этим, несомненно, соблюдение и поддержание режима законности при исполнении наказания способно сформировать предпосылки для полноценной защиты прав осужденных [5, с. 76]. Кроме того, данное обстоятельство имеет существенное значение для сохранения авторитета государственной власти, основывающегося на субъективной психологической и моральной поддержке населения.

Однако нередко возникают ситуации, в которых нарушается баланс правоохраняемых ценностей. Недопустимость создания подобных ситуаций в условиях лишения свободы подчеркивается в Минимальных стандартных Правилах обращения с заключенными*. Необходимо заметить, что они отражают важность обеспечения личной безопасности осужденных. Последовательное перечисление нормативов, относящихся к размещению осужденных на спальных и рабочих местах, обеспечению питанием и медицинским обслуживанием, учебному процессу и трудоустройству, удовлетворению физиологических и социальных потребностей лиц, лишенных свободы, создает основу для эффективности наказания [6, с. 47].

* Минимальные стандартные Правила обращения с заключенными (приняты в г. Женеве 30 августа 1955 г.) // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М., 1990. С. 290-311.

Универсальный характер данных рекомендаций обусловлен различиями в социально-экономическом развитии государств – членов международного сотрудничества, к которым они обращены. В настоящее время в Российской Федерации условия пребывания осужденных в учреждениях и органах, исполняющих наказания, только приводятся в соответствие с требованиями международных стандартов. Имеется достаточное количество трудностей материального и кадрового обеспечения, в том числе связанных с географическим положением и большой территорией государства. Негативное влияние на уголовно-исполнительную политику оказывает и наследие идеологии жестокости при обращении с заключенными в новой и новейшей истории вопреки предписаниям большинства известных правовых норм, что является «характерным для уголовно-исполнительной истории России» [7, с. 180].

Существуют определенные маркеры, позволяющие оценить уровень безопасности в местах лишения свободы.

Конкретные возможности поддержания состояния защищенности осужденных, предусмотренные Минимальными стандартными Правилами обращения с заключенными, связаны, например, с учетом совместимости осужденных при размещении в спальных помещениях, а также с постоянным надзором за осужденными ночью (п. 9), защитой осужденных от оскорблений и унижений при перемещении (п. 45). Действительно, ночное время суток и временная обстановка перемещения создают наиболее неопределенное состояние у осужденных.

«Питательной средой» для данного состояния являются криминогенные внутренние пенитенциарные факторы, существующие в местах лишения свободы. Они определяют необходимость пристального внимания к обеспечению безопасности и формированию субъективного чувства защищенности у осужденных. При этом следует особо выделить преступную неформальную субкультуру жизнедеятельности осужденных и проявление организованных преступных связей в местах лишения свободы [8, с. 204]. Данные явления по-разному обнаруживаются в

среде осужденных. Их ассимиляция имеет объективный характер, однако зависит от субъективных факторов подверженности личности криминальному заражению.

Опасная ситуация складывается в связи с отсутствием в современном российском законодательстве учета при классификации осужденных отдельных качественных признаков, позволяющих охарактеризовать личность [9, с. 54]. По этой причине на практике при исполнении уголовных наказаний возникают существенные проблемы с обеспечением безопасности осужденных, отбывающих наказание и относящихся к социальному меньшинству в силу своей сексуальной ориентации, национальности или других обстоятельств.

Однако данные угрозы могут существовать не только на территории исправительного учреждения, но и за его пределами, и проявиться при передвижении осужденных. Объективные проблемы возникают в связи с этапированием осужденных при перемещении к месту исполнения наказания в виде лишения свободы или переводе в другое исправительное учреждение. Исключение в данном смысле не составляют и случаи привлечения осужденных к участию в выездных следственных действиях или в судебном разбирательстве, применения меры пресечения в виде заключения под стражу при совершении нового преступления.

Можно согласиться с точкой зрения А.А. Крымова, согласно которой вопросы обеспечения безопасности носят при этом комплексный уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и уголовно-процессуальный характер [10, с. 99]. Комплексный подход к обеспечению безопасности осужденных при перемещении предполагает изучение и регулирование двух самостоятельных институтов, которые касаются конвоирования осужденных к месту исполнения наказания и их временного содержания в транзитно-пересыльных пунктах [11, с. 265].

Положения ст. 76 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) регламентируют общие правила перемещения осужденных к лишению свободы. Однако в законе отсутствует какая-либо дифференциация порядка передвижения осужденных

в зависимости от способа перемещения. В то же время тактические правила конвоирования применительно к транспортным средствам или осуществлению пешего сопровождения существенно различаются. Вместе с тем конвоирование осужденных и лиц, содержащихся под стражей, специальным транспортом или транспортом общего назначения с использованием специального оборудования автодорожным, железнодорожным, водным и воздушными путями значительно отражается на протяженности маршрута.

Конкретные нормативные требования, касающиеся содержания осужденных при конвоировании, ограничиваются лишь техническими характеристиками специального транспортного оборудования. В связи с этим возникают значительные трудности в обеспечении субъективного ощущения защищенности прав лиц, принудительно перемещаемых в целях реализации назначения уголовно-исполнительного или уголовно-процессуального законодательства.

Существуют объективные сложности размещения осужденных, находящихся в транзитно-пересыльных пунктах. Правовой статус данных лиц в указанных помещениях соответствует требованиям УИК РФ. Вместе с тем содержание осужденных осуществляется на основании Порядка создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, утвержденного приказом Минюста России от 22 августа 2014 г. N 179*, которым предусмотрено размещение осужденных в запираемых помещениях. Подобные условия соответствуют отбыванию наказания в виде лишения свободы в строгих условиях или в тюрьме, тогда как осужденные, впервые прибывшие в исправительное учреждение, как правило, размещаются в обычных условиях и проживают в общежитиях.

* Об утверждении Порядка создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 22 авг. 2014 г. N 179 // Рос. газ. 2014. 24 сент. N 217.

Противоречия в законодательстве, касающиеся порядка отбывания наказания в виде лишения свободы в процессе перемещения, сопровождения, этапирования, передвижения, пересылки или направления осужденных в системе исполнения уголовных наказаний, создают организационные трудности обеспечения безопасности, предупреждения преступлений и осуществления воспитательной работы.

Например, согласно приговору Иркутского районного суда Иркутской области от 27 декабря 2017 г. по делу N 1-714/2017 виновными по ч. 1 ст. 111 УК РФ признаны Ш., М. и Г. Судом установлено, что они в составе группы лиц, отбывая наказание в виде лишения свободы и находясь в камере транзитно-пересылочного пункта, на почве личных неприязненных отношений из-за того, что один из сокамерников был осужден по п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, причинили тяжкий вред его здоровью*.

Осужденные, находящиеся в едином замкнутом пространстве исправительного учреждения, лишаясь возможности избежать тесного межличностного контакта, оказываются втянутыми в опасные конфликтные ситуации из-за своего уголовно-правового или иного статуса.

Данные объективно существующие причины несовместимости осужденных и проблемы обеспечения их безопасности в местах лишения свободы являются актуальными не только для российских правоохранительных органов. Согласно результатам исследования, которое провел Ян О'Доннелл, насилие в тюрьмах в той или иной степени распространено в США и Великобритании. Частично объяснение данной ситуации автор находит в уровне «насилия в обществе в целом» и циничном отношении «со стороны тюремного персонала» [12, р. 241].

Нахождение в местах лишения свободы, среди лиц, имеющих различный уровень криминального опыта и разное мировоззрение, неизбежно создает состояние неопределенности. По смыслу между-

* Приговор Иркутского районного суда Иркутской области N 1-714/2017 от 27 дек. 2017 г. по делу N 1-714/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

народного права, способствовать его минимизации может предельно конкретное правовое регулирование жизнедеятельности осужденных в условиях изоляции, обеспечивающее необходимый надзор и контроль за их поведением.

Исполняя наказания, сотрудники уголовно-исполнительной системы вправе при наличии законных оснований и условий применять физическую силу, специальные средства и оружие. Данные полномочия предусмотрены Основными принципами применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка**. При этом возможность силового воздействия связывается исключительно с целью обеспечения гарантий безопасности и порядка в пенитенциарных учреждениях или со случаями, когда налицо возникновение и существование угрозы для личной безопасности.

Кроме того, имеют значение предписания Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка*** в части, касающейся учета требований личной безопасности осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Соблюдение персоналом пенитенциарных учреждений императивных предписаний о первостепенности человеческого достоинства и охране здоровья осужденных позволяет обеспечить необходимые условия для исправления осужденных и их постпенитенциарной социализации. Уважительное отношение, соблюдение норм морали и нравственности при исполнении наказания приобретают особое значение в условиях реформирования уголовно-ис-

** Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 27 августа – 7 сентября 1990 г.) // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. С. 163-170.

*** Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят 17 дек. 1979 г. Резолюцией 34/169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М.: Юрид. лит., 1990. С. 319-325.

полнительного законодательства и порядка исполнения наказаний [13, с. 287].

В соответствии со ст. 3 Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания даже «исключительные обстоятельства, такие как состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием для пыток или других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания»*.

Таким образом, независимо от правового положения личности и ее статуса существуют правовые гарантии, которые подлежат обеспечению и не могут быть ограничены в цивилизованном обществе.

Прямое и непосредственное действие требований международно-правовых актов способствует формированию единообразного понимания ценности гуманизма при исполнении наказания в виде лишения свободы всеми странами в сфере гуманитарного сотрудничества. Назначение данных документов, имеющих в некоторой степени декларативный характер, — действовать на опережение, способствуя своевременному учету прав осужденных в динамично меняющемся современном мире [14, с. 65].

* Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 3452 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН 9 дек. 1979 г. // Уголовно-исполнительное право: сб. нормативных актов / под ред. П.Г. Пономарева. М.: Новый Юрист, 1997. С. 134-141.

Список литературы

1. Чистяков А.А., Бугаевская Н.В. Вопросы антикоррупционной уголовной политики. Посредничество во взяточничестве: проблемы квалификации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. Вып. 2. Ч. II. С. 113-116.
2. Тепляшин П.В. Эффективность пенитенциарной системы: корреляция факторов, уровни, оптимизация исполнения наказания в виде лишения свободы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. N 4 (38). С. 92-106.
3. Елюбаев М.С. Теоретические и практические проблемы реализации принципа гуманизма в уголовном праве и в уголовно-исполнительной системе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 2011. 44 с.
4. Перемолотова Л.Ю. Значение особенностей личности осужденного при осуществлении профилактического воздействия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. N 3 (33). С. 76-81.
5. Белик В.Н. Тенденции правоприменительной деятельности и законодательства в вопросе обеспечения правовой защиты осужденных к лишению свободы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. N 1 (43). С. 76-81.

Очевидно, что содержание безопасности осужденных, отбывающих лишение свободы, соответствует их правовой защите и надлежащему правообеспечению, создающим условия неотъемлемой потребности личности в индивидуальном существовании и самореализации. Данное стремление к психологическому комфорту и соматическому удовлетворению позволяет сохранить определенную свободу самоопределения в условиях пенитенциарного учреждения, уяснить социальный смысл назначенного судом наказания, оценить характер и степень общественной опасности совершенного преступления, обосновать необходимость ведения правопослушного образа жизни и успешной ресоциализации.

В связи с этим вторжение государства в частную жизнь осужденного возлагает на учреждения и органы, исполняющие наказания, огромную ответственность за обеспечение безопасности в соответствии с требованиями законности, справедливости и гуманизма.

Исходя из указанного правового подхода в международном законодательстве формулируются правила и рекомендации, касающиеся действий органов публичной власти в сфере обеспечения безопасности осужденных. В этом смысле разнообразные человеческие потребности в условиях изоляции должны быть обеспечены надлежащей системой материальных и нематериальных гарантий, позволяющих реализовать уголовно-исполнительные отношения с учетом неприкосновенности личности и требований правопорядка.

6. Егорова Т.И. Особенности уголовно-правового воздействия в период отбывания лишения свободы // Уголовная ответственность и наказание: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова / под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань, 2017. С. 46-50.
7. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар: Краснодар. юрид. ин-т МВД России, 1999. 490 с.
8. Некрасов А.П., Резник Ж.Я. Обеспечение пенитенциарной безопасности осужденных в местах лишения свободы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1. N 2. С. 203-208.
9. Личность осужденного: монография / Ю.М. Антонян [и др.]; под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Юрлитинформ, 2017. 283 с.
10. Крымов А.А. Некоторые проблемы регламентации уголовно-процессуальных прав осужденных // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 2 (40). С. 98-103.
11. Караваев И.В., Сухарев С.Н., Прокудин В.В. Соотношение принципов содержания под стражей и принципов уголовно-исполнительного законодательства // Евразийский юридический журнал. 2018. N 8 (123). С. 264-266.
12. O'Donnell Ian. Prison rape in context // British Journal of Criminology. 2004. Vol. 44. N 2. Pp. 241-246.
13. Егорова Т.И. Безопасность осужденных при исполнении наказания в виде лишения свободы // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): сб. тез. выступлений и докл. участников (г. Рязань, 20-22 ноября 2019 г.): в 10 т. Т. 4. Рязань: Акад. ФСИН России, 2019. С. 285-287.
14. Егорова Т.И. Безопасность как условие лишения свободы // Борьба с преступностью: теория и практика: тез. докл. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Могилев, 2020. С. 64-66.

References

1. Chistyakov A.A., Bugaevskaya N.V. Issues of anti-corruption criminal policy. Mediation in bribery: problems of qualification. Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences, 2012, issue 2, part II, pp. 113-116. (In Russ.).
2. Teplyashin P.V. The effectiveness of the penitentiary system: correlation of factors, levels, optimization of the execution of sentences in the form of imprisonment. Legal science and law enforcement practice, 2016, no. 4 (38), pp. 92-106. (In Russ.).
3. Elyubaev M.S. Theoretical and practical problems of the implementation of the principle of humanism in criminal law and in the penal system. Autoabstract Doct. Diss. Bishkek, 2011. 44 p. (In Russ.).
4. Peremolotova L.Yu. The value of personality traits of the convicted person during the implementation of preventive measures. Legal science and law enforcement practice, 2015, no. 3 (33), pp. 76-81. (In Russ.).
5. Belik V.N. Tendencies of law enforcement and legislation in the matter of ensuring legal protection of persons sentenced to imprisonment. Legal science and law enforcement practice, 2018, no. 1 (43), pp. 76-81. (In Russ.).
6. Egorova T.I. Features of the criminal law impact during the serving of imprisonment. Criminal liability and punishment: a collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of professors of the Chair of Criminal Law of the Ryazan Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs V.A. Eleonsky and N.A. Ogurtsov. Ryazan, 2017. Pp. 46-50. (In Russ.).
7. Rasskazov L.P., Uporov I.V. Deprivation of liberty in Russia: sources, development, prospects. Krasnodar, Krasnodar Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. 490 p. (In Russ.).
8. Nekrasov A.P., Reznik Zh.Ya. Ensuring the penitentiary security of convicts in places of deprivation of liberty. Bulletin of the Volzhsky University named after V.N. Tatishchev, 2016, vol. 1, no. 2, pp. 203-208. (In Russ.).
9. Antonyan Yu.M. [i dr.]. The personality of the convict. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 283 p. (In Russ.).
10. Krymov A.A. Some problems of regulation of criminal procedural rights of convicts. Legal science and law enforcement practice, 2017, no. 2 (40), pp. 98-103. (In Russ.).
11. Karavaev I.V., Suharev S.N., Prokudin V.V. Correlation between the principles of detention and the principles of penal legislation. Eurasian Law Journal, 2018, no. 8 (123), pp. 264-266. (In Russ.).
12. O'Donnell Ian. Prison rape in context. British Journal of Criminology, 2004, vol. 44, no. 2, pp. 241-246.
13. Egorova T.I. Safety of convicts in the execution of sentences of imprisonment. IV International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (to the 140th anniversary of the Russian penal system and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia). In 10 volumes. Vol. 4. Ryazan, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. Pp. 285-287. (In Russ.).
14. Egorova T.I. Security as a condition of imprisonment. Combating crime: theory and practice. Mogilev, 2020. Pp. 64-66. (In Russ.).

Раздел 6. Правоохранительная политика

СЫСОЕВА О.В., кандидат экономических наук, ovzaytseva@mail.ru Кафедра экономической безопасности и управления инновациями; Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, 77	SYSOEVA O.V., Candidate of Economic Sciences, ovzaytseva@mail.ru Chair of economic security and innovation management; Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Polytechnicheskaya St. 77, Saratov, 410054, Russian Federation
--	--

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: «КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП», «ВЗЯТКА»

Аннотация. В статье проведен анализ экономических преступлений, относящихся к коррупционным действиям, а также осуществлено разграничение понятий «коммерческий подкуп» и «взятка». Особое внимание уделено рассмотрению явления коррупции как угрозы экономической безопасности предпринимательской деятельности. Имеющуюся классификацию коррупционной деятельности предложено дополнить таким основанием, как степень опасности ее последствий. Автор статьи показывает относительно слабую корреляционную зависимость между уголовными наказаниями имущественного характера и наказаниями, связанными с ограничением или лишением свободы, назначаемыми за совершение преступлений, квалифицируемых по статье 204 Уголовного кодекса Российской Федерации. Следовательно, для снижения количества совершаемых преступлений коррупционной направленности требуется пересмотр существующих мер наказания за коммерческий подкуп, а также сложившейся правоприменительной практики.

Ключевые слова: экономическая безопасность; теневая экономика; коммерческий подкуп; взятка; коррупция; уголовная ответственность.

Для цитирования: Сысоева О.В. Отличительные особенности проявления коррупции в предпринимательской деятельности: «коммерческий подкуп», «взятка» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 76-86.

DISTINCTIVE FEATURES OF CORRUPTION IN BUSINESS ACTIVITIES: "COMMERCIAL BRIBERY", "BRIBE"

Annotation. The economic crimes related to corruption are analyzed in the article. The distinction between the concepts of "commercial bribery" and "bribe" is made. Particular attention is paid to analyzing the phenomenon of corruption as a threat to the economic security of entrepreneurial activities. It is proposed to supplement the existing classification of corruption activities by such ground as the degree of danger of its consequences. The author of the article proves a relatively weak correlation between the criminal punishments of a property nature and punishments involving the restriction or deprivation of liberty imposed for committing crimes qualified under Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation. Therefore, in order to reduce the number of the committed corruption crimes, it is necessary to review the existing penalties for a commercial bribery, as well as current law enforcement practice.

Keywords: economic security; shadow economy; commercial bribery; bribe; corruption; criminal liability.

For citation: Sysoeva O.V. Distinctive features of corruption in business activities: "commercial bribery", "bribe" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 76-86.

Понятия «коррупция» и «коррупционная деятельность» рассматриваются с различных точек зрения. При этом острая дискуссия наблюдается не только в научных изданиях, но и в средствах массовой информации. Основной константой можно считать то, что коррупцию определяют как явление, негативно влияющее на нормальное функционирование государства. Важно отметить, что некоторые исследования показывают ассоциативное восприятие коррупции на бытовом уровне как явления, связанного в первую очередь с такими понятиями, как политика, политическая элита и бюрократия.

Явление коррупции изучают в рамках всех общественных наук, что предопределяет разнообразные подходы к ее дефиниции. В юриспруденции, например, коррупцию рассматривают как корыстное использование должностным лицом прав, а экономическим последствиям коррупционных действий внимание не уделяется. В экономических науках, наоборот, главным является изучение экономических последствий коррупционной деятельности, но, как правило, не дается правовая оценка характера последствий коррупции.

Слово «коррупция» происходит от латинского слова «*corruptio*» – подкуп. По этой причине изначально под коррупционной деятельностью понимали подкуп и использование служебного положения государственными служащими с целью извлечения выгоды для третьих лиц в связи с получением от последних вознаграждения. В настоящее время коррупцию часто рассматривают как социальное действие, не сводящееся только к подкупу. В частности, согласно Большому юридическому словарю коррупция – это «общественно опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц» [1, с. 259].

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»*, под-

готовка которого осуществлялась около 10 лет [2, с. 101], коррупция – это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

Из изложенного выше следует, что термин «коррупция» можно рассматривать как через призму законодательства (определения, закрепленные в нормативных правовых актах), так и с доктринальной точки зрения (определения, сформулированные представителями различных отраслей знаний). Однако если придерживаться раскрытия этого понятия только в рамках одной из парадигм, то опускаются ее особенности в других аспектах. Например, при анализе коррупции, исходя только из норм права, причины и история ее появления не рассматриваются, в то время как при изучении понятия коррупции исключительно с доктринальной позиции не учитывается социально-правовое содержание данного явления.

В законодательстве Российской Федерации отсутствует определение понятия «коррупционное преступление», тем не менее имеются его юридические признаки, выделенные из общих понятий и терминов, характеризующих коррупцию:

1) субъект коррупционной деятельности – любое должностное лицо, в том числе выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в муниципальном унитарном предприятии, а также лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации;

2) субъективная сторона – прямой или косвенный умысел, корыстная или личная заинтересованность в стремлении должностного лица путем совершения неправомерных действий получить выгоду для других лиц;

3) объект – общественно-правовые отношения, связанные с осуществлени-

* О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. N 273-ФЗ // Рос. газ. 2008. 30 дек.

ем правомерной предпринимательской деятельности, а также обеспечивающие нормальное функционирование государственной власти, государственной службы, муниципальной службы;

4) объективная сторона – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребле-

ние полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства.

Следует рассмотреть виды коррупционной деятельности, выделенные по различным критериям (табл. 1)

Таблица 1

Классификация видов коррупционной деятельности

В зависимости от участников коррупционной деятельности [3, с. 6, 22-23; 4, с. 347]	
Бытовая	Взаимоотношения рядовых граждан и чиновников – подарки и подкуп в обмен на услуги должностного лица
Деловая	Взаимоотношения власти и бизнеса – для решения споров, получения поддержки, прикрытия с целью получения благ в свою пользу
Верховная власть	Политическая элита и суды – недобросовестное поведение первых, которое не наказывается вторыми
В зависимости от субъекта [5, с. 175-176]	
Элитарная (политическая)	Основана на политической борьбе за власть; субъект – политическая элита, к которой относятся люди, занимающие высокое общественное положение и оказывающие влияние на социальный прогресс
Коррупция должностных лиц	Предполагает использование властных полномочий должностных лиц в целях личного обогащения; субъект – должностное лицо
В зависимости от формы выгоды [6, с. 59]	
Денежная взятка	Денежное вознаграждение помимо фиксированной платы, установленной государством (в случае с должностными лицами), заработной платы
Обмен услугами	Патронаж, nepotизм – предоставление привилегии родственникам, друзьям
В зависимости от степени централизации коррупционных отношений [6, с. 61]	
Децентрализация	Получение взятки происходит по собственной инициативе
Централизация	Взятки, регулярно собираемые «снизу вверх», – полученные нижестоящими чиновниками взятки распределяются между ними и вышестоящими чиновниками; «сверху вниз» – полученные вышестоящими чиновниками взятки распределяются между ними и нижестоящими чиновниками
В зависимости от уровня распространения коррупционных отношений [6, с. 61]	
Низшая	Распространение на низшем и среднем уровне власти
«Верхушечная»	Распространение среди высших должностных лиц
Международная	Распространение на уровнях отношений, выходящих за рамки одного государства
В зависимости от регулярности коррупционной деятельности [7, с. 52]	
Эпизодическая	Взятничество не имеет системного характера и происходит эпизодически
Систематическая	Коррупционная деятельность «захватывает» большинство сфер жизни рядового гражданина
Клептократия	Коррупционная деятельность выступает как неотъемлемый компонент любых властных отношений

продолжение табл. 1

В зависимости от объекта воздействия коррупционной направленности [6, с. 61]	
В органах законодательной власти	Лоббизм, протекционизм
В органах исполнительной власти	Подкуп, хищение, взяточничество
В судебных органах	Безнаказанность виновных, подкуп для разрешения дела
В органах местного самоуправления	Те же действия, отличающиеся меньшими масштабами
В коммерческих и некоммерческих организациях	

Однако представленная классификация имеет недостатки. Например, согласно такому критерию, как участники коррупционной деятельности, коррупция — явление, присущее только государственному аппарату. При этом остается без внимания коррумпированность «обычных» граждан, которые не имеют доступа к государственным ресурсам, но могут повлиять на благосостояние отдельного гражданина. Данный вид коррупции обычно не рассматривается на бытовом уровне как преступление, а представляется «благодарностью» работникам соответствующих сфер (здравоохранения, образования, обеспечения безопасности дорожного движения и пр.).

В то же время выделение видов коррупции в зависимости от формы выгоды

не учитывает такие ее опасные формы, как растрата и хищение. Наиболее часто допускается существование коррупционных отношений только в государственной сфере и игнорируются коррупционные действия рядовых граждан. При этом учитывается, по сути, лишь взяточничество должностных лиц. Существенным недостатком рассматриваемой классификации является то, что в ней не принимаются во внимание последствия, в том числе экономические, того или иного коррупционного деяния.

По этой причине приведенный выше перечень оснований классификации целесообразно дополнить степенью опасности последствий коррупционного деяния (см. табл. 2).

Таблица 2

Коррупционные деяния, различающиеся по степени опасности последствий

Неопасные последствия	«Благодарность» лицам, не имеющим отношения к органам государственной власти
Малоопасные последствия	Кумовство, nepотизм, семейственность, то есть служебное «прикрытие» близких родственников, устройство на работу, продвижение на более выгодные позиции в ущерб рабочему процессу и справедливому отношению ко всем работникам
Последствия средней степени опасности	Подкуп лиц, не являющихся должностными, а также не обладающих какой-либо властью при распределении государственных ресурсов. Характеризуется дачей взятки за то или иное действие (бездействие) получателя

Последствия, представляющие существенную опасность	Взяточничество, хищение, «прикрытие» должностного лица
Крайне опасные последствия	Системное или эпизодическое взяточничество, хищение, растрата и иная коррупционная деятельность в органах исполнительной, законодательной и судебной власти высшего звена

Определение сущности коррупции как угрозы экономической безопасности предпринимательской деятельности и выделение ее видов с дальнейшей классификацией позволяет выявить и изучить причины ее появления, а также рассмотреть масштабы распространения. Несоблюдение законов может выступать как фактор, но, очевидно, не является причиной появления коррупции в сфере предпринимательской деятельности и в обществе в целом. Кроме того, ошибочно считать, что причиной коррупционной деятельности выступает то, что подношение «сильным мира сего» психологически заложено в сознании человека. Современный уровень развития общества и государства позволяет обеспечивать базовые потребности человека вне зависимости от уровня его доходов, а платой за предоставленные блага выступают справедливые налоги и сборы.

Среди причин коррупционной деятельности выделяются следующие:

- фундаментальные, связанные с несовершенством экономических институтов и экономической политики государства, которая выражается в избыточном влиянии государства и монополизации отдельных секторов экономики в сочетании с низким уровнем развития гражданского общества и эффективности судебной системы;

- правовые: наличие пробелов в законодательстве, недостаточные меры наказания за коррупционные действия, возможность влияния на решения судьи, существование норм, которые трактуются неоднозначно;

- организационно-экономические: низкая оплата труда, дискриминация в доступе к инфраструктуре и протекционизм;

- информационные: непрозрачность механизма функционирования государственных органов и распределения ресур-

сов, неравномерное или искаженное поступление информации;

- социальные: дружеские связи, отсутствие у граждан моральных ценностей и убеждений, наличие у некоторых национальностей традиции «благодарить», низкий уровень грамотности;

- культурно-исторические: массовая культура, рекламирующая снисходительное или даже положительное отношение к коррупционным действиям [8, с. 113-114].

Большинство коррупционных преступлений связано с исполнением должностными лицами своих обязанностей в сфере распределения финансовых потоков и ресурсов государства и контроля за этим. Наиболее значимыми факторами выступают:

- существенный разрыв между уровнем дохода богатых граждан страны и прожиточным минимумом;

- распространение практик отмывания доходов, полученных незаконным путем;

- наличие оффшорных зон, в пределах которых для нерезидентов действует особый льготный режим регистрации, лицензирования, налогообложения;

- высокие барьеры при вхождении в ту или иную сферу предпринимательской деятельности для коммерческих организаций.

На рисунке 1 представлены показатели преступлений коррупционной направленности (квалифицируемых по ст.ст. 204-204.2, 290-291.2 УК РФ) за 2014-2019 годы, приведенные на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации*, и динамика экономических преступлений согласно сведениям Генеральной прокуратуры Российской Феде-

* Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://cdep.ru>

рации*. Как следует из рисунка 1, в рассматриваемый период времени количество преступлений экономической направленности флуктуирует на весьма высоком уровне, причем в 2018 году количество преступлений увеличилось на 4 % по сравнению с 2017 годом, а в 2019 году количество преступлений экономической направленности по сравнению с 2018 годом уменьшилось на 4,14 %. Также необходимо отметить, что в 2019 году количество преступлений экономической направленности имело минимальное значение за 6 лет. Зарегистрированные преступления коррупционной направленности составляют 7-10 % от общего количества зарегистрированных экономических преступлений. Приведенные данные косвенно свидетельствуют об усилении в последнее время борьбы государства с коррупцией. Создание подразделений, специализирующихся на борьбе с данным видом правонарушений (управления и отделы экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России), очевидно, облегчило правоохранительным органам задачу по противодействию им.

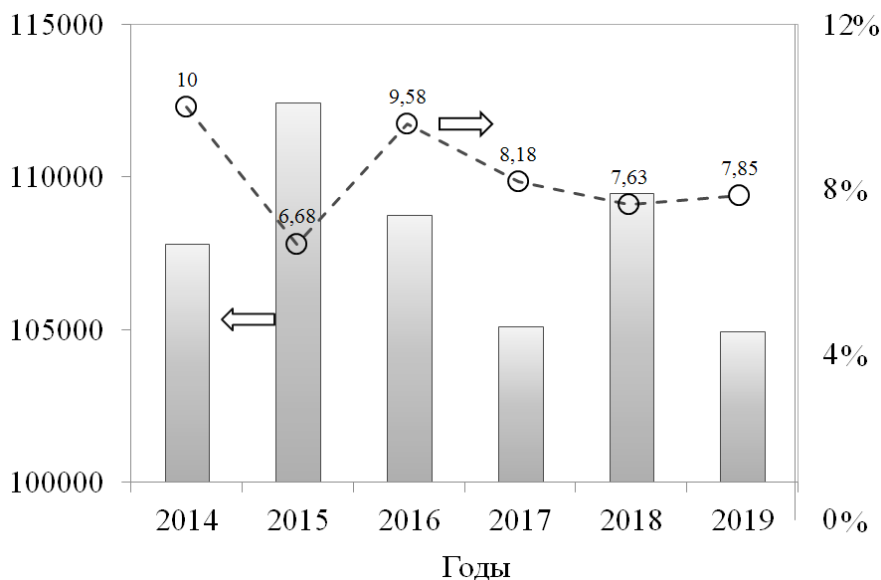

Рисунок 1. Преступления экономической направленности, совершенные в 2014-2019 годах (распределение по годам и относительный процент преступлений, связанных с коррупционной деятельностью)

* Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://crimestat.ru>

Таким образом, можно сделать вывод о том, что масштабы развития коррупционной деятельности в государстве напрямую зависят от распространенности отмеченных выше факторов. Чем больше причин, по которым должностные лица могут совершать такие противоправные действия, тем выше уровень распространения коррупции. С точки зрения экономики возрастают угрозы экономической безопасности предпринимательской деятельности, так как в обществе происходят нарушения функционирования справедливого распределения ресурсов.

Если рассматривать экономические последствия коррупционной деятельности в государстве, то становится очевидным, что коррупция, по сути, является катализатором теневой экономики. Как следствие, в отрасли, в которой скрываются доходы от государства, сокращаются поступления во все уровни бюджета. Это, в свою очередь, ведет к ослаблению у государства рычагов управления или даже к их утрате. Без принятия мер ситуация может доходить до критического состояния, когда управленческий потенциал становится ориентиро-

ванным не на интересы общества, а на интересы тех, кто находится у власти.

В этом случае государство утрачивает возможность обеспечивать действие правил, по которым развивается рыночная экономика, его авторитет подрывается, и это тормозит экономический рост. Расходование бюджетных средств наряду с низким поступле-

нием доходной части порождает дефицит бюджета, который ведет к повышению цен и тарифов для потребителей и увеличению издержек субъектов экономики. При этом уничтожается конкуренция, лишается смысла борьба за покупателей и происходит исчезновение рыночных отношений. В экономике растет доля монополий и увеличивается количество несо-

стоятельных юридических лиц. Возможности привлечения инвесторов существенно ограничиваются. Тем не менее следует отметить, что формирование теневого рынка в монополизированной среде вследствие коррупции частично может корректировать диспаритет цен (несоответствие между ценами продажи и покупки товара), позволяя выявлять реальное соотношение спроса и предложения, что некоторым образом стимулирует экономический рост. Но отмеченные негативные последствия, очевидно, преобладают.

Коррупционная теневая экономика создает предпосылки к формированию организованных групп в органах управления, в результате этого существенно снижается заинтересованность государства в благополучии населения. В частности, государственные программы, направленные на решение социальных проблем, исполняются не в полном объеме, это ведет к дифференциации социального положения в обществе и провоцирует в нем рост напряженности. При этом коррупционные действия влияют на социальную сферу — здравоохранение и образование, усиливая деградацию общества как в нравственном, так и в биологическом смысле. Меняется отношение к преступности, то есть социум начинает терпимо относиться к ранее неприемлемым явлениям общественной жизни.

Как следствие таких процессов, право прекращает свою охранительную функцию, у населения формируется ощущение несправедности и незащитности перед преступностью. Коррупционность правоохранительных органов дает организованной преступности беспрепятственный доступ к политической жизни государства. В крайних случаях политическая власть переходит в руки олигархических группировок и граждане теряют возможность корректировать вектор развития общества. Приоритетными становятся интересы тех, кто смог «оплатить» обеспечение своих потребностей, а не общие интересы граждан. Права человека и свобода слова ущемляются, а это противоречит концепции демократического государства. СМИ и прочие источники информации переходят к частным владельцам и теряют свою функцию по транслированию объективной реальности населению. Все эти факторы ведут

к политической дезорганизации общества и появлению запроса на смену руководства страны и даже устройства ее государственного управления. Разделяя мнение Д.А. Липинского о невозможности полного искоренения коррупции [2, с. 102], полагаем, однако, что ее уровень необходимо снижать до такого предела, чтобы она не препятствовала нормальному функционированию государства. Именно поэтому на протяжении всей истории государства пытаются бороться с коррупционными явлениями.

Коммерческий подкуп — это одно из наиболее распространенных проявлений коррупции. Согласно ст. 204 УК РФ под коммерческим подкупом понимают незаконную передачу лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе если по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица, либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию). Следует различать понятия «коммерческий подкуп» и «взятка». Основные различия представлены в таблице 3.

Как в случае взятки, так и при коммерческом подкупе происходит получение незаконного вознаграждения. Это может быть денежное вознаграждение, передача материальных ценностей, «подарков» за выполненную работу, безосновательное (с точки зрения права) предоставление имущественных прав, оказание незаконных услуг. Именно поэтому происходит смешение понятий. При этом следует отметить, что мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество как формы коррупции в данной статье не рассматриваются, поскольку этот вопрос подробно изложен в работах других авторов, в частности В.И. Морозова [9].

Таблица 3

Отличия понятий «взятка» и «коммерческий подкуп»

Терминология	Взятка	Коммерческий подкуп
	Должностное преступление	Коммерческое преступление
Объект преступления	Нормальное функционирование законной публичной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления	Нормальное функционирование управленческого аппарата коммерческих организаций любой формы собственности, а также некоммерческих организаций, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления, государственными или муниципальными учреждениями
Субъект преступления	Должностное лицо, иностранное должностное лицо, иные близкие виновному лица с его согласия	Любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, а также лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации
Момент окончания преступления	Момент получения даже части обусловленной взятки	Момент передачи даже части обусловленного платежа

В случае с коммерческим подкупом деяние происходит вне органов государственной власти, в то время как взятка передается сугубо должностному лицу, что является основным отличием между данными преступлениями. Иначе говоря, коммерческий подкуп направлен на руководителей коммерческих организаций, руководство среднего и высшего звена или на специалистов, инспекторов, служащих, в полномочия которых входят функции, представляющие интерес для злоумышленников.

Разработка мероприятий по преодолению коррупции как угрозы экономической безопасности предпринимательской деятельности требует изменений в социальной, политической, экономической сферах жизни общества. В связи с этим в мировой практике предусмотрены различные механизмы, методы и инструменты борьбы с ней. Российская Федерация не является исключением. Один из таких инструментов — УК РФ, предусматривающий уголовную ответственность, например, в виде штрафа, размер которого зависит от степени общественной опасности преступного деяния, или в виде лишения свободы.

К недостаткам существующей правоприменительной практики относится то, что по многим преступлениям, которые по ряду обязательных и факультативных признаков состава преступления квалифицируются как коммерческий подкуп, в связи с недоказанностью (то есть недостаточностью либо вовсе отсутствием улик) чаще всего принимаются решения об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела, либо применяются иные меры, не соответствующие деянию или не приносящие должного экономического и социального эффекта.

Установление состава преступления осложняется тем, что сделки, связанные с коммерческим подкупом, чаще всего подкреплены товарными и кассовыми чеками с необходимыми реквизитами, что как бы «узаконивает» их. Прикрытие незаконной деятельности ложными кассовыми операциями довольно широко используется в сфере теневой экономики как способ сокрытия реального дохода от налогообложения. Кроме того, достаточно сложно установить, чем руководствовался подозреваемый, совершая данное деяние, — личной корыстью или потребностью предприятия. В связи с этим для судебной практики по

коммерческому подкупу характерно либо смягчение наказания, либо неназначение наказания как такового. Следовательно, лицо, совершившее данное деяние, избегает наказания, а одна из главных функций права не реализуется.

Таким образом, законом предусмотрено большое количество мер уголовной ответственности, которые возможно применить в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, но на практике суд может постановить считать назначенное наказание в виде лишения свободы на срок до восьми лет условным с назначением или без назначения дополнительного вида наказания (ст. 73 УК РФ). Например, в приговоре Рузского районного суда (Московская область) указано, что гражданин О. совершил незаконную передачу лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой организации, денег за совершение заведомо незаконных действий. Своими действиями гражданин О. совершил преступление, ответственность за которое предусмотрена п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ. В результате суд признал О. виновным, назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года и в соответствии со ст. 73 УК РФ постановил считать наказание условным, установив испытательный срок на 1 год и 6 месяцев*.

Следует отметить, что применительно к коммерческому подкупу и даче взятки предусматривается освобождение от уголовной ответственности, если лицо, совершившее преступление, активно помогает следствию в его раскрытии (расследовании); если в отношении его имело место вымогательство предмета подкупа, взятки со стороны должностного лица, а также в случае добровольного сообщения в орган, имеющий право возбудить уголовное дело по факту совершения коррупционного преступления.

Уголовное расследование по делу о преступлении, квалифицируемом по ст. 204 УК РФ, осуществляется по заявлению руководителя организации или с его

согласия (ст. 23 УПК РФ). Следовательно, помимо того, что лицу, совершившему общественно опасное деяние, в большинстве случаев не назначается соответствующее наказание, его могут вообще не привлечь к уголовной ответственности. Подобная правоприменительная практика складывается только по делам, связанным с деятельностью коммерческих организаций. Таким образом, лицо, совершившее общественно опасное деяние в сфере предпринимательских отношений и не понесшее при этом соответствующего наказания, с большой долей вероятности совершит данное преступление вновь. В связи с этим существующие нормы по установлению уголовной ответственности требуют усовершенствовать.

Рисунок 2 характеризует структуру преступлений экономической направленности, совершенных в 2019 году**. Из представленных данных следует, что экономические преступления, квалифицируемые как коммерческий подкуп, составляют около 1,8 %. Такой объем является незначительным по сравнению с иными видами экономических преступлений. Однако последствия данных преступлений могут иметь существенные негативные последствия для общества.

Рассчитаем корреляционную зависимость между уголовными наказаниями имущественного характера и наказаниями, связанными с ограничением или лишением свободы, назначенными осужденным по ст. 204 УК РФ (основная квалификация по приговору). В качестве исследуемой базы рассмотрены данные за 2019 год. Результаты расчетов показывают, что коэффициент корреляции равен 0,43. Это означает, что зависимость между уголовными наказаниями имущественного характера и наказаниями, связанными с ограничением или лишением свободы, является слабой.

Корреляционный анализ аналогичной зависимости между уголовными наказаниями имущественного характера и наказаниями, связанными с ограничением или лишением свободы (ст. 290 УК РФ),

* Приговор N 1-134/2019 от 30 мая 2019 г. по делу N 1-134/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** Статистические данные ГИАЦ МВД России // МВД России: официальный сайт. URL: <http://мвд.рф>

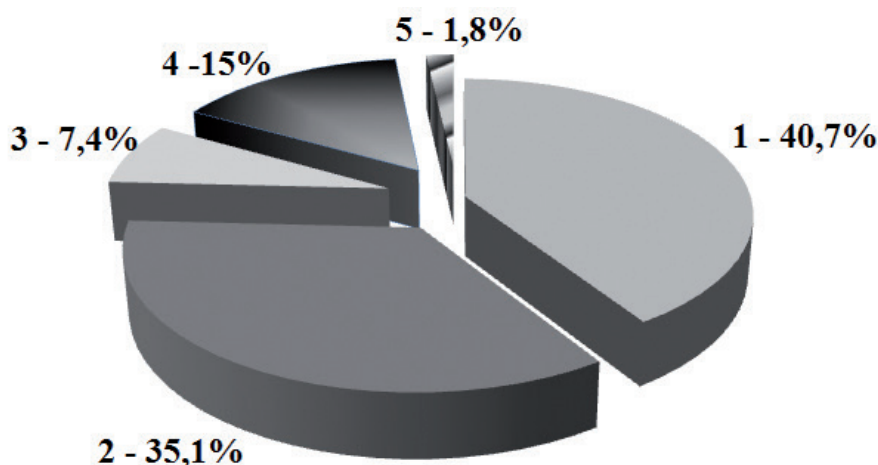

Рисунок 2. Распределение преступлений экономической направленности в Российской Федерации за 2019 год (1 – в сфере экономической деятельности, 2 – против собственности, 3 – прочие, 4 – против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, 5 – против интересов службы в коммерческих и иных организациях)

также показывает малое значение коэффициента корреляции (около 0,32). Таким образом, только небольшая часть осужденных по рассматриваемым статьям несет реальную уголовную ответственность, так как в большинстве случаев лишение свободы заменяется либо наказаниями имущественного характера, либо условным осуждением к лишению свободы с назначением дополнительных наказаний.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- 1) за коммерческий подкуп назначаются относительно мягкие наказания – штраф, ограничение свободы, исправительные работы и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (дополнительное наказание), но на протяжении малого срока;
- 2) деяния, предусмотренные ч. 5 ст. 204 УК РФ, которые были совершены в значительном размере, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет. Необходим

пересмотр существующих мер наказания за коммерческий подкуп с целью снижения роста количества преступлений коррупционной направленности;

3) требуется систематический подход к ограничению коррупционной деятельности, предполагающий ведение борьбы с коррупцией на постоянной основе;

4) предложенная классификация отражает степень опасности последствий коррупционных действий для общества и государства в целом.

Список литературы

1. Большой юридический словарь / [В.А. Белов и др.]; под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. 703 с.
2. Липинский Д.А. К вопросу о понятии коррупционного правонарушения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 3 (41). С. 100-108.
3. Левин М., Сатаров Г. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. N 10. С. 4-30.
4. Михайлова А.В., Голикова А.Е. Теоретические основы исследования противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы // Теория и практика общественного развития. 2013. N 10. С. 346-350.
5. Шевелевич А.А. Административно-правовые основы противодействия коррупции в системе государственной службы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 206 с.
6. Лагов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика: учеб. пособие для вузов. М.: Норма, 2006. 336 с.
7. Селихов Н.В. Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 268 с.
8. Наумов А. Коррупция: причины возникновения, влияния и методы борьбы // Мировое и национальное хозяйство. 2009. N 1 (80). С. 109-127.
9. Морозов В.И. К вопросу об уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество как форме противодействия коррупции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 4 (42). С. 75-80.

References

1. Belov V.A. i dr. Large legal dictionary. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. 703 p. (In Russ.).
2. Lipinskiy D.A. To the question of the concept of corruption offense. Legal science and law enforcement practice, 2017, no. 3 (41), pp. 100-108. (In Russ.).
3. Levin M., Satarov G. Corruption in Russia: classification and dynamics. Problems of Economics, 2012, no. 10, pp. 4-30. (In Russ.).
4. Mikhaylova A.V., Golikova A.E. Theoretical foundations of the study of anti-corruption in the public service system. Theory and Practice social development, 2013, no. 10, pp. 346-350. (In Russ.).
5. Shevelevich A.A. Administrative and legal framework for combating corruption in the public service system. Cand. Diss. Moscow, 2008. 206 p. (In Russ.).
6. Lagov Yu.V., Kovalev S.N. Shadow economy. Moscow, Norma Publ., 2006. 336 p. (In Russ.).
7. Selikhov N.V. Corruption in the state mechanism of modern Russia (theoretical aspects). Cand. Diss. Yekaterinburg, 2001. 268 p. (In Russ.).
8. Naumov A. Corruption: causes, influences and methods of struggle. World and National Economy, 2009, no. 1 (80), pp. 109-127. (In Russ.).
9. Morozov V.I. On the issue of criminal liability for petty commercial bribery and petty bribery as a form of combating corruption. Legal science and law enforcement practice, 2017, no. 4 (42), pp. 75-80. (In Russ.).

Раздел 7. Совершенствование правоохранительной практики

АБЫЗОВ Р.М., АВЫЗОВ R.M.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
rav1861@yandex.ru
Кафедра уголовного права
и криминологии;
Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer
of the Russian Federation,
rav1861@yandex.ru
Chair of criminal law and criminology;
Barnaul Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Chkalova St. 49, Barnaul, 656038,
Russian Federation

РУСАНОВ Н.Ю., RUSANOV N.Yu.,
rusanov-nikita1981@mail.ru
Кафедра криминалистики;
Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

rusanov-nikita1981@mail.ru
Chair of criminalistics;
Barnaul Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Chkalova St. 49, Barnaul, 656038,
Russian Federation

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности тактики допроса лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами. Акцентируется внимание на том, что лица, длительное время систематически потребляющие наркотические средства, относящиеся к одному виду, имеют сходные изменения личности, которые носят как физиологический, так и психоэмоциональный характер. В частности, оценено влияние на личность наркотических средств каннабисной и опиийной групп. Обосновывается необходимость выбора тактических приемов допроса и их комбинаций в зависимости от степени наркотизации личности и вида наркотических средств, которые потребляет допрашиваемое лицо. Рассмотрены некоторые особенности использования различных тактических приемов в ходе допроса, учет которых, по мнению авторов статьи, позволит получить правдивую и полную информацию.

Ключевые слова: допрос; допрашиваемое лицо; тактические приемы допроса; уголовное судопроизводство; наркотическое средство.

Для цитирования: Абызов Р.М., Русанов Н.Ю. Тактические особенности допроса участников уголовного судопроизводства по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 87-95.

PECULIARITIES OF THE TECHNIQUE OF INTERROGATING THE PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES RELATED TO DRUG TRAFFICKING

Annotation. Peculiarities of the technique of interrogating the people who use drugs are analyzed in the article. Attention is focused on the fact that persons who have been systematically using narcotic drugs of the same type for a long time, have similar personality changes that are of both physiological and psycho-emotional nature. In particular, the influence of narcotic drugs containing cannabis and opium on the individual is evaluated. The authors of the article substantiate the need to choose the interrogation techniques and their combinations depending on the degree of narcotization of the person and the type of narcotic drugs used by the person being interrogated. Some peculiarities of using different interrogation techniques are considered. According to the authors of the article's opinion, the use of these techniques will provide the true and complete information.

Keywords: interrogation; the person being interrogated; interrogation techniques; criminal proceedings; narcotic drug.

For citation: Abyzov R.M., Rusanov N.Yu. Peculiarities of the technique of interrogating the participants in criminal proceedings in cases related to drug trafficking // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 87-95.

В Российской Федерации в 2019 году было зарегистрировано 190 197 преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, что составляет достаточно большую долю (11,6%) в структуре всей преступности*. Существенное количество подобных преступлений убеждает в необходимости совершенствования их предварительного расследования.

Результаты анализа судебно-следственной практики показывают, что одним из ключевых доказательств по уголовным делам, возбужденным по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств (далее – НОНС), являются показания свидетелей, подозреваемых, обвиняемых. Указанные лица, в силу специфики подобного рода преступлений, нередко сами являются незаконными потребителями наркотических средств.

Проведенное авторами статьи анкетирование** показало, что при расследовании преступлений, совершаемых в сфере НОНС:

- в 92 % случаев произведены допросы лиц (свидетелей, подозреваемых, обвиняемых), допускающих немедицинское потребление наркотических средств;
- 74 % опрошенных – мужчины;
- 41 % опрошенных на постоянной основе потребляли производные из опийного мака (опий, героин и т.д.), 44 % – синтетические наркотики («спайс», «скорость», «соли» и т.д.), 12 % – каннабис и его производные, 3 % – другие наркотические средства.

Респонденты отметили, что поведение лиц, потреблявших наркотические

средства на постоянной основе в течение длительного периода времени, отличалось от поведения тех, кто не страдал наркоманией. При этом лица, потреблявшие наркотические средства одного вида, имели схожее поведение и внешние признаки.

Анализ результатов исследования указывает на целесообразность систематизации признаков личности наркозависимых, оценки степени их влияния на последующий выбор тактических приемов лицом, производящим допрос, в том числе с учетом полученных сведений о виде наркотического средства, которым злоупотребляет допрашиваемое лицо.

Следует согласиться с мнением М.А. Лушечкиной, которая отнесла личность преступника к центральному объекту изучения в процессе расследования преступлений, указав, что этот субъект должен исследоваться во всей многогранности его свойств: генетических, физических и психических, как полученных при рождении, так и приобретенных во время жизни [1, с. 73]. Изучая преступника как лицо, злоупотребляющее наркотиками, важно отметить, что в любом случае он – личность, обладающая как положительными, так и отрицательными качествами, без учета особенностей которых затруднительно определить комплекс тактически правильных приемов для получения более полной информации от допрашиваемого.

Очевидно, что знание о закономерностях изменения психики и интеллекта допрашиваемого лица в зависимости от вида и интенсивности употребления наркотических средств позволит сотруднику, осуществляющему допрос, выбрать оптимальный набор тактических приемов, использование которых будет более эффективным для получения достоверной и полной информации.

Согласно словарю Т.Ф. Ефремовой наркомания – это болезненное, иногда непреодолимое пристрастие к наркоти-

* Статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2019 год. URL: <https://мвд.рф>

** В анкетировании приняли участие 62 сотрудника подразделений следствия и дознания Алтайского края, Кемеровской области и Красноярского края, обучавшихся на курсах повышения квалификации в Барнаульском юридическом институте МВД России (2018-2019 гг.).

кам, приводящее к тяжелым нарушениям функций организма [2]. Многочисленными исследованиями ведущих наркологов и психиатров подтверждается, что длительное потребление наркотических средств не только вызывает изменения в поведении человека, но и приводит к повреждению головного мозга и нередко является причиной острых душевных заболеваний [3, с. 20; 4, с. 140-144].

Очевидно, что физические и психические изменения, которые происходят с человеком, допускающим немедицинское потребление наркотических средств, в большей степени являются предметом исследования врачей, занимающихся выявлением, изучением и лечением данного заболевания, поэтому в ходе подготовки к анкетированию сотрудников органов внутренних дел при выборе вопросов о тех или иных признаках лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств, учитывались общие положения психиатрии и наркологии.

Необходимо обратить внимание на то, что как следователи и дознаватели, так и лица, занимающиеся изучением потребителей наркотических средств в области медицины и криминалистики, выделяют различные степени наркотизации личности [5, с. 145-154; 6].

Сотрудники органов внутренних дел в ходе анкетирования указали, что около 25 % потребителей наркотических средств из числа опрошенных им удалось диагностировать самостоятельно, остальных потребителей наркотических средств они выявили, опираясь на другие источники (допросы свидетелей, материалы оперативно-розыскных мероприятий и т.д.).

В первую группу, как самую многочисленную (50 %), респонденты включили лиц, которые употребили наркотики однократно или несколько раз, а также потребляли наркотические средства от случая к случаю, начинающих потребителей. Изменения психики и интеллекта у таких людей незначительны.

Вторая группа охватывает лиц, потребляющих наркотические средства на постоянной основе, но в течение непродолжительного периода времени. Это вызвало психические и эмоциональные изменения личности, однако они не

приобрели видимый для неспециалиста характер (25 %).

К третьей группе относятся лица, у которых в результате потребления наркотических средств уже произошли изменения личности, и они стали обладать очевидными, характерными признаками, позволившими диагностировать их как злоупотребляющих наркотическими средствами без проведения специальных исследований (25 %).

Следует остановиться именно на третьей группе лиц, которых сотрудники органов внутренних дел смогли диагностировать, не прибегая к помощи наркологов.

При выявлении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств уже в момент задержания приходится контактировать с лицами, злоупотребляющими наркотическими средствами. Кроме того, такие субъекты устанавливаются и позднее, в ходе производства следственных и иных процессуальных действий; при изучении материалов оперативно-розыскных мероприятий (прослушивание телефонных переговоров, наблюдение, наведение справок и т.д.), осмотра предметов и документов (телефоны, записные книжки и др.) [7, с. 15-16].

Традиционно такое следственное действие, как допрос, с точки зрения тактики его производства делится на три этапа: подготовка к проведению, производство и фиксация [8, с. 148]. При подготовке к допросу следователю (дознавателю) необходимо получить характеризующий лицо материал в виде сведений о судимостях, административных правонарушениях, информацию о постановке на учет из психоневрологического и наркологического диспансеров, проанализировать данные, предоставленные оперативными сотрудниками. После анализа полученных сведений принимается решение о времени вызова на допрос такого лица.

В данном случае важно учитывать, что лица, злоупотребляющие наркотическими средствами, могут постоянно находиться либо в наркотическом опьянении, либо в состоянии наркотической абстиненции. Это способно негативно сказаться на результатах следственного действия. В связи с этим в случае установления у таких лиц наркотического опьянения по

прибытии на допрос можно разрешить выбрать время производства этого следственного действия самому допрашиваемому, чтобы последний мог находиться в адекватном состоянии. Однако данный выбор ограничивается днем, который определяет для допроса следователь.

При выборе места допроса также следует учесть личность наркозависимого, поэтому важно производить допрос в кабинете следователя. Это придает следственному действию деловой характер и предоставляет следователю преимущество. Лицу, производящему допрос, важно выбрать место, в котором будет находиться наркозависимый, наиболее комфортное и удобное для допрашивающего, такое, где он сможет постоянно наблюдать за допрашиваемым, а также контролировать его действия [9, с. 57].

Во время производства допроса следователь не должен поворачиваться спиной к наркозависимому. Последний должен все время находиться под наблюдением. Кроме угрозы причинения вреда здоровью, следует учитывать, что наркозависимые могут совершить хищение со стола как вещественных доказательств, так и личных вещей сотрудника. В момент нахождения в кабинете следователя (дознателя) вызванного на допрос лица можно также получить дополнительную информацию, оценивая как его внешние признаки, так и особенности поведения. Это необходимо для определения группы наркотических средств, которыми злоупотребляет допрашиваемый [10, с. 89].

Лица, злоупотребляющие наркотическими средствами разных групп, имеют отличительные признаки как в поведении, так и в проявлении психических отклонений. Употребление наркотических средств каннабисной группы (марихуана, гашиш, гашишное масло) приводит к слуховым и зрительным галлюцинациям, аффективному расстройству, отрывочным бредовым переживаниям, тревожности. При абстинентном синдроме указанные признаки дополняются отвлеченностью внимания, тремором конечностей и век, раздражительностью, неусидчивостью, а зависимость от наркотических средств отрицается. Внешние признаки при употреблении наркотиков данной группы – это наличие

специфического запаха, исходящего от зависимого, бледность кожных покровов, частое дыхание, бессвязная, торопливая, сбивчивая речь [11, с. 10-14].

Лица, злоупотребляющие наркотическими средствами опийной группы, характеризуются следующими психическими и физическими отклонениями:

- ослабление восприятия, снижение памяти, быстрая утомляемость, общее снижение умственной работоспособности;

- в состоянии наркотической абстиненции – подавленное настроение, раздражительность, ухудшение сна, наличие страха, лживости, склонности к обвинению в их болезненном состоянии посторонних, невнимательность к семье и к окружению, неряшливый вид;

- из внешних признаков выделяют сухость и бледность кожных покровов, сужение и неравномерность зрачков, неуверенность походки, зевота, чихание, кашель, слезотечение и повышенное слюноотделение, судороги и тремор конечностей, в некоторых случаях – специфический запах [12, с. 63-66].

Следователям и дознавателям при проведении допроса, вне зависимости от вида потребляемых наркотических средств допрашиваемым, следует избегать демонстрации негативного отношения к наркозависимому, так как это может отрицательно повлиять на весь процесс допроса [13, с. 40].

Уже в ходе беседы и наблюдения за допрашиваемым следователю и дознавателю с учетом совокупности имеющейся информации и сведений, полученных при непосредственном контакте с допрашиваемым, важно установить вид наркотических средств и продолжительность их потребления с целью использования этой информации для последующих следственных действий. В связи с этим, получив до или во время проведения допроса сведения, анализ которых убеждает следователя (дознателя) в том, что допрашиваемое лицо страдает зависимостью от определенного вида наркотиков, можно выработать линию поведения и выбрать необходимый комплекс тактических приемов и комбинаций, которые позволят выяснить информацию, необходимую для производства по уголовному делу.

Следует также учитывать существующую практику, демонстрирующую, что лица, употребляющие наркотические средства, в последующем могут отказаться от своих показаний, сославшись на наркотическое опьянение, в котором они якобы находились. Лица с третьей стадией наркотизации все время находятся в болезненном состоянии наркотического опьянения либо наркотической абстиненции, и при анализе их мочи или крови выявляются следы наркотических средств, которыми они злоупотребляли. Это создает определенные очевидные затруднения, такие как возможный последующий отказ от показаний либо болезненное состояние лица, и др. Данные осложнения можно пресечь, пригласив для участия в допросе специалиста-нарколога или производя допрос с использованием видеофиксации.

При выборе тактики допроса вне зависимости от вида потребляемых допрашиваемым наркотических средств первоначально следователь (дознаватель) должен учитывать, что такие лица обладают определенными навыками (сокрытие внешних признаков зависимости, обман и т.д.), которые совершенствуются ими.

Так, лицам, скрывающим факт своего патологического влечения к наркотическим средствам, известно об их нестандартном поведении и физиологических изменениях. В связи с этим для сокрытия исходящего от них специфического запаха они используют камуфлирующие средства (духи, сигареты). Для выявления такого запаха можно во время производства допроса на некоторое время выйти из кабинета, оставив допрашиваемого под присмотром. После возвращения с большой долей вероятности удастся уловить специфический запах потребляемого наркотика.

Кроме того, лица, злоупотребляющие наркотическими средствами, осведомлены о нестандартности объема своих зрачков и во время допроса стараются отводить взгляд с целью исключения прямого зрительного контакта либо используют очки с затемненными линзами, ссылаясь на слабое зрение. Такое поведение не допускается в случае правильного выбора места для допрашиваемого и внимательности допрашивающего. Тремор камуфлируется удерживанием конечностей,

как верхних, так и нижних, а повышенная потливость устраняется носовым платком и объясняется внезапно возникшим заблуждением.

Психические и интеллектуальные изменения можно использовать также для получения сведений о личности преступника и в последующем для умелого применения тактических приемов и их комбинаций в ходе допроса как в конфликтной, так и бесконфликтной ситуации. Следует согласиться с классификацией и перечнем тактических приемов допроса, которую приводят К.С. Питерцев и А.А. Степанов [14, с. 26-38]. В данном исследовании некоторые из них будут рассмотрены.

Беседа как тактический прием применяется для снятия стресса, в котором допрашиваемый находится, так как производство допроса – это не периодически повторяющееся явление в жизни допрашиваемого, и лицам такой категории свойственно опасаться сотрудников органов внутренних дел, так как часть их жизни не соответствует требованиям действующего законодательства и общепринятым нормам морали.

В этом случае важно уточнить мнение допрашиваемого о наиболее популярных темах, которыми в настоящий момент увлечено большинство в обществе и (или) с учетом сведений о личности проявить интерес к теме, не относящейся к предмету допроса, если допрашиваемое лицо может компетентно ответить на вопросы по ней. Например, будучи осведомленным о навыках допрашиваемого как автослесаря, можно выяснить его мнение о качестве того или иного автомобиля.

Кроме того, в зависимости от вида потребляемых наркотиков следует выбирать темп беседы, регулируя его для снятия напряжения. В частности, в отношении лиц, злоупотребляющих каннабисом, склонных к тревожному состоянию и резким движениям, не следует повышать тон, задавать резкие вопросы, их необходимо попытаться убедить, что им ничего не нужно бояться. Лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами опийной группы, в ходе беседы рекомендуется не обвинять в том, что они стали наркопотребителями, так как данным лицам свойственно переносить ответственность

на жизненную ситуацию и прочие якобы объективные факторы.

Беседа, целью которой является создание напряжения, — такой тактический прием используется в том случае, если допрашиваемый демонстрирует пренебрежительное отношение к допрашивающему, старается доминировать в общении, афишируя познания в области законодательства и показывая свою уверенность в недостаточности доказательств о противоправном характере его деятельности. В таких ситуациях важно без изменения тона и официальности голоса, продолжая диалог, разъяснить права и обязанности допрашиваемому с учетом его статуса, привести положительные примеры противодействия подобному деструктивному поведению. Например, показать копию приговора в отношении лица, давшего ложные показания. Кроме того, в зависимости от вида потребляемых наркотических средств можно использовать знания для создания у допрашиваемого некомфортного состояния, допустимо обратить внимание на нестандартные зрачки и др.

Использование положительных качеств личности допрашиваемого наркозависимого предполагает необходимость обращать внимание на те из них, которые либо были полностью утрачены в связи с соответствующим образом жизни, либо трансформировались и стали номинальными. В связи с этим при использовании данного тактического приема важно также учитывать «прошлую жизнь» допрашиваемого, в которой он не употреблял наркотические средства и, возможно, являлся добропорядочным гражданином, обладал комплексом положительных качеств.

Например, будучи осведомленным о наличии ранее у допрашиваемого семьи, можно отметить, что когда-то он был хорошим семьянином и любящим отцом. Кроме того, лица, склонные к злоупотреблению наркотическими средствами каннабисной группы, в прошлом нередко занимались спортом. Обращая внимание на данное обстоятельство при допросе наркопотребителя, можно расположить его к беседе, отмечая это как одно из его положительных качеств.

Пресечение лжи — тактический прием, который должен быть в арсенале лица,

осуществляющего допрос наркозависимого. Потребителям наркотических средств долгое время приходилось скрывать свой недуг, в том числе от лиц, которые с ними общаются (сослуживцы, близкие), и в начале допроса такие лица могут попытаться сообщить недостоверную информацию или заявить, что ничего не знают. В подобных случаях следует такие попытки сразу пресечь, в том числе указав на внешние признаки наркотической зависимости у допрашиваемого. Если допрашиваемый отказывается признавать факт злоупотребления наркотическими средствами, то ему следует разъяснить, что по окончании допроса он может быть направлен на медицинское освидетельствование, которое подтвердит наличие наркотических средств в его организме.

Допущение легенды с ее детализацией — такой тактический прием может использоваться при наличии достаточного количества доказательств, подтверждающих факт злоупотребления наркотическими средствами. Лицо, осуществляющее допрос, может выслушать ложь, которую сообщает допрашиваемый. Легенда не может быть продумана до мелочей, при использовании такого тактического приема важно предоставить допрашиваемому инициативу, чтобы сообщающий легенду придумал как можно больше событий и обстоятельств.

Так, допрашиваемый может отказаться от того, что приобретал и потреблял наркотические средства, сообщив, что он находится в болезненном состоянии либо выдумав, что не приобретал наркотики, а лишь встречался со своим знакомым в связи с делами, не относящимися к факту приобретения наркотика. Например, допрашиваемый может сообщить, что встречался с продавцом наркотических средств для получения оптических дисков с фильмами либо с целью отдать долг. Такую легенду можно допустить, получив информацию о том, какие именно фильмы передавались при встрече, либо купюрами какого достоинства возвращался долг. Допрашиваемому придется придумывать подробности, которые впоследствии могут быть опровергнуты.

Одним из таких приемов может быть демонстрация возможностей предвари-

тельного расследования. Так, следователь (дознатель) при допущении легенды может сообщить о проведении обыска в жилище допрашиваемого с целью изъятия оптических дисков с фильмами, которые допрашиваемый якобы получил при встрече. Этот тактический прием также может использоваться в ходе допроса потребителей наркотических средств опиной группы путем внутривенных инъекций.

Лицо, осуществляющее допрос, может сообщить допрашиваемому о предстоящем проведении его медицинского освидетельствования с целью выявления на теле следов от инъекций. А лиц, употребляющих наркотические средства каннабисной группы, кроме того, целесообразно проинформировать о том, что можно выявить правдивость или ложность их показаний при проведении психофизиологического исследования.

Внезапность предъявления доказательств. Данным тактическим приемом следует воспользоваться при допросе наркозависимых в случае наличия достоверных и весомых доказательств, только если все ранее использованные приемы не привели к необходимому результату. Такие лица нередко выявляются при изучении материалов оперативно-розыскных мероприятий и (или) детализации телефонных соединений, в связи с чем в момент допроса возможно предъявление в качестве доказательства заранее подобранных для этого телефонных переговоров с обязательным их описанием в протоколе допроса с просьбой объяснить предоставленный для прослушивания разговор.

После диагностики лица как потребителя наркотических средств целесообразно воспользоваться таким тактическим приемом, как использование слабых черт его личности, а именно патологического влечения к определенному действию наркотика. В ходе допроса следует спросить о качестве наркотических средств, и потребитель в связи с его существенной зависимостью и приобретенной толерантностью может пожаловаться на слабое действие наркотика, который приобрел. К потребителям каннабисной группы наркотических средств можно применить такой прием, например, спросив, не устали ли они от непонимания со стороны окружающих, а

также сообщив, что наркотик, который они потребляют, в некоторых странах вообще не признается таковым.

Инерционный прием используется при отсутствии достаточной полноты сведений, которые предоставляет допрашиваемый. Основная цель применения данного приема – успокоить допрашиваемого, переключить его внимание на вопросы, которые не относятся к числу приоритетных, темп допроса должен быть наиболее комфортным для допрашиваемого. При использовании данного приема важно знать, наркотики какой группы потребляет наркозависимый (как упоминалось ранее, темп жизни лиц, употребляющих разные группы наркотиков, различается). Зная эти особенности, использование тактического приема – инерции будет более продуктивным. Существуют и иные тактические приемы, которые можно использовать в ходе допроса наркозависимых лиц.

На заключительном этапе допроса лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами (вне зависимости от группы потребляемых наркотических средств), протокол допроса прочитывается либо лицом, производящим допрос, либо допрашиваемым. После этого в зависимости от заявлений или замечаний, поступающих от допрашиваемого, вносятся дополнения либо исправления, далее протокол заверяется подписями участников допроса. В том случае, если производилась видеозапись следственного действия, оптический диск с записью упаковывается в пакет, который опечатывается и заверяется участниками допроса.

На данной стадии лица, осуществляющие допрос наркозависимого, могут пренебречь оценкой его психоэмоционального состояния и изменить линию поведения, которую успешно использовали в ходе производства допроса. Однако с учетом резко меняющегося психоэмоционального состояния наркозависимых это может негативно отразиться на результате допроса, так как допрашиваемый на заключительном этапе может отказаться подписывать протокол допроса, обесценив все приложенные ранее усилия.

Подводя итог исследования проблемы, необходимо обратить внимание на то, что следователю (дознателю), которому

в ходе предварительного расследования по уголовному делу предстоит произвести допрос лица в качестве заподозренного в злоупотреблении наркотическими средствами, целесообразно выяснить не только степень наркотизации личности, но и то, какие именно наркотики употребляет лицо. После этого с учетом имеющихся сведений следует выбрать наиболее рациональные тактические приемы и их комбинации, различающиеся в зависимости от группы наркотических средств, которыми злоупотребляет допрашиваемый.

Указанная общая эмоциональная поведенческая линия сотрудника должна сохраняться как перед допросом и во время его проведения, так и на завершающем этапе. При умелом использовании сведений о степени наркотической зависимости допрашиваемого и о виде наркотических средств, которыми он злоупотребляет, следователь (дознаватель) может применить рассмотренные нами тактические приемы производства допроса, что позволит получить от таких лиц правдивую и полную информацию.

Список литературы

1. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 718 с.
2. Ефремова Т.Ф. Этимологический онлайн-словарь. URL: <https://lexicography.online/etymology> (дата обращения: 6 апр. 2020 г).
3. Буркин М.М., Горанская С.В. Основы наркологии: учеб. пособие. Петрозаводск: Карелия, 2002. 192 с.
4. Гейслер Е.В., Дроздов А.А. Психиатрия: учеб. пособие. 2-е изд. Саратов: Научная книга, 2019. 159 с.
5. Психиатрия и наркология: учебник / Н.Н. Иванец [и др.]. М.: ГЭОТАР Медиа, 2012. 832 с.
6. Романова Н.М. Особенности поведенческих и социально-психологических характеристик наркозависимых лиц // Право и правоохранительная деятельность: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, аспирантов. Саратов, 2017. С. 112-115.
7. Ким Д.В., Климачков А.В., Шебалин А.В. Раскрытие и расследование незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети «Интернет»: учеб. пособие. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2017. 43 с.
8. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика: учебник. М., 2008. 607 с.
9. Яджин Н.В. Психогеография допроса подозреваемого на стадии предварительного расследования // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. N 2 (13). С. 56-59.
10. Земцова С.И., Суров О.А., Галушин П.В. Методика расследования незаконного сбыта синтетических наркотических средств, совершенного с использованием интернет-магазинов: учеб. пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. 160 с.
11. Дудин И.И. Зависимость от каннабиноидов в структуре сочетанной психической патологии по данным отдаленного катамнеза: клинический, клинко-эпидемиологический и социо-демографический аспекты: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2009. 30 с.
12. Василевский Л.М. Дурманы: (наркотики) / под ред. В. Броннера. М.: Новая Москва, 1924. 71 с.
13. Князьков А.С. Правовые и психологические аспекты этики производства допроса // Сборник материалов криминалистических чтений. 2018. N 15. С. 40-41.
14. Питерцев К.С., Степанов А.А. Тактические приемы допроса: учеб. пособие. СПб., 2006. 61 с.

References

1. Criminalistics. Moscow, Yurist Publ., 2001. 718 p. (In Russ.).
2. Efremova T.F. Etymological online dictionary. Available at: <https://lexicography.online/etymology> (Accessed 6 April 2020). (In Russ.).
3. Burkin M.M., Goranskaya S.V. Fundamentals of narcology. Petrozavodsk, Karelia Publ., 2002. 192 p. (In Russ.).
4. Geisler E.V., Drozdov A.A. Psychiatry. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2019. 159 p. (In Russ.).
5. Ivanets N.N. [i dr.] Psychiatry and narcology. Moscow, GEOTAR Media Publ., 2012. 832 p. (In Russ.).
6. Romanova N.M. Features of behavioral and socio-psychological characteristics of drug-dependent persons. Law and law enforcement. Saratov, 2017. Pp. 112-115. (In Russ.).
7. Kim D.V., Klimachkov A.V., Shebalin A.V. Disclosure and investigation of illegal sales of narcotic drugs committed using the Internet. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2017. 43 p. (In Russ.).
8. Savel'eva M.V., Smushkin A.B. Criminalistics. Moscow, 2008. 607 p. (In Russ.).

9. Yadzhin N.V. Psychogeography of the suspect's interrogation at the stage of preliminary investigation. Bulletin of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2019, no. 2 (13), pp. 56-59. (In Russ.).

10. Zemtsova S.I., Surov O.A., Galushin P.V. Methods of investigation of illegal sale of synthetic narcotic drugs committed using online stores. Krasnoyarsk, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 160 p. (In Russ.).

11. Dudin I.I. Dependence on cannabinoids in the structure of combined mental pathology according to the data of remote catamnesis: clinical, clinical-epidemiological and socio-demographic aspects. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2009. 30 p. (In Russ.).

12. Vasilevskiy L.M. Dormany: (drugs). Moscow, Novaya Moskva Publ., 1924. 71 p. (In Russ.).

13. Knyaz'kov A.S. Legal and psychological aspects of the ethics of interrogation. Collection of materials of forensic readings, 2018, no. 15, pp. 40-41. (In Russ.).

14. Pitertsev K.S., Stepanov A.A. Tactical methods of interrogation. St. Petersburg, 2006, 61 p. (In Russ.).

ЯДЖИН Н.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
yadzhinnw@mail.ru
Кафедра организации расследования
преступлений и судебных экспертиз;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

YADZHIN N.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
yadzhinnw@mail.ru
Chair of crime detection and forensics;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

ЕГОРОВ В.А.,
Questtime@mail.ru
Следственное управление;
Управление Министерства
внутренних дел
Российской Федерации
по Курганской области,
640007, г. Курган, ул. Отдыха, 90

EGOROV V.A.,
Questtime@mail.ru
Investigative Department;
Department of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation
for the Kurgan region,
Otdyha St. 90, Kurgan,
640007, Russian Federation

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В БАЗАХ ДАННЫХ ОПЕРАТОРОВ СВЯЗИ, В ЦЕЛЯХ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. При совершении преступлений с использованием коммуникационных технологий в базах данных операторов связи образуется следовая картина. Полученные при этом следы в криминалистике выделяются в отдельную группу и условно располагаются между материальными и идеальными следами. Авторами статьи рассмотрены эти особые, «аппаратно-программные» следы, формирующиеся в базах данных операторов связи. Предпринята попытка дополнить частную криминалистическую методику расследования корыстных преступлений, а именно отразить особенности действий следователя при получении сведений из баз данных операторов связи и банковских учреждений и использования полученной информации в доказывании по уголовному делу. Сформулированы рекомендации по осмотру детализации соединений между абонентами и абонентскими устройствами, анализу полученной информации и последующей проверке следственным и оперативно-розыскным путем.

Ключевые слова: криминалистика; раскрытие преступлений; расследование преступлений; оператор связи; база данных; тактика; осмотр; доказывание.

Для цитирования: Яджин Н.В., Егоров В.В. Некоторые особенности получения сведений, содержащихся в базах данных операторов связи, в целях раскрытия и расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 96-106.

SOME FEATURES OF OBTAINING THE INFORMATION CONTAINED IN THE DATABASES OF TELECOMMUNICATIONS OPERATORS FOR THE PURPOSE OF CRIME DETECTION AND INVESTIGATION

Annotation. When crimes are committed by using communication technologies, the traces of crime are contained in the databases of telecommunications operators. In criminalistics, the traces obtained in such cases are singled out in a special group and are conditionally placed between the material and ideal traces. The authors of the article distinguish special "hardware-software" traces that are contained in the databases of the telecom operator. The attempt is made to supplement the private forensic technique of investigating mercenary crimes, namely, to describe and analyze the peculiarities of the investigator's actions when obtaining information from the databases of telecommunications operators and banking institutions and using the obtained information as a proof in a criminal case. The recommendations for examining the details of the subscribers connections and subscribers devices

are formulated, the ways of analyzing the received information and its subsequent verification by investigative and crime detection methods are proposed.

Keywords: criminalistics; detection of crimes; investigation of crimes; telecommunications operator; database; tactics; inspection; proving.

For citation: Yadzhin N.V., Egorov V.A. Some features of obtaining the information contained in the databases of telecommunications operators for the purpose of crime detection and investigation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 96-106.

В ходе совершения преступления обязательно образуются следы. Перед специалистами, раскрывающими и расследующими преступления, стоит сложная задача – вовремя и с применением должных научно-технических средств обнаружить, зафиксировать, изъять и изучить эти следы.

С точки зрения криминалистики следы – это материальные объекты, которые путем наложения, отслоения, копирования приобрели и несут в себе информацию о совершенном преступлении либо получены путем протоколирования сведений, воспроизведенных в памяти человеком, о ранее пережитых событиях. Являясь источником доказательств, следы материальны, их можно подвергнуть непосредственному осмотру, изучению.

В результате действий человека, пользующегося коммуникационными услугами в компьютерных системах, остаются информационные следы, которые представляют собой коды и сигналы, передаваемые на уровне пользователей. Иными словами, предполагается наличие источника информации, ее носителя, потребителя и среды. Информационные следы существуют на электронных и иных материальных носителях, наделены физическими свойствами виртуальных следов, но, в отличие от них, имеют конкретное информационное содержание, в связи с чем не могут быть отнесены ни к одному из элементов традиционной классификации следов преступлений [1, с. 211], то есть ни к идеальным, ни к материальным следам преступления. В.Б. Вехов, Б.П. Смагоринский и С.А. Ковалев указывают, что в системе криминалистической классификации электронные следы целесообразно выделить в самостоятельную группу и условно расположить между материальными и идеальными следами [2, с. 10].

Все больше ученых-криминалистов исследуют возможность использования

в доказывании по уголовным делам информационных следов, возникающих при совершении преступлений посредством современных коммуникационных технологий, фиксируемых программно-компьютерными средствами.

Например, А.М. Моисеев и С.В. Кондратюк указывают, что источниками доказательственной информации всегда выступают цифровые, компьютерные данные, а также следы совершенного преступления, которые могут отображаться в цифровом виде на всевозможных ресурсных носителях. Придание этой информации доказательственного значения может осуществляться различными способами. Но в любом случае она должна соответствовать процессуальным требованиям, предъявляемым к доказательствам [3, с. 42].

Получение информационных следов возможно путем исследования сохраненной информации на цифровых носителях и вывода из компьютерного устройства:

а) на монитор;

б) посредством принтера на бумажный носитель;

в) посредством копирования на другой цифровой носитель с последующим изучением, осмотром и использованием в доказывании по уголовному делу. Вся информация в компьютерных системах записывается и считывается с носителей программными средствами, образуя первый уровень информационных следов – базу данных.

По мнению Е.А. Мирошниченко, база данных компьютерных устройств создается для накопления, поиска и обработки информации в предметной области с конкретной целью, имеет метаданные. Существует еще одно свойство базы данных, упоминаемое в большинстве источников. Его называют организованностью, взаимосвязанностью, систематизированностью.

Е.А. Мирошниченко утверждает следующее:

«1) любая база данных хранится и обрабатывается в вычислительной системе;

2) база данных является сильно структурированной системой;

3) база данных включает схему данных» [4, с. 86].

Второй уровень – оператор базы данных, который организует базу и является хранителем (держателем) информации, полученной в результате коммуникационного обмена. Поскольку информационные следы находятся в системе взаимодействия аппаратных и программных средств для ввода и вывода, постольку, по нашему мнению, можно называть содержащуюся информацию аппаратно-программными следами, которые при последующем о веществе могут стать доказательствами по расследуемому уголовному делу.

Однако, как показал проведенный нами анализ 26 уголовных дел, не всеми сотрудниками органов предварительного следствия и дознания в полном объеме используются возможности получения доказательств в базах данных операторов связи. Имеют место проблемы организации ее получения, нарушение процедуры получения, несоблюдение норм материального права, недостаточное обоснование в ходатайстве перед судом необходимости предоставления информации, часто требуемая информация не запрашивается, а поступившая изучается не в полном объеме и не используется в качестве доказательств.

Отсутствует перспективное планирование использования источников информации, всесторонний анализ полученных данных, полноценный осмотр, по результатам которого следственные версии относительно совершенного преступления и причастности к преступлению установленных в базе данных лиц не выдвигаются и не проверяются.

Для разрешения поставленной задачи необходимо с точки зрения криминалистики изучить источники появления следов в базах данных операторов связи, выяснить, что именно оставляет след и

служит источником информации, а также определить значение имеющихся сведений в доказывании по уголовному делу, правовые основания, порядок получения и анализа информации. Далее необходимо выдвигание следственных версий, обнаружение источников дополнительной информации о преступлении для установления личности совершившего его лица.

Способ совершения преступлений с использованием коммуникационных технологий и особенности слепообразования образуют следовую картину в базах данных операторов связи. Познание информационной составляющей баз данных позволяет определить последовательность действий следователя и порядок сбора доказательств.

По мнению С.Ю. Косарева, в типовой структуре криминалистической методики расследования преступления отчетливо просматривается три блока структурных элементов. Первый из них представляет собой криминалистическую характеристику описываемой категории преступлений, второй – особенности отдельных этапов расследования, третий – особенности содержания работы следователя при расследовании изучаемой категории преступлений [5, с. 85].

Порядок и последовательность получения сведений из баз данных подразумевают соблюдение определенной процедуры, то есть тактики получения, методики исследования, использования, затем последующее планирование по расследуемому уголовному делу с выдвиганием следственных версий и их проверкой. По нашему мнению, настоящая работа может являться дополнением частной криминалистической методики расследования корыстных преступлений, совершенных с использованием коммуникационных технологий, отражающим особенности действий следователя при получении сведений из баз данных операторов связи и банковских учреждений, использования полученной информации в доказывании по уголовному делу.

Порядок хранения и предоставления сведений из баз данных операторов связи регулируется нормативными правовыми

актами, разъяснениями судов по вопросам судебной практики*.

Услуги связи являются коммерческими, их оказание абоненту происходит на возмездной основе, следовательно, немаловажным аспектом криминалистически значимых сведений в базах данных является информация об изменении состояния счета абонента, условиях и способах его пополнения, расходных операциях. В этом случае регулирование предоставляемой информации относится к банковским сведениям и основано на нормативных правовых актах в сфере банковской деятельности**.

* См.: О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. N 126-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 28. Ст. 2895; О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ // Там же. 2011. N 7. Ст. 900; Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ // Там же. 1995. N 33. Ст. 3349; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. N 174-ФЗ // Там же. 2001. N 52 (ч. 1). Ст. 4921; Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ // Там же. 2006. N 31 (ч. 1). Ст. 3448; Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: постановление Правительства Российской Федерации от 27 авг. 2005 г. N 538 // Там же. 2005. N 36. Ст. 3704; О практике рассмотрения судами ходатайства о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. N 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См.: О банках и банковской деятельности: федер. закон от 2 дек. 1990 г. N 395-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 6. Ст. 492; Об идентификации некредитными финансовыми организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей, бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: положение Банка России от 12 дек. 2014 г. N 444-П; Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: положение Банка России от 15 окт. 2015 г. N 499-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В обмене данными при оказании услуг связи участвуют:

1) абонент — пользователь услугами связи, с которым заключен договор и которому выделен абонентский номер или уникальный код идентификации;

2) идентификационный модуль — электронный носитель информации, устанавливаемый в пользовательское оборудование, с помощью которого осуществляется идентификация абонента, обеспечивающий доступ оборудования указанного абонента к сети оператора подвижной радиотелефонной связи;

3) оператор связи — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающий услуги связи;

4) пользователь услугами связи — лицо, заказывающее, использующее услуги связи;

5) средства связи — технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи, а также иные технические и программные средства, используемые для оказания услуг связи;

б) электросвязь — любое излучение, передача и прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам.

Как правило, подвижная телефонная связь осуществляется между двумя абонентами. Лицо, идентификацию которого необходимо установить, после использования услуг связи в базах данных оператора связи оставляет аппаратно-программные следы. Однако если услуги связи оказаны разными операторами, то следовая картина будет отличаться. У оператора связи, с которым заключен договор оказания услуг связи, будут полные сведения о своем абоненте, однако он не сможет располагать сведениями о другом абоненте, кроме его абонентского номера, предоставленного для идентификации.

В базах данных оператора связи будет содержаться следующая криминалистически важная информация:

1) об идентификационном номере оконечного оборудования пользователя услуг связи — при использовании сотового

телефона – IMEI (международный идентификатор мобильного оборудования), серийный номер, при использовании услуг сетевой телефонии – IP-адрес, MAC-адрес оборудования;

2) об идентификационном модуле – для работы сотового телефона используется SIM-карта, встроенный в сотовый телефон программный идентификационный модуль, программные средства в конечном оборудовании, с помощью которых осуществляется идентификация пользователя посредством введения ключа доступа, ранее полученного от оператора связи;

3) об абонентском номере – федеральный телефонный номер, позволяющий получить доступ к сети связи, имеющий определенную последовательность чисел, выделенную оператору связи для оказания услуг и переданную в пользование по договору оказания услуг абоненту;

4) об оказанных услугах связи – объеме оказанных услуг, сведения для тарификации услуги, вид услуги;

5) сведения о другом абоненте – федеральный телефонный абонентский номер, с которым осуществлялось соединение.

По нашему мнению, это основные сведения, которые позволят установить весь последующий комплекс криминалистически значимой информации у оператора связи.

Классифицировать устройства связи и участников информационного обмена можно по следующим критериям:

1. Вид соединения:

- а) входящее соединение;
- б) исходящее соединение.

2. Используемая участниками соединения технология:

- а) беспроводная связь с использованием оконечного оборудования клиента;
- б) проводная связь.

3. Круг участников связи:

а) стационарная или индивидуальная точка доступа, оконечное устройство абонента;

б) передвижная точка доступа, оконечное устройство абонента;

в) общественная точка доступа с возможностью подключения неопределенного количества оконечных устройств абонента;

г) общественная точка доступа с возможностью использования определенным абонентом в определенное время.

4. Способ соединения:

- а) голосовое соединение;
- б) передача текстовой информации;
- в) передача цифровых данных. Вышеуказанное может быть осуществлено посредством беспроводной и проводной связи.

5. Место соединения:

- а) местное соединение – абоненты находятся в одном регионе;
- б) междугороднее соединение – абоненты находятся в разных регионах;
- в) международное соединение – абоненты находятся в разных государствах.

6. Перемещение абонента в ходе использования услуг связи:

а) нахождение абонента в одном регионе, городе, районе с использованием одной базовой станции;

б) абонент перемещается, совершает звонки из разных административно-территориальных единиц, средство связи использует разные базовые станции.

7. Участник информационного обмена:

а) лицо, намеревающееся совершить преступление;

б) потенциальная жертва, на которую направлено преступное воздействие;

в) свидетель совершенного преступления;

г) свидетель, вовлеченный в совершение преступления, с отсутствием субъективной стороны состава преступления.

Сведения о состоянии и движении денежных средств, находящихся на лицевых счетах абонентских номеров, можно классифицировать по следующим основаниям:

1. Способ пополнения лицевого счета абонента услуг связи денежными средствами:

- а) безналичное пополнение счета;
- б) пополнение счета путем внесения наличных денежных средств оператору связи;
- в) смешанное пополнение – безналичное и наличное.

2. Источники пополнения:

а) безналичные денежные средства поступают с банковских карт, счетов банковских учреждений;

б) безналичные денежные средства поступают из расчетных систем участников рынка электронной коммерции;

в) безналичные денежные средства поступают через операторов связи*.

3. Объем средств:

а) объем денежных средств соответствует тратам на оплату услуг связи;

б) объем денежных средств значительно превышает оплачиваемые услуги связи.

4. Использование безналичных денежных средств абонентом:

а) оплата услуг связи;

б) оплата товаров и услуг посредством интернет-коммерции;

в) вывод на другие абонентские лицевого счета, счета в банковских учреждениях, счета участников рынка электронной коммерции и т.д.;

г) обналичивание посредством оператора связи.

Получаемые от операторов связи сведения необходимо разделить на два вида:

1) требующие судебного разрешения на получение информации — сведения, позволяющие идентифицировать абонента или абонентское устройство:

а) о месте расположения абонента в период оказания услуг связи;

б) о контактах абонента и оказанных услугах связи;

в) об используемом аппарате абонента для оказания услуг связи;

г) об оказанных коммуникационных услугах при соединении абонента, затрагивающих конституционные права гражданина;

2) не требующие судебного разрешения на получение информации:

а) с согласия руководителя следственного органа — о сведениях, содержащих банковскую тайну, о движении безналичных денежных средств по лицевым счетам абонента;

б) по инициативе следователя, в производстве которого находится уголовное дело, — фамилия, имя, отчество, дата рождения, сведения о регистрации и иные паспортные данные абонента, представ-

ленные при заключении договора об оказании услуг связи, место заключения договора, присвоенные абонентские номера.

Необходимо установить принадлежность абонентского номера тому или иному оператору связи для формирования запроса или ходатайства в суд. Информацию можно получить из ресурса нумерации Федерального агентства связи (Россвязи), расположенного на официальном сайте в сети Интернет. При наличии IP-адреса устанавливается провайдер, которым может являться как оператор сотовой связи (последний предоставляет услуги беспроводной связи), так и организация, предоставляющая услуги стационарного доступа в сеть Интернет. На портале сетевых сервисов необходимо определить провайдера. Если будет установлено, что им является компания, оказывающая сотовую связь, то необходимо получать сведения в порядке ст. 186.1 УПК РФ.

Разрешение на предоставление оператором связи следователю информации, ограничивающей конституционные права гражданина, допускается в соответствии с постановлением суда, вынесенным по результатам рассмотренного ходатайства следователя на основании п. 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Для получения разрешения следователь выносит постановление — ходатайство, в котором излагает необходимость истребования информации у оператора связи. Получение информации о соединениях между абонентами, абонентскими устройствами может быть установлено на срок до шести месяцев.

В постановлении должно быть указано следующее:

1) сведения о лице, вынесшем постановление, в производстве которого находится уголовное дело;

2) сведения об уголовном деле, основаниях его возбуждения, квалификации преступного деяния по УК РФ;

3) установленные в ходе расследования обстоятельства, послужившие основанием вынесения постановления;

4) доказательства необходимости проведения следственного действия;

5) какие именно сведения, способствующие доказыванию обстоятельств по уголовному делу, подлежат получению;

* Оператор связи самостоятельно не оказывает банковские услуги и не участвует в безналичном переводе платежей, оплате услуг, выполняя распоряжения клиента через сторонние организации или банковские учреждения, выступающие посредниками между клиентом, оператором связи, конечным получателем безналичных денежных средств.

б) наименование, место нахождения оператора связи, у которого необходимо получить информацию;

7) период или срок, за который необходимо получить информацию;

8) согласие руководителя следственного органа о получении информации в порядке ст. 186.1 УПК РФ.

Материалы, предоставляемые с постановлением в суд, должны содержать копии документов уголовного дела, на которые ссылается следователь, иметь заверенные надписи с данными о следователе и оттиск печати следственного подразделения.

К материалам приобщается:

1) постановление о возбуждении уголовного дела;

2) документы, подтверждающие наличие срока предварительного следствия на момент обращения с ходатайством в суд;

3) материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия.

По результатам рассмотрения ходатайства судом принимается решение о разрешении проведения следственного действия или об отказе в его проведении. Следователь может повторно обратиться в суд с ходатайством при условии устранения недостатков, выявленных судом и послуживших причиной отказа в предоставлении разрешения.

Если получение сведений разрешено, то копия постановления суда с надлежаще оформленным запросом направляется в соответствующую организацию.

Исполнитель в организации от имени ее руководителя подготавливает необходимую информацию, зафиксированную на любом материальном носителе, которая предоставляется в печатанном виде с сопроводительным письмом, подписанным компетентным лицом организации. В свою очередь, сопроводительное письмо должно содержать запрашиваемые сведения и период, за который они предоставлены, приложение, направляемое в следственное подразделение.

Предоставленные оператором связи документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами, абонентскими устройствами, сведения об изменении лицевого счета абонента следователь осматривает лично либо при необходимости со

специалистом, о чем составляет протокол, в котором должна быть указана та часть информации, которая, по мнению следователя, имеет отношение к уголовному делу.

Осмотренные документы приобщаются к материалам уголовного дела в полном объеме на основании постановления следователя как вещественное доказательство и хранятся в печатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления с ними посторонних лиц и обеспечивающих их сохранность.

Осмотр детализации телефонных соединений необходимо производить, последовательно фиксируя ход выполнения следственного действия описанием в протоколе и фотоиллюстрациями. Как правило, следователем оформляется фототаблица, которая приобщается как приложение к протоколу осмотра. Однако для большей наглядности рекомендуем осуществлять фиксирование хода следственного действия с фотоиллюстрацией непосредственно по ходу осмотра с вставкой в описательную часть протокола. Из всего объема детализации телефонных соединений абонента необходимо выделять значимые и описывать их в протоколе, избегать полного цитирования всех соединений, не относящихся к доказыванию по уголовному делу. При осмотре детализации телефонных соединений проводится фотофиксация технических средств и носителя информации.

В ходе осмотра оптического диска указывается его вид, название, характеристики, имеющиеся надписи, на записываемой поверхности оптического диска фиксируется наличие записанных данных. Носитель информации помещается в считывающее устройство компьютерной техники. Указываются программные средства, используемые при осмотре. При необходимости стандартными средствами можно получить больше информации об осматриваемом файле, а также можно использовать дополнительные утилиты для более подробного установления свойств файла, его редактирования, пользователей, создавших, изменявших файл, используемых программных средств и др.

Как правило, операторы связи в обязательном порядке предоставляют следующую информацию:

1) дата и время совершения соединения запрашиваемого абонента, при этом может указываться как московское, так и местное время;

2) продолжительность соединения (в секундах) – время, затраченное абонентом на оказанную услугу связи;

3) номер телефона А – федеральный телефонный номер абонента, о котором запрашиваются сведения;

4) номер телефона Б – федеральный телефонный номер абонента, с которым осуществлял соединение абонент А;

5) тип соединения – входящее или исходящее соединение, SMS-сообщение, передача данных GPRS и т.д.;

6) IMEI аппарата абонента – идентификационный номер телефонного аппарата, используемого для услуг связи абонентом, о котором запрашиваются сведения; по номеру телефонного аппарата можно узнать его модель;

7) номер базовой станции – антенны компании, оказывающей телефонные услуги, через которую телефонный аппарат абонента осуществлял сеанс связи. При изменении адреса базовой станции можно установить передвижение абонента во время сеанса связи, при наличии нескольких базовых станций, с которыми пеленговался абонент в период оказания услуг связи, – его точное местоположение.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что иногда операторы предоставляют сведения о координатах абонента в виде азимута, представляющего собой угол между направлением на север и вышкой связи оператора. По азимуту также можно установить направление движения абонента во время оказания услуг связи;

8) местоположение базовых станций – адреса, по которым расположены приемо-передающие устройства оператора связи, осуществляющие обмен данными с передвижными абонентскими устройствами. Количество, наименование и расположение столбцов могут отличаться, зависят от оператора, предоставляющего сведения.

Детализация оказанных услуг связи по передаче беспроводных данных для соединения с сетью Интернет имеет дополнительные сведения:

1) сетевой трафик – о размере переданных цифровых данных, измеряемых в килобайтах, мегабайтах, гигабайтах;

2) адрес интернет-соединения – цифровая адресация по протоколу IP-адреса, именная адресация службы имен доменов DNS;

3) длительность интернет-соединения – период времени поддерживаемой связи с определенным узлом сети при обмене данными.

При выполнении осмотра следовательно необходимо провести аналитическую работу по выявлению доказательственной информации из всего объема соединений, отсеять ненужную информацию, выделить главное, относящееся к предмету доказывания. Зафиксировать информацию об использовании похищенного телефона, передвижение абонента, его нахождение в определенное время в определенном месте, соединение соучастников преступления, соединение с потерпевшим, свидетелями, подготовительные этапы к совершению преступления, координацию преступных действий, а также периодичность связи в комплексе с доказываемыми событиями.

Е.П. Ищенко и В.М. Жуланов отмечают важность того, чтобы на протяжении всего расследования в следственной группе оставался человек, обладающий полным объемом информации, полученной из электронных баз данных и других традиционных и нетрадиционных источников [6, с. 26]. По нашему мнению, это должен быть следователь – руководитель следственной группы, с целью более эффективного использования полученной информации и планирования дальнейшего расследования.

Используя стандартные средства программного обеспечения, такие как «Поиск», «Фильтр», «Сортировка», можно осуществить поиск, сортировку, выборку интересующих сведений, облегчить анализ имеющейся информации в детализации соединений.

По окончании осмотра при необходимости часть осматриваемой информации может быть распечатана, листы с распечатанной информацией и носитель информации упаковываются, к ним приобщаются фототаблица, схема передви-

жения абонентов с указанием базовых станций и способов определения их местоположения. Протокол подписывается участвующими в осмотре лицами. Выносится постановление о признании объектов вещественными доказательствами и принимается решение о месте хранения.

Подобным образом осуществляется получение информации из компаний, оказывающих услуги сотовой связи, обо всех свидетелях и заподозренных в совершении преступления, их соединения выбираются по «ключам» сортировки интересующей информации, обобщаются и анализируются для выдвижения следственных версий и планирования дальнейшего расследования.

Базы данных операторов связи содержат преимущественно техническую информацию и косвенно подтверждают те или иные события. Более значимой для следственного органа является фиксация телефонных переговоров. Как правило, на момент возбуждения уголовного дела преступная деятельность пресечена, или не осуществляется в полном объеме, или участниками преступной группы принимаются меры к конспирации своей деятельности, активному противодействию расследованию. Таким образом, следует упомянуть о значимости оперативно-розыскной деятельности и оперативной разработки участников преступной группы до возбуждения уголовного дела, на стадии возникновения преступного умысла у определенной категории лиц, склонных к противоправным деяниям.

Оперативными сотрудниками в процессе установления связей фигурантов осуществляется аналитическая работа, отработка детализации соединений, технической информации, выявление криминальных связей по полученным из баз данных операторов связи сведениям.

Проведенный нами анализ уголовных дел* показал, что с абонентом (ли-

цом, пользующимся услугами связи) целесообразно провести беседу, используя тактический прием «большой осведомленности», несмотря на имеющиеся в распоряжении правоохранительных органов сведения, получить дополнительную информацию о расследуемом событии, в зависимости от причастности к совершенному преступлению осуществить его допрос. После допроса, в зависимости от складывающейся следственной ситуации, произвести осмотр и прослушивание фонограммы. Затем, в ходе дополнительного допроса выяснить, при каких обстоятельствах произошел телефонный разговор, о каких событиях в нем шла речь.

С целью прикрытия преступной деятельности, сокрытия личности преступники используют абонентский номер, зарегистрированный на другого гражданина, на несуществующее лицо либо на организацию. Посредством сотового телефона с SIM-картой, зарегистрированной на иное физическое или юридическое лицо, они координируют преступную деятельность, организуют совершение преступления или сопровождают его совершение. Сотрудникам правоохранительных органов идентифицировать такое лицо сложно, а иногда (из-за отсутствия необходимых знаний) невозможно. Однако эта задача решаема.

При установлении таких абонентских номеров необходимо получить сведения из компании, оказывающей услуги связи, с момента заключения договора об оказании услуг связи до момента, когда произошло интересующее событие. Следует запросить сведения об IMEI телефона абонента, данные о лице, на которое заключен договор оказания услуг связи, о том, где заключен договор и выдана SIM-карта. После получения указанных сведений необходимо в компаниях, оказывающих услуги связи, имеющих зону покрытия на территории, на которой мог работать мобильный телефон, запросить информацию о его использовании, об установочных данных абонента.

Детализация телефонных соединений подлежит последовательному полному изучению согласно предложенной классификации (количество соединений, место наиболее часто совершавшихся входящих и исходящих соединений интере-

* См., например: Уголовное дело N 11801370004000214 // Архив Далматовского районного суда Курганской области; уголовное дело N 11901370006000033 // Архив Курганского городского суда; уголовное дело N 11901370048000628 // Архив Курганского городского суда; уголовное дело N 11701370002061077 // Архив Шадринского районного суда Курганской области и др.

сующего абонента, количество контактов, продолжительность телефонных соединений, передвижение абонента).

Например, если соединение было разовым и длилось непродолжительное время, то, вероятнее всего, второй абонент не знает звонившего, но если соединения носят двухсторонний характер и являются неоднократными, продолжительными, то, скорее всего, абоненты знакомы. При проверке номеров необходимо использовать сеть Интернет для установления открытых сведений об учреждениях и организациях, находящихся в справочниках информационных систем, выявления деловых бесед с представителями организаций, предприятий, оплаты услуг.

Абонент может быть подключен к банковскому дистанционному обслуживанию посредством телефонного номера, в ГИБДД данный номер может быть указан как контактный при регистрации транспортного средства или составлении протокола об административном правонарушении. Возможно направление запросов в платежные сервисы по регистрации абонентского номера для осуществления безналичных расчетов. В некоторых компаниях, реализующих телефонные аппараты, при покупке остаются сведения о приобретавших их лицах. Это лишь малая часть возможных способов установления личности по сведениям из детализации телефонных соединений.

Если телефонный аппарат использовался для беспроводной передачи данных, выхода в сеть Интернет, то можно получить сведения о посещенных сайтах, периодах посещения, при постоянно включенной передаче данных телефон в режиме реального времени фиксируется базовыми станциями, что позволит более точно установить перемещение абонента. В случае посещения социальных сетей, почтовых сервисов, интернет-магазинов возможно достоверно установить личность абонента, а впоследствии необходимо направить запрос в организации, с которыми он контактировал.

Немаловажный аспект — это сведения об изменении личного лицевого счета и лицевого счета абонента, к которым можно отнести изменение остатка денежных средств как для оказания услуг связи, так и для осуществления расчетов. Необходи-

мо получить информацию о поступлении и списании денежных средств, о способах расчетов. Возможно наличие информации о «привязанных» к счету банковских картах, об услугах автоматического платежа, о способах пополнения, о счетах, с которых они пополнялись, о расходовании средств и т.д.* Каждая из указанных позиций подлежит всестороннему исследованию и проверке.

С развитием цифровых технологий и телекоммуникационных систем у сотрудников правоохранительных органов появляется возможность идентификации лица по оставленным им аппаратно-программным следам, содержащимся в вышеуказанных базах данных. Однако эта деятельность требует значительного профессионализма, аналитической работы и весьма трудоемка. Отсутствие единого оператора баз данных осложняет эту задачу и увеличивает временные затраты на получение информации, препятствует оперативности и своевременному реагированию на пресечение преступной деятельности, задержанию лица, совершившего преступление.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Сведения, содержащиеся в базах данных банковских учреждений и компаний, оказывающих услуги связи, имеют существенное значение для установления обстоятельств совершенного преступления, они могут косвенно подтверждать имеющиеся доказательства, а также в совокупности с другими доказательствами могут быть приняты в качестве основных по уголовному делу.

2. Объем сведений, порядок и процедура получения информации, содержащейся в базах данных, строго регламентированы Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и отраслевым законодательством.

3. Для эффективного получения и использования необходимой информации требуется уяснение возможностей баз данных и содержащихся в них сведений согласно предложенной в настоящей статье классификации.

* В случае использования терминалов оплаты, банкоматов с функцией видеофиксации клиентов.

4. В ходе осмотра материальных носителей, содержащих сведения, базы данных, проводится анализ информации и ее сопоставление с имеющимися доказательствами по уголовному делу.

5. Необходимо избегать фиксации в протоколе осмотра сведений, не относящихся к предмету доказывания, не имеющих доказательственного значения.

6. Пользователя услуг связи можно установить при получении и последующем изучении сведений, истребованных у других держателей баз данных, с которыми контактировал абонент, в результате информационного взаимодействия.

7. В настоящее время сотрудниками правоохранительных органов информация, содержащаяся в базах данных, используется не в полном объеме, связи не устанавливаются по причине незнания основных возможностей системы информационных банков и отсутствия должной аналитической работы.

8. Для сокращения сроков предварительного следствия, эффективного установления лица, совершившего преступление, необходимо создание единого оператора баз данных, а также разработка программных средств автоматической обработки информации по задаваемым ключам.

Список литературы

1. Введенская О.Ю. Особенности слеодообразования при совершении преступлений посредством сети Интернет // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. N 4 (34). С. 209-216.
2. Вехов В.Б., Смагоринский Б.П., Ковалев С.А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. N 2 (46). С. 10-19.
3. Моисеев А.М., Кондратьев С.В. Возможности получения доказательственной информации при расследовании интернет-преступлений // Гуманитарные Балканские исследования. 2017. N 1. С. 41-43.
4. Мирошниченко Е.А. К формальному определению понятия «база данных» // Проблемы информатики. 2011. N 2 (10). С. 83-87.
5. Косарев С.Ю. Примерная типовая структура типичных частных криминалистических методик расследования преступлений // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2017. N 3 (36). С. 83-87.
6. Ищенко Е.П., Жуланов В.М. Анализ информации из электронных баз данных в следственной группе // Законность. 2007. N 4. С. 26-29.

References

1. Vvedenskaya O.Yu. Features of a trace formation at Commission of crimes by means of the Internet. Legal science and law enforcement practice, 2015, no. 4 (34), pp. 209-216. (In Russ.).
2. Vekhov V.B., Smagorinskiy B.P., Kovalev S.A. Electronic traces in the system of criminalistics. Forensic examination, 2016, no. 2 (46), pp. 10-19. (In Russ.).
3. Moiseev A.M., Kondratyuk S.V. The possibility of obtaining evidence in the investigation of Internet crimes. Humanitarian Balkan research, 2017, no. 1, pp. 41-43. (In Russ.).
4. Miroshnichenko E.A. To the formal definition of "Database". Problems of Informatics, 2011, no. 2 (10), pp. 83-87. (In Russ.).
5. Kosarev S.Yu. Approximate typical structure of typical private forensic techniques of crime investigation. Bulletin of St. Petersburg law Academy, 2017, no. 3 (36), pp. 83-87. (In Russ.).
6. Ishchenko E.P., Zhulanov V.M. Analysis of information from electronic databases in the investigation team. Legality, 2007, no. 4, pp. 26-29. (In Russ.).

Раздел 8. Компаративистика и зарубежный опыт

КОРНЕЕВ С.А., KORNEEV S.A.,
kornei_lam@mail.ru kornei_lam@mail.ru
Факультет подготовки Faculty of scientific
научно-педагогических кадров; and pedagogical staff training;
Академия права и управления Academy of Law and Management
Федеральной службы of the Federal Penitentiary Service
исполнения наказаний, of the Russian Federation,
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1 Sennaya St. 1, Ryazan, 390000,
Russian Federation

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ОПРЕДЕЛЯЕМОГО РЕШЕНИЯМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНОВ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности уголовно-правового воздействия, определяемого решениями международных органов правосудия. Проанализирована правовая основа деятельности международных уголовных трибуналов, а также их правоприменительная практика. Важное значение придается разграничению компетенций международного и национального законодательства. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что компетенция Международного уголовного суда должна сводиться к квалификации действий (бездействия) лиц, которые содержат в себе признаки состава соответствующего международного преступления, а также к определению меры ответственности за его совершение. Представлено авторское видение определения международного уголовно-правового воздействия, его сущности и содержания.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие; меры уголовно-правового воздействия; международное уголовно-правовое воздействие; международное уголовное право; международный трибунал; международный уголовный суд.

Для цитирования: Корнеев С.А. Особенности уголовно-правового воздействия, определяемого решениями международных органов правосудия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 107-115.

PECULIARITIES OF CRIMINAL LAW IMPACT DETERMINED BY THE DECISIONS OF INTERNATIONAL TRIBUNALS

Annotation. Peculiarities of criminal law impact determined by the decisions of international tribunals are considered in the article. The legal basis for the activities of international criminal tribunals, as well as their law enforcement practice are analyzed by the author of the article. Great importance is attached to the differentiation of the competences of international and national legislation. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the competence of the International Criminal Court should be reduced to the qualification of actions (omission) of persons, containing the elements of the relevant international crime, as well as to determining the measure of responsibility for committing such crime. The author's opinion of the definition of international criminal law impact, its essence and content is presented.

Keywords: criminal law impact; measures of criminal law impact; international criminal law impact; international criminal law; international tribunal; International Criminal Court.

For citation: Korneev S.A. Peculiarities of criminal law impact determined by the decisions of international tribunals // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 107-115.

В юридической литературе используется термин «уголовно-правовое воздействие» [1; 2]. Однако данная категория до настоящего времени не получила официального закрепления в законодатель-

стве Российской Федерации. Более того, и в современной науке не сформировано общепризнанное мнение относительно содержания уголовно-правового воздействия [3, p. 2; 4, с. 66]. Не менее важным

по своей значимости является вопрос о природе уголовно-правового воздействия, определяемого не только национальным, но и международным правом. В последнее время в отечественных, зарубежных и международных исследованиях все чаще обсуждаются вопросы международного уголовного правосудия, а именно история формирования, компетенция того или иного специализированного интернационального судебного органа для международного уголовного права, его значение в формировании принципов международного права, тенденции развития и влияния международных трибуналов на национальные правовые системы, совершенство (несовершенство) правоприменительной деятельности органов правосудия в оценках экспертов и сотрудников, учредительные документы и юрисдикция международных трибуналов [5; 6; 7; 8]. К сожалению, не уделяется должного внимания мерам уголовно-правового воздействия, применяемым международными органами правосудия; остается малоизученной практика международных трибуналов и, в частности, действующего на постоянной основе Международного уголовного суда.

В юридической литературе под уголовно-правовым воздействием традиционно понимают применение уголовно-правовых мер в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом [9, с. 22]. Содержанием же рассматриваемой категории выступают меры, которые нашли свое закрепление в уголовном законе. Отдельные исследователи справедливо указывают, что в объем рассматриваемого явления входят наказание и иные меры уголовно-правового характера [9, с. 68]. Однако данная дифференциация является весьма усеченной, так как в уголовном законе закреплены другие меры уголовно-правового воздействия, не включаемые ни в содержание наказания, ни в содержание иных мер уголовно-правового характера.

В теории уголовного права все меры уголовно-правового воздействия классифицируются на меры уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера. Первая группа подразделяется на уголовное наказание и другие меры уголовно-правового воздействия,

которые применяются в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений. Вторая группа распространяется на лиц, не способных нести уголовную ответственность ввиду предписаний, содержащихся в УК РФ. Общность же всех мер определяется их закреплением в уголовном законе. Исходя из этого, более емкой по юридическому содержанию категорией, включающей как наказание, так и другие меры уголовно-правового воздействия, является уголовная ответственность. Таким образом, уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера представляют собой элементы содержания уголовно-правового воздействия и в то же время являются обособленными формами его реализации.

Уголовная ответственность реализуется преимущественно через назначение и исполнение уголовного наказания. Она представляет собой кару, предполагающую возложение дополнительных обязанностей, лишений и правоограничений на осужденного.

Сущность же иных мер уголовно-правового характера заключается в ином, не карательном воздействии на лицо, совершившее общественно опасное деяние, – лечении, улучшении психического состояния лица, страдающего психическим расстройством, воспитании несовершеннолетнего лица, обеспечении безопасности общества от данных категорий лиц и в то же время в их скорейшем возвращении в социум. Сводить уголовно-правовое воздействие к сущности одного из элементов его содержания неверно, так как рассматриваемое явление включает в себя совершенно разноплановые, обособленные друг от друга институты уголовного права. В связи с этим сущность рассматриваемого явления, скорее всего, будет заключаться в воздействии государства, оказываемом в одном случае на лицо, совершившее преступление, с целью воздаяния, в другом – на лицо, совершившее общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, с целью излечения, воспитания, восстановления в социуме.

Не менее значимым является вопрос о природе уголовно-правового воздействия, определяемого международным правом. На разных этапах становления и

развития государства имели место преступления, нарушавшие основополагающие нормы международного права, затрагивавшие интересы всего международного сообщества и посягавшие на международный правопорядок в целом. Это определило необходимость противодействия им посредством как национального, так и международного законодательства.

Для привлечения к ответственности лиц, совершивших международные преступления против человечества, создавались специализированные интернациональные судебные органы – международные трибуналы, представляющие собой утвержденные соглашением, специальной прокламацией либо резолюцией ООН временные или действующие на постоянной основе международные органы, осуществляющие правосудие в отношении лиц, совершивших международные преступления. Цели данных органов правосудия заключались в решении вопроса о виновности указанных лиц; защите жертв и всего мирового сообщества от угрозы причинения вреда в результате совершения международных преступлений; предупреждении международных преступлений, восстановлении и поддержании на этой основе международного мира и безопасности [10, с. 41].

Для каждого международного уголовного органа разрабатывается устав (статут), который закрепляет материальные, организационные и процессуальные основы его деятельности. Таким образом, применительно к отечественному законодательству устав (статут) является комплексным межотраслевым нормативным актом, содержащим нормы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного права.

В своей деятельности международные уголовные органы, помимо положений утвержденного устава (статута), руководствуются международными договорами, принципами и нормами международного права. В исключительных случаях – общими принципами права, закрепленными в соответствующих национальных законах государств [10, с. 41].

Первым трибуналом в истории международного уголовного права стал Международный военный трибунал в Нюрн-

берге, учрежденный в соответствии с Лондонским соглашением от 8 августа 1945 г. между правительствами СССР, США, Великобритании и Временным правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников периода Второй мировой войны. Одновременно с соглашением был принят устав трибунала, устанавливающий правила и процедуры проведения Нюрнбергского процесса. За совершение преступлений (против мира, против человечности и за военные преступления) Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге предусматривал возможность назначения смертной казни или иных уголовных наказаний (ст. 27)*.

Вторым, аналогичным Международному военному трибуналу в Нюрнберге по своей сущности, структуре, юрисдикции и санкциям, стал созданный 19 января 1946 г. Международный военный трибунал для Дальнего Востока, учрежденный специальной прокламацией, изданной главнокомандующим оккупационными войсками в Японии генералом Д. Макартуром [11, с. 79-86]. Таким образом, международное уголовно-правовое воздействие, реализуемое по решениям указанных международных органов, осуществляющих правосудие в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, отождествлялось только с уголовным наказанием.

В 1993 году был создан Международный трибунал по бывшей Югославии, а в 1994 году – Международный трибунал по Руанде. Они были учреждены Резолюциями Совета Безопасности ООН N 827 и N 955 соответственно**. Оба трибунала были образованы на основании главы 7 «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» Устава

* Устав Международного военного трибунала // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. 11. С. 163-165.

** См.: Резолюция 827 (1993), принятая Советом Безопасности ООН на его 3217-м заседании 25 мая 1993 г.; Резолюция 955 (1994), принятая Советом Безопасности ООН на его 3452-м заседании 8 нояб. 1993 г // ООН: официальный сайт. URL: <https://www.un.org>

ООН и являются *ad hoc* («специально для этого», «по особому случаю») судебными органами. Относительно материально-правовых основ деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного трибунала по Руанде в их уставах определено, что главная задача трибуналов состоит в осуществлении судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия с 1 января 1991 г., а на территории Руанды – с 1 января по 31 декабря 1994 г. Соответственно, функционирование перечисленных международных судебных органов прекращается после решения поставленной цели – определение меры ответственности лицам, виновным в совершении преступлений против мира и безопасности человечества.

За совершение международных преступлений (геноцид, преступления против человечности, серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года – применительно к деятельности Международного трибунала по Руанде; к юрисдикции Международного трибунала по бывшей Югославии, помимо указанных преступлений, было отнесено нарушение законов и обычаев войны) уставами предусматривалась возможность назначения наказаний в виде тюремного заключения; возвращения законным владельцам любого имущества и доходов, приобретенных в результате преступного поведения, в том числе путем принуждения (ст. 24 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии, ст. 23 Устава Международного трибунала по Руанде), личная уголовная ответственность (ст. 7 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии, ст. 6 Устава Международного трибунала по Руанде)*. Под последней понимается ответственность лица, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или

иным образом содействовало подготовке или совершению международного преступления.

Исходя из вышеизложенного следует признать, что международное уголовно-правовое воздействие этого периода носит менее репрессивный характер по сравнению с первыми международными трибуналами, так как из его содержания было исключено наказание в виде смертной казни и в то же время закреплена мера уголовно-правового характера, не относящаяся к видам наказания. Таким образом, международное уголовно-правовое воздействие было реализовано в форме уголовной ответственности как более широкой и объемной категории уголовного права.

Еще одним органом международного правосудия являются смешанные (гибридные) суды двух видов:

– специальные суды, создаваемые на основе международных договоров государств с ООН. Их главной особенностью является правовое основание учреждения – международный договор, а не решение международной организации;

– суды, формируемые временными администрациями ООН на территориях государств, в которых проводятся миротворческие операции. «Их особенность заключается в основании их учреждения – Миссиями по поддержанию мира» [12, с. 102, 150].

Устав Специального суда по Сьерра-Леоне, учрежденного в 2002 году на основании Соглашения между ООН и Правительством Сьерра-Леоне во исполнение Резолюции 1315 (2000) Совета Безопасности ООН от 14 августа 2000 г. [13, с. 308], предусматривал за совершение преступлений (против человечества, военных преступлений и других серьезных нарушений международного гуманитарного права, а также в отношении предусмотренных соответствующим законодательством Сьерра-Леоне преступлений, совершенных на территории Сьерра-Леоне с 30 ноября 1996 г.) уголовно-правовое воздействие в виде наказания (ст. 19) и личной уголовной ответственности (ст. 6). Под последней понимается ответственность лица (независимо от его должностного положения), которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом

* См.: Доклад Генерального секретаря во исполнение пункта 2 резолюции 808 Совета Безопасности (1993) Документ ООН S/25704. 3 Мая 1993; Резолюция 955 (1994), принятая Советом Безопасности на его 3453-м заседании 8 нояб. 1994 г. // ООН: официальный сайт. URL: <https://www.un.org>

содействовало или соучаствовало в планировании, подготовке или совершении международного преступления.

Помимо этого, рассматриваемый орган правосудия обладает юрисдикцией над лицами, достигшими возраста 15 лет (ст. 7)*. Уголовно-правовое воздействие в отношении лиц, достигших возраста 15-18 лет, сводится к уходу, опеке и надзору, общинным работам, программам консультирования, передаче на воспитание, программам исправления, просвещения и профессионально-технического обучения с целью реабилитации и реинтеграции в общество. Данная мера уголовно-правового воздействия имеет схожие черты с иными мерами уголовно-правового характера, закрепленными в УК РФ, и напоминает по содержанию прообраз отечественных принудительных мер воспитательного воздействия (ст.ст. 90-92 УК РФ).

Специальный трибунал по Ливану является идентичным смешанным (гибридным) международным судебным органом, учрежденным в 2007 году на основании Соглашения между ООН и Ливанской Республикой, подписанного Правительством Ливана и ООН 6 февраля 2007 г.** Устав данного трибунала за совершение преступлений, относящихся к его юрисдикции, предусматривает уголовно-правовое воздействие в виде индивидуальной уголовной ответственности (ст. 3), наказание в виде лишения свободы (ст. 24) и компенсацию потерпевшим (ст. 25)***. Под индивидуальной уголовной ответственностью в Уставе Специального трибунала по Ливану понимается ответственность лица, которое совершило преступление, участвовало в его совершении в качестве соучастника, организовывало или направляло других лиц с целью его совершения или любым иным способом внесло вклад в совершение преступления.

* См.: Устав Специального суда по Сьерра-Леоне // Специальный суд по Сьерра-Леоне: официальный сайт. URL: <http://www.rscsl.org>

** См.: Резолюция 1757 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5685-м заседании 30 мая 2007 г. // Документ ООН S/RES/1757 (2007). 30 мая 2007 г. // ООН: официальный сайт. URL: <https://www.un.org>

*** См.: Специальный трибунал по Ливану: официальный сайт. URL: <https://www.stl-tsl.org>

Ко второй группе смешанных (гибридных) судов относятся Коллегии с исключительной юрисдикцией, учрежденные Временной администрацией ООН в Восточном Тиморе. Как справедливо утверждают И. Бантекас и С. Нэш, данный судебный орган создается в национальных судах общей юрисдикции по принципу «суд в суде» с целью преследования лиц, виновных в совершении международных преступлений. Такие «интернационализованные местные уголовные трибуналы» являются составной частью национальной судебной системы [14, р. 557-584].

За совершение в период с 1 января по 25 октября 1999 г. геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности, убийств, сексуальных преступлений и пыток Устав Коллегии с исключительной юрисдикцией предусматривает возможность назначения наказания в виде тюремного заключения на определенный срок, но не более 25 лет; штрафа в размере не свыше 500 000 долларов США; конфискации доходов, имущества и денежных средств, прямо или косвенно полученных в результате преступления (ст. 10). Устав содержит ряд международно-правовых новелл. Например, им предусматривается освобождение от уголовной ответственности (ст. 19) [12, с. 201-214].

Так, уголовной ответственности не подлежит лицо, страдавшее в момент совершения деяния психическим расстройством и не способное в силу заболевания осознавать общественную опасность своего деяния; находившееся в состоянии интоксикации, что также лишало его возможности осознавать противоправность своего поведения; действовавшее разумно для защиты себя, или другого лица, или особо важного для выживания данного лица имущества от неизбежного и противоправного применения силы способом, соразмерным степени опасности, угрожающей этому лицу, другому лицу или имуществу; если деяние является вынужденной ответной реакцией на угрозу неминуемой смерти либо причинения тяжких телесных повреждений для него самого или других лиц, при условии, что оно не намерено причинить больший вред, чем тот, который оно стремилось предотвратить [12, с. 212].

Таким образом, приведенный институт частично дублирует положения отечественного законодательства об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ), о лицах, подлежащих уголовной ответственности (гл. 4 УК РФ), однако не имеет ничего общего с институтом освобождения от уголовной ответственности (глава 11 УК РФ).

Действующим в настоящее время судебным органом международного сообщества является Международный уголовный суд. Римский статут Международного уголовного суда, вступивший в силу 1 июля 2002 г., предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок (не более 30 лет); пожизненного лишения свободы; штрафа; конфискации имущества, доходов и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления; индивидуальную уголовную ответственность (ст. 25), уголовную ответственность командиров и начальников (ч. 3 ст. 28). Подобным образом Римский статут Международного уголовного суда предусматривает виды освобождения от уголовной ответственности (ст. 31), однако в нем не закреплены положения об уголовной ответственности несовершеннолетних, так как он не распространяется на деяния, совершенные представителями указанной категории граждан (ст. 26)*.

Особенностью современных моделей уставов международных органов правосудия является закрепление основания освобождения от уголовной ответственности ввиду психического расстройства лица, совершившего преступление. Отметим, что данная «новелла» не нашла своего закрепления в российском уголовном праве. В случае совершения лицом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости отсутствует состав преступления, это подразумевает исключение уголовной ответственности ввиду отсутствия ее основания (ст. 8 УК РФ). Следовательно, норма международного уголовного права об освобождении от уголовной ответственности лиц, страдающих психическими расстрой-

ствами, порождает ряд вопросов относительно аргументированности и обоснованности ее закрепления в основных источниках международных органов правосудия.

Таким образом, с одной стороны, международное уголовно-правовое воздействие, определяемое решениями приведенных международных органов правосудия, отождествляется с национальным, так как в его содержание включаются меры, реализацию которых необходимо рассматривать за пределами уголовной ответственности (юрисдикция Специального суда по Сьерра-Леоне над лицами, возраст которых составляет 15-18 лет). С другой стороны, Устав действующего на постоянной основе Международного уголовного суда не закрепляет мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних лиц и лиц, страдающих психическими расстройствами, совершивших общественно опасное деяние, запрещенное Римским статутом. Тем самым в настоящее время международное уголовно-правовое воздействие сводится исключительно к уголовной ответственности, включающей меры уголовно-правового характера, закрепленные непосредственно в учредительных документах международного уголовного трибунала.

Следует отметить, что данные выводы основаны на анализе учредительных документов органов международного правосудия. Анализ официальных источников, судебных решений международных трибуналов, отечественных и зарубежных исследований международного уголовного права показал, что международные органы правосудия имеют более широкий перечень мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении лиц, совершивших международные преступления и общественно опасные деяния.

Например, за время своего существования:

1. Нюрнбергский военный трибунал приговорил к смертной казни через повешение 12 человек, к пожизненному лишению свободы — 3 человек и к лишению свободы на определенный срок — 4 человек (на срок от 10 до 20 лет) [15, с. 510-511]. Более того, гражданин Крупп был освобожден от наказания ввиду болезни (невменяемости). Это является аналогом

* См.: Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ситуации, предусмотренной ст. 81 УК РФ [16, с. 19-20].

2. Токийский военный трибунал вынес решение в отношении 25 подсудимых и приговорил к смертной казни через повешение 7 человек, к пожизненному лишению свободы — 16 человек и к лишению свободы на определенный срок — 2 человек (на срок 7 и 20 лет) [17, с. 475]. Один гражданин (С. Окава) признан невменяемым и исключен из числа подсудимых Токийского военного трибунала. В последующем лицо, совершившее общественно опасное деяние, было переведено в тюрьму американского военного госпиталя, затем находилось в клинике Токийского университета и больнице Мацудзава [18, с. 325, 329]. Отметим, что данная мера по своему содержанию является аналогом принудительных мер медицинского характера (гл. 15 УК РФ).

Следует напомнить, что уставы первых в истории международных уголовных трибуналов предусматривали только уголовное наказание. Факт применения уголовной ответственности, видов освобождения от наказания и уголовной ответственности свидетельствует об использовании иных источников международного и национального уголовного права. Таким образом, практическая деятельность приведенных органов международного правосудия свидетельствует о недопущении отождествления международного уголовно-правового воздействия исключительно с уголовным наказанием.

3. Международный трибунал по Руанде осудил 65 человек, из них 39 приговорены к лишению свободы на определенный срок, 26 — к пожизненному лишению свободы. К 4 гражданам применены другие меры уголовно-правового воздействия: лишение права назначаться в качестве адвоката для любого лица, обвиняемого в трибунале, по причине завышения счетов за свои услуги (Маккартан); условное осуждение (Нтагерура, Багамбик); условное освобождение до Апелляционного суда (Багилишема)*. Более того, следует

* Международный остаточный механизм Организации Объединенных Наций для уголовных трибуналов: официальный сайт. URL: <http://unictr.irmct.org>

обратить внимание на отказ Международного трибунала по Руанде от привлечения к уголовной ответственности лиц в случае совершения ими преступлений в состоянии неумышленной интоксикации. Так, М. Хэпполд указывает на случаи использования несовершеннолетних солдат методом интоксикации с помощью алкоголя и наркотических средств. Это явилось основанием для их освобождения от уголовной ответственности [19, р. 16-17].

4. Специальный суд по Сьерра-Леоне приговорил к лишению свободы на определенный срок 10 человек, к наказанию условно — 1 человека, к испытательному сроку продолжительностью 1 год — 4 человек**.

5. Практика Специального трибунала по Ливану сводится к обвинению в совершении преступления 5 человек, находящихся в международном розыске***.

6. Коллегии с исключительной юрисдикцией в отношении преступлений в Восточном Тиморе приговорили к лишению свободы на определенный срок 14 человек, к наказанию условно — 1 человека****.

7. Международный уголовный суд приговорил: к лишению свободы на определенный срок 3 граждан, к штрафу — 3 граждан, к возмещению ущерба — 1 гражданина, оправдал 2 граждан*****. В практике суда также имели место случаи ссылок на «недостаточность умственной ответственности» (например, Э. Ланджо) [20, с. 59-70].

Таким образом, правоприменительная практика международных органов правосудия свидетельствует о реализации как уголовной ответственности (наказание (условное и реальное), условное осуждение, условное освобождение, штраф, конфискация имущества и другие), так и института освобождения от уголовной ответственности и наказания.

** Специальный суд по Сьерра-Леоне: официальный сайт. URL: <http://www.rscsl.org>

*** Специальный трибунал по Ливану: официальный сайт. URL: <https://www.stl-tsl.org>

**** Коллегия с исключительной юрисдикцией в отношении серьезных преступлений в Восточном Тиморе: официальный сайт. URL: <https://web.archive.org>

***** Международный уголовный суд: официальный сайт. URL: <https://www.icc-cpi.int>

Следует отметить, что ни правовым нормам действующего на постоянной основе Международного уголовного суда, ни практике применения международных органов правосудия не известны меры уголовно-правового воздействия, применяемые в отношении несовершеннолетних и лиц, страдающих психическими расстройствами, совершивших международные общественно опасные деяния. Однако в отношении данных категорий лиц предусмотрен институт освобождения от уголовной ответственности и наказания, что, по нашему мнению, является неправильным. Смягчение уголовной ответственности и наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, решение вопроса о вменяемости (невменяемости) лица, совершившего общественно опасное деяние, и других вопросов – это предмет национального правового регулирования, а не международного. Таким образом, международное уголовное право не должно регулировать вопросы, относящиеся к исключительной компетенции национальных органов власти.

Например, к компетенции Международного уголовного суда относятся вопросы определения ответственности за отдельные преступления против мира и безопасности человечества: планирование, подготовка или ведение агрессивной войны, публичные призывы к ее развязыванию; реабилитация нацизма; разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения; применение запрещенных средств и методов ведения войны; геноцид; экоцид; наемничество; нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой; акт международного терроризма. Считаем, что лицо, страдающее психическим расстройством, в силу своего душевного со-

стояния или несовершеннолетний в силу своей социальной незрелости не могут совершить подобного рода преступление. В крайнем случае освобождение от уголовной ответственности данных категорий лиц, назначение им соответствующих принудительных мер медицинского характера и воспитательного воздействия определяется на основании норм национального законодательства.

Таким образом, уголовно-правовое воздействие, определяемое решениями международных органов правосудия, сводится к назначению и применению отдельных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений.

Необходимо отметить, что в силу своего приоритета, верховенства перед национальными органами правосудия Международный уголовный суд за преступления, относящиеся к его юрисдикции, должен предусматривать исключительно уголовное наказание. Назначение других мер уголовно-правового воздействия, например конфискации имущества, доходов и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления, – прерогатива законодательства государства, гражданином которого является преступник. Данный факт обусловлен степенью общественной опасности совершаемых преступлений международного характера. Тем самым компетенция Международного уголовного суда должна сводиться к квалификации действий (бездействия), содержащих в себе признаки состава соответствующего международного преступления, а также к определению меры ответственности за его совершение. Сущность международного уголовно-правового воздействия должна сводиться к каре, воздаянию за содеянное и носить исключительно репрессивный характер.

Список литературы

1. Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2014. 248 с.
2. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. 339 с.
3. Lapshin V.F., Korneev S.A. Social distributional aspect of penal actions // E3S Web of Conferences 135, 04063 (2019), pp. 1-11. DOI: 10.1051/e3sconf/201913504063.
4. Корнеев С.А. Меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. N 3 (49). С. 64-72.
5. Капустин А.Я. Международные суды: тенденции развития и влияния на национальные правовые системы // Государство и право. 2018. N 7. С. 120-132.

6. Коваль А.В. Значение Нюрнбергского Трибунала для становления принципов международной уголовной ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. N 2. С. 31-39.
7. Нелаева Г.А. Современные дискуссии о международных трибуналах: международный трибунал по бывшей Югославии в оценках экспертов и сотрудников // Социум и власть. 2015. N 4. С. 72-77.
8. Русанов Г.А. Обстоятельства, освобождающие от международной уголовной ответственности // Журнал российского права. 2014. N 6. С. 112-116.
9. Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А.И. Рапога. М.: Проспект, 2015. 286 с.
10. Ведерникова О.Н. Современные модели международного уголовного правосудия // Наука и жизнь Казахстана. 2012. N 2. С. 40-45.
11. Сборник действующих договоров соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. 12. 199 с.
12. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: хрестоматия. М., 2009. 536 с.
13. Волеводз А.Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. С. 305-323.
14. Bantekas I., Nash S. International Criminal Law. London, 2007. 640 p.
15. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов: в 7 т. Т. 7 / под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1961. 800 с.
16. Бондарев И.М. Система международных судебных учреждений: учеб. пособие. М., 2004. 286 с.
17. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1984. 575 с.
18. Ромашев Ю.С. Международное правоохранительное право. М., 2010. 367 с.
19. Happold M. Child Soldiers in International Law. Manchester, 2004. 192 p.
20. Landy F. Sparr. Mental Incapacity Defenses the War Crimes Tribunal: Questions and Controversy // JAAPL. 2005. March 1. Vol. 33. N 1. P. 59-70.

References

1. Bavsun M.V. Criminal law impact: ideology, goals and means of implementation. Doct. Diss. Omsk, 248 p. (In Russ.).
2. Lopashenko N.A. Basics of criminal law influence: criminal law, criminal law, criminal law policy. St. Petersburg, 2004. 339 p. (In Russ.).
3. Lapshin V.F., Korneev S.A. Social distributional aspect of penal actions. E3S Web of Conferences 135, 04063 (2019), pp. 1-11. DOI: 10.1051/e3sconf/201913504063.
4. Korneev S.A. Criminal law measures not related to criminal liability. Legal science and law enforcement practice, 2019, no. 3 (49), pp. 64-72. (In Russ.).
5. Kapustin A.Ya. International courts: development trends and impact on national legal systems. State and Law, 2018, no. 7, pp. 120-132. (In Russ.).
6. Koval' A.V. The value of the Nuremberg Tribunal for the establishment of the principles of international criminal responsibility. Bulletin of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation, 2011, no. 2, pp. 31-39. (In Russ.).
7. Nelaeva G.A. Current discussions on international tribunals: an international tribunal for the former Yugoslavia as assessed by experts and staff. Social and Government, 2015, no. 4, pp. 72-77. (In Russ.).
8. Rusanov G.A. Circumstances exempting from international criminal liability. Journal of Russian Law, 2014, no. 6, pp. 112-116. (In Russ.).
9. Criminal law impact. Moscow, Prospect Publ., 2015. 286 p. (In Russ.).
10. Vedernikova O.N. Modern models of international criminal justice. Science and Life of Kazakhstan, 2012, no. 2, pp. 40-45. (In Russ.).
11. A collection of existing treaties of agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Moscow, 1956. Issue 12. 199 p. (In Russ.).
12. Volevodz A.G., Volevodz V.A. The modern system of international criminal justice. Moscow, 2009. 536 p. (In Russ.).
13. Volevodz A.G. The modern system of international criminal justice: concept, legal framework, structure and signs. International criminal justice: Modern problems. Moscow, Institute of Law and Public Policy, 2009. Pp. 305-323. (In Russ.).
14. Bantekas I., Nash S. International Criminal Law. London, 2007. 640 p.
15. Nuremberg trial of the main German war criminals. In 7 volumes. Volume 7. Moscow, 1961. 800 p. (In Russ.).
16. Bondarev I.M. The system of international judicial institutions. Moscow, 2004. 286 p. (In Russ.).
17. Smirnov L.N., Zaytsev E.B. Court in Tokyo. Moscow, 1984. 575 p. (In Russ.).
18. Romashev Yu.S. International law enforcement. Moscow, 2010. 367 p. (In Russ.).
19. Happold M. Child Soldiers in International Law. Manchester, 2004. 192 p.
20. Landy F. Sparr. Mental Incapacity Defenses the War Crimes Tribunal: Questions and Controversy, JAAPL, March 1, 2005, vol. 33, no. 1, pp. 59-70.

Раздел 9. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ЧЕРНЯКОВА А.В., anna.chernyakova.1979@mail.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	CHERNYAKOVA A.V., anna.chernyakova.1979@mail.ru Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	---

ОБЪЕКТ КОМПЬЮТЕРНОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Аннотация. В статье предпринята попытка определить круг тех общественных отношений, на которые посягает мошенничество, совершаемое с использованием компьютерной информации. Проанализированы позиции исследователей, как полагающих, что объектом рассматриваемого вида хищений является компьютерная безопасность, так и причисляющих к нему отношения собственности. Преступление рассматривается как юридический факт, порождающий возникновение правоотношений, в структуре которых выделяют участников, их права и обязанности и предмет — то, по поводу чего общественные отношения возникают. Обосновывается, что предмет мошенничества, совершаемого с использованием компьютерной информации, как неотъемлемая часть общественных отношений наличествует при любых обстоятельствах. Сделан вывод о том, что мошенничество в сфере компьютерной информации посягает на два объекта уголовно-правовой охраны: основной — собственность и дополнительный — отношения по обеспечению безопасности средств хранения, передачи и обработки компьютерной информации и информационно-коммуникационных сетей.

Ключевые слова: объект преступления; предмет преступления; состав преступления; компьютерная информация; имущество; мошенничество.

Для цитирования: Чернякова А.В. Объект компьютерного мошенничества // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 116-124.

OBJECT OF COMPUTER FRAUD

Annotation. The attempt to determine the range of public relations that are affected by fraud committed by using a computer is made in the article. The author of the article analyzes the points of view of those researchers who believe that the object of the analyzed type of theft is computer security, as well as of those ones who believe that the property relations are the object of computer fraud. The crime is considered as a legal fact that gives rise to legal relations, the structure of which includes the participants, their rights and obligations, and the subject itself. The subject is something about which the social relations arise. It is substantiated that the subject of fraud committed by using computer data, being an integral part of public relations, exists under any circumstances. It is concluded that computer fraud encroaches on two objects protected by criminal law: the main one is the property and the additional one is the relations ensuring the safety of storage, transmission and processing of computer data and the security of information and communication networks.

Keywords: object of crime; subject of crime; corpus delicti; computer data; property; fraud.

For citation: Chernyakova A.V. Object of computer fraud // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 116-124.

Объект преступления традиционно принято считать ключевым элементом состава преступления. Его содержание является решающим в вопросах понимания социальной значимости и ценности охра-

няемых благ, определения общественной опасности деяния, юридической конструкции конкретного состава преступления. Фундаментальным подходом в уголовно-правовой науке считается тот, согласно ко-

тому под объектом состава преступления понимаются общественные отношения.

Однако вопросы об объекте преступлений вызывают немало дискуссий. А.Н. Трайнин, признавая, что объектом каждого преступления являются общественные отношения, одновременно отмечает: «необходимо иметь в виду — приведенным положением проблема объекта преступления в системе социалистического уголовного права отнюдь не исчерпывается. По существу она здесь начинается, ибо для разрешения важнейших для судебной практики вопросов квалификации необходимо изучение объекта не только со стороны преступления, но и как элемента состава конкретного преступного действия» [1, с. 124]. Л.Д. Гаухман общественные отношения, защищаемые уголовным законом, называет объектом уголовно-правовой охраны [2, с. 7]. По мнению Г.П. Новоселова, объектом преступления следует признавать людей — индивида, их малые или большие группы (социумы), поскольку преступление причиняет или создает угрозу причинения вреда не чему-то (благам, нормам права, отношениям и т.д.), а кому-то [3, с. 53-60].

В рамках данной статьи объект состава преступления будет рассматриваться как общественные отношения, охраняемые уголовным законом, поскольку этот подход является устоявшимся в отечественной науке уголовного права и на его основе систематизированы нормы Особенной части действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Традиционной для отечественной уголовно-правовой доктрины является также классификация объектов преступлений, обусловленная сложностью и многомерностью общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Классификация объектов позволяет как определить важность, ценность, социальную значимость конкретного объекта, так и разрешить вопросы квалификации преступлений. Придавая классификации научное обоснование, исходя из философских категорий общего, особенного, единичного и отдельного, Н.И. Коржанский выделяет четыре группы объектов: общий, родовой, видовой и непосредственный. Общий объект объединяет всю систему общественных отношений,

охраняемых уголовным законом; родовой — отдельная группа однородных общественных отношений, составляющих одну область общественной жизни, видовой — общественные отношения одного вида, непосредственный — конкретное общественное отношение [4, с. 25-28].

Не углубляясь в дальнейшую полемику о классификации объектов преступлений, считаем важным, что «пределы перевода тех или иных понятий из абстрактно обобщенных в конкретно осязаемые должны быть ограничены с тем, чтобы понятие непосредственного объекта не потеряло при этом свойств общественного отношения, ибо предметы и явления, взятые сами по себе, вне связи с общественными отношениями, не имеют общественного характера» [5, с. 206].

Учитывая, что критерий построения разделов и глав Особенной части УК РФ основан на выделении родового и видового объектов преступления, и то, что норма о мошенничестве в сфере компьютерной информации находится в разделе «Преступления в сфере экономики» и главе «Преступления против собственности», строго законодательная позиция заключается в том, что родовым объектом мошенничества в сфере компьютерной информации являются экономические отношения, видовым — отношения собственности.

Проблемы определения объекта мошенничества в сфере компьютерной информации обозначены исследователями в двух направлениях: первое — исходя из общего понимания и значения таких категорий, как экономика, собственность при исследовании имущественных преступлений в целом, второе — это изучение конкретного деяния — мошенничество в сфере компьютерной информации с точки зрения того, каким общественным отношениям оно причиняет вред.

В научной литературе относительно объекта мошенничества в сфере компьютерной информации можно выделить несколько позиций. Понимая под родовым объектом отношения в сфере экономики, под видовым — отношения, охраняющие право собственности, непосредственным объектом авторы при этом называют общественные отношения, сложившиеся в сфере электронного документооборота [6, с. 41].

Такой взгляд на объект рассматриваемого вида мошенничества не может быть поддержан уже только потому, что общественные отношения, складывающиеся в сфере электронного документооборота, не являются частью общественных отношений в сфере собственности. Суть классификации объектов преступлений по вертикали — а именно такое наименование она получила в уголовном праве — заключается в том, что каждая последующая категория объектов (общий, родовой, видовой, непосредственный) находится «внутри» предыдущей [7, с. 147], характер непосредственного объекта имеет значение для разграничения отдельных преступлений, входящих в одну и ту же группу [8, с. 40]. Если видовым объектом преступления являются отношения собственности в целом, то непосредственным объектом выступают отношения по поводу собственности конкретного лица.

Кроме отмеченной позиции, высказана точка зрения о том, что в результате совершения мошенничества в сфере компьютерной информации виновный посягает на компьютерную информацию; необходимости реально обладать каким-либо предметом у него не возникает. Воздействие оказывается исключительно на информацию и, соответственно, основным объектом выступают отношения, обеспечивающие безопасное хранение, производство, использование или распространение информации и информационных ресурсов либо их защиту, а в качестве дополнительного объекта следует признавать отношения собственности [9, с. 14].

Деление объектов на основные, дополнительные и факультативные в уголовно-правовой доктрине принято считать классификацией объектов по горизонтали. Необходимость такого рода классификации обосновывается тем, что одно преступное посягательство может причинить вред нескольким объектам — разным общественным отношениям, не охватываемым одной родовой или видовой категорией. Основным объектом преступления является объект, составляющий социальную сущность посягательства, в защиту которого создана уголовно-правовая норма. Дополнительным объектом является тот, который не выражает социальную сущность преступления, однако пося-

гательством ему также причиняется вред, наряду с основным объектом [4, с. 30-31]. Нередко дополнительный объект сам по себе подлежит уголовно-правовой охране и посягательство на него предусмотрено в уголовном законе в качестве самостоятельного преступления.

Тот факт, что норма о мошенничестве в сфере компьютерной информации включена в раздел УК РФ «Преступления в сфере экономики» и главу «Преступления против собственности», сложно признать убедительным аргументом, подтверждающим, что основным родовым объектом этого посягательства являются общественные отношения в сфере экономики, видовым — отношения собственности. Более того, автор, полагая, что основным объектом необходимо признавать отношения, обеспечивающие безопасное хранение, производство, использование или распространение информации и информационных ресурсов либо их защиту, считает, что и сама норма о мошенничестве в сфере компьютерной информации должна быть включена в главу 28 «Преступления в сфере компьютерной безопасности» и, соответственно, в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» [9, с. 14].

Правильное определение объекта зависит, в частности, от умения верно устанавливать его связь с другими элементами состава преступления, поскольку каждый из них существует не сам по себе, а только в тесной взаимосвязи с другими элементами [10, с. 163, 168].

Совершение мошенничества в сфере компьютерной информации действительно начинается с нарушающего установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации воздействия программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры) или на информационно-телекоммуникационные сети*. Но посягательство в целом этим не заканчивается, поскольку это лишь позволило виновному

* О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 нояб. 2017 г. N 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

получить доступ к чужому имуществу и впоследствии незаконно завладеть им или приобрести право на него. Иными словами, это позволило нарушить отношения, заключающиеся в реализации правомочий собственника имущества.

Поддерживая мнение о том, что свойства объекта посягательства позволяют уяснить содержание и признаки других элементов состава преступления (способ совершения, направленность умысла виновного лица и другие признаки объективной и субъективной стороны преступления) [4, с. 7] и исходя из того, что умысел виновного при совершении мошенничества в сфере компьютерной информации направлен на хищение, а вред общественным отношениям в сфере безопасного обращения компьютерной информации причиняется с целью получения возможности совершить хищение, с уверенностью можно полагать, что социальная сущность рассматриваемого преступления заключается именно в посягательстве на отношения собственности. Ведь при таких хищениях, как, например, разбой или грабеж с применением насилия, помимо отношений собственности, вред причиняется еще и здоровью потерпевшего. Однако здоровье не следует указывать в качестве основного объекта посягательства, несмотря на то, что причинение вреда здоровью при таких хищениях, как правило, предшествует непосредственному изъятию предмета хищения.

Кроме того, занять позицию, в соответствии с которой отношения собственности в составе мошенничества в сфере компьютерной информации — лишь дополнительный объект, означает признать, что само посягательство хищением не является. Однако введение данной нормы в состав действующего УК РФ было обосновано и правоприменительной деятельностью, и уголовно-правовой доктриной именно как мера противодействия хищениям, совершаемым с использованием компьютерной информации*, то есть под

уголовно-правовую охрану были взяты прежде всего отношения собственности. И это также подтверждает, что социальная сущность рассматриваемого преступления заключается именно в посягательстве на отношения собственности.

Таким образом, основным родовым объектом мошенничества в сфере компьютерной информации следует считать общественные отношения в сфере экономики, основным видовым объектом — отношения, возникающие по поводу собственности. Отношения по обеспечению безопасности информационно-коммуникационных сетей следует признавать дополнительным объектом.

Исследование объекта мошенничества в сфере компьютерной информации останется незавершенным без исследования его предмета. В уголовно-правовой доктрине предмет преступления связывают с объектом преступления. Мнение о том, что предмет является признаком объективной стороны, поддержано не было, однако сам факт того, что данная позиция имеет место — пример подтверждения тесной взаимной связи между элементами состава преступления, при которой значение каждого элемента заключается не только в том, что он определяет ту или иную сторону состава преступления, но и в том, что он создает определенную зависимость от себя других элементов [10, с. 165].

К настоящему времени в науке уголовного права устоялось восприятие предмета преступления в значении вещи, конкретной материальной осязаемой реалии. Оно основано, в частности, на мнении Н.И. Коржанского, что предмет преступления по своей природе характеризуется физической, вещественной сущностью, это всегда определенный материальный (вещный) объект, по поводу которого возникают и существуют отношения между людьми [11, с. 120], а также на предположении Л.Д. Гаухмана о том, что предмет преступления — это материальный субстрат, предмет материального мира, одушевленный или неодушевленный, в связи с которым или по поводу которого совершается преступление, на который непосредственно воздействует преступник, совершая преступление [2, с. 24]. При этом Н.И. Коржанский отмечает, что уголовно-

* Паспорт проекта Федерального закона N 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

правовое значение предмета преступления определяется, в первую очередь, не его физическими свойствами, а характером и содержанием выражающихся в нем общественных отношений. Предмет преступления необходимо рассматривать как систему качеств, как совокупность свойств, сторон объекта – общественного отношения, воздействуя на которые субъект изменяет их и этим причиняет социальный вред [11, с. 6, 14]. «Система качеств, совокупность свойств, совокупность сторон» – вопрос, ответ на который прямо и безапелляционно указывает на предмет преступления, как на вещь. Другими словами, можно предположить, что уже в советский период у исследователей возникали сомнения в части исключительно вещного понимания предмета преступления.

Представляется, что основанием для подобного рода дискуссий могли стать вопросы правового значения такой категории, как общественные отношения, которые, как было отмечено ранее, для данного исследования рассматриваются в качестве объекта состава преступления.

Совершение преступления – это юридический факт, на основании которого возникает правоотношение, являющееся, в свою очередь, одним из видов общественных отношений в целом. Как известно, в структуру общественных отношений, помимо участников, их прав и обязанностей, входит также повод возникновения общественных отношений, то, на что направлены права и обязанности участников общественных отношений. И здесь правовая наука не ограничивается пониманием предмета исключительно как какой-то конкретной вещи, она называет различные материальные и нематериальные блага [12, с. 4], а в некоторых случаях и поведение участников [13, с. 588-598].

Полагаем, что в контексте общественных отношений, охраняемых уголовным законом, предмет необходимо рассматривать в качестве конкретного явления действительности, которое входит в структуру каждого общественного отношения, представляет собой неотъемлемую его часть. Ошибочно отождествлять предмет в рассматриваемом смысле с вещью, с тем, что имеет физическое выражение в материальном мире.

Не всегда предмет преступления прямо закреплен в норме уголовного закона, но в случае с мошенничеством в сфере компьютерной информации он установлен – чужое имущество или приобретение права на чужое имущество. Полемика по данному поводу в научной литературе развернулась в следующих направлениях. К предмету мошенничества в сфере компьютерной информации часть исследователей относит только чужое имущество, считая при этом, что оно предметом является всегда, а законодательная формулировка «приобретение права на чужое имущество» – это признак его объективной стороны, либо полагая, что чужое имущество может быть предметом мошенничества при хищении, а в случае приобретения права на чужое имущество вред причиняется объекту – отношениям собственности, предмет отсутствует вовсе. Кроме отмеченного, чужое имущество и приобретение на него права считают самостоятельными предметами мошенничества. Также было высказано мнение о том, что при приобретении права на чужое имущество предметом мошенничества является исключительно чужое имущество.

Отчасти основаниями для приведенной полемики стали различные точки зрения на материальную (физическую) сущность предмета преступления в целом, о которых говорилось выше, а отчасти – различные взгляды на то, что необходимо понимать под имуществом и приобретением права на имущество. Основные противоречия возникли по поводу соотношения гражданского и уголовно-правового понимания термина «имущество», суть которых по большому счету свелась к его объему. Так, авторы, высказывающие мнение о том, что термин должен иметь свое собственное уголовно-правовое значение, полагают, что к имуществу как предмету преступлений против собственности надлежит относить только вещи [14, с. 128; 15, с. 12-13], а то, что обладает экономическим свойством стоимости, цены, но не обладает вещной сущностью, имуществом считаться не может. Противоположным, соответственно, является мнение о необходимости раскрывать определение понятия «имущество» с позиции гражданского права, поскольку уголовным законом охраняются отноше-

ния собственности, регулируемые именно гражданским правом [16, с. 13]. Сложность заключается в том, что Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит общей нормы, раскрывающей понятие имущества, однако, исходя из его положений, исследователи к имуществу относят вещи, имущественные права и имущественные обязанности [17, с. 11].

Значение приведенных дискуссий по вопросу о предмете мошенничества в сфере компьютерной информации заключается в следующем. Если придерживаться позиции, согласно которой к имуществу относится лишь то, что является предметом материального мира, то похитить его — имущество (вещь) с использованием компьютерной информации невозможно. Следовательно, из диспозиции нормы необходимо было бы исключить имущество как предмет мошенничества в сфере компьютерной информации, поскольку в виртуальном пространстве не хранятся какие-либо вещи. Если под имуществом понимать вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные права, то из диспозиции подлежат исключению слова «приобретение права на чужое имущество», поскольку право на чужое имущество в данном смысле и есть имущество.

Принято считать, что указание на «приобретение права на чужое имущество» в диспозиции общей нормы о мошенничестве, а также в норме о мошенничестве в сфере компьютерной информации вызвано тем, что внешне законное право на имущество может быть приобретено, но до реализации этого права, до завладения имуществом такие действия не причиняют ущерба собственности, не нарушают отношений по производству и распределению материальных благ [18, с. 35-36]. Это, в свою очередь, имеет правовое значение для определения момента окончания хищения.

Однако в современных условиях данное обстоятельство постепенно утрачивает свое значение. Определяющими факторами изменения в таком направлении послужило перманентное развитие информационного общества, информационно-коммуникационных технологий и их повсеместное внедрение в сферы деятельности личности, общества и государства.

Это явилось следствием возникновения новых сфер общественных отношений, которые, с одной стороны, стали нуждаться в уголовно-правовой охране, а с другой — потребовали для этого иных подходов.

В качестве примера можно привести электронные денежные средства, которые, имея вполне реальную экономическую ценность, могут «находиться» на специальном микрочипе, размещенном на банковской карте или в специальном программном обеспечении сервера эмитента и передаваться, соответственно, либо посредством банковской карты, либо по телекоммуникационным сетям. Развитие экономических отношений стало предпосылкой того, что электронные денежные средства, несмотря на их обязательно-правовую природу, на то, что они представляют собой право требования, не являются вещью, признаются предметом хищения, и не только мошенничества в форме «приобретения права на чужое имущество», но и кражи. При этом моментом окончания такого хищения назван момент изъятия электронных денежных средств, а не возможность ими распорядиться, что являлось традиционным для кражи*.

Таким образом, кардинальные изменения экономических отношений, вызванные, в частности, развитием информационно-коммуникационных технологий, потребовали изменений существующих подходов к их уголовно-правовой охране. Следует признать, что позиция отождествления предмета хищения исключительно с его физическими (вещественными) характеристиками устарела и не может в дальнейшем признаваться оправданной. Предметом мошенничества в сфере компьютерной информации необходимо признавать имущество, придавая ему более широкое значение, чем понимание его только в качестве вещи или совокупности вещей.

Еще одним важным аспектом стало значение компьютерной информации. Исследователями при изучении анализируемого деяния компьютерная информация рассматривается как средство совершения

* О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 нояб. 2017 г. N 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

хищения и одновременно как предмет преступления и орудие (средство) его совершения. По этому поводу М.И. Третьяк пишет: «в данном случае особое значение имеет понятие компьютерной информации, которая выступает в качестве орудия (средства) совершения этого преступного деяния... В некоторых случаях компьютерная информация может выступать и предметом этого вида мошенничества...» [19, с. 132].

Средствами совершения преступления принято считать то, при помощи чего совершено преступление, орудиями — то, при помощи чего виновный непосредственно воздействует на предмет преступления. И если средства и орудия в механизме преступления играют активную роль, поскольку упрощают его совершение, оказывают воздействие на предмет, то сам предмет преступления при этом играет пассивную роль, подвергаясь такому преступному воздействию [20, с. 181].

Рассматриваемое хищение, как было отмечено выше, причиняет вред двум объектам: экономике — собственности и общественной безопасности — компьютерной безопасности. И если при посягательстве на собственность предметом является имущество, то вопрос о том, что считать предметом преступления при посягательстве на компьютерную безопасность, остается открытым, как и вопрос о том, на что, являясь средством (орудием), оказывает воздействие компьютерная информация. Кроме того, получается, что, если воспринимать компьютерную информацию как средство (орудие) совершения хищения, то следует признать, что по этой причине вред общественной и компьютерной безопасности не причиняется.

Для того чтобы совершить хищение в сфере компьютерной информации, также необходимо получить доступ к компьютерной информации. С этой целью злоумышленник использует соответствующие технические устройства, клавиатуру или

сенсорные клавиши, посредством которых «подает» различного рода команды, направляемые в операционную систему или информационно-коммуникационные сети. Однако технические устройства, операционные команды позволяют не только получить доступ к компьютерной информации, но и воздействовать на нее — модифицировать, блокировать, уничтожать.

По нашему мнению, компьютерная информация при совершении рассматриваемого вида хищения выступает в качестве предмета. Средствами же совершения хищения в сфере компьютерной информации могут выступать компьютеры и иные устройства, позволяющие «проникнуть» в виртуальное пространство, различного рода команды — инструкции, вводимые преступником, при помощи которых и осуществляется преступное воздействие на компьютерную информацию, причиняющее вред объекту уголовно-правовой охраны.

Обобщение проведенного исследования объекта и предмета мошенничества в сфере компьютерной информации позволяет заключить следующее:

1. Мошенничество в сфере компьютерной информации посягает на два объекта уголовно-правовой охраны.

2. Основным родовым объектом выступают общественные отношения в сфере экономики, видовым — отношения, складывающиеся по поводу собственности.

3. Предметом основного объекта является имущество, слова «приобретение права на чужое имущество» из диспозиции статьи 159.6 УК РФ необходимо исключить.

4. Дополнительным объектом выступают отношения по обеспечению безопасности средств хранения, передачи и обработки компьютерной информации и информационно-коммуникационных сетей. Компьютерную информацию надлежит рассматривать как предмет дополнительного объекта уголовно-правовой охраны.

Список литературы

1. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. 363 с.
2. Гаухман Л.Д. Объект преступления: лекция. М.: Акад. МВД России, 1992. 25 с.
3. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: Норма, 2001. 208 с.
4. Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений: учеб. пособие. Волгоград: Высшая следственная школа МВД России, 1976. 120 с.

5. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. Свердловск, 1969. Вып. 10. С. 204-207.
6. Лебедева А.А. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Безопасность бизнеса. 2018. N 5. С. 40-48.
7. Пионтовский А.А. Курс советского уголовного права: общая часть. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат. 1961. 666 с.
8. Буданова Е.А. Объект и предмет уголовно-правовой охраны преступлений против собственности: современные проблемы квалификации: монография. Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2004. 180 с.
9. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 25 с.
10. Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение. М.: Юрид. лит., 1967. 240 с.
11. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Акад. МВД СССР, 1980. 248 с.
12. Красавчиков О.А. Теория юридических фактов по советскому гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1950. 18 с.
13. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Спорные вопросы учения о правоотношении. М.: Статут, 2000. 777 с.
14. Фролов М.В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 208 с.
15. Кочоян С.М. Уголовная ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества: учеб. пособие. М.: Всесоюзный юрид. заочный ин-т, 1989. 53 с.
16. Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 213 с.
17. Ветюшкина М.М. Ценные бумаги как предмет хищения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 157 с.
18. Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков: Вища школа, 1975. 191 с.
19. Третьяк М.И. Мошенничество как преступление против собственности в современном уголовном праве: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2014. 175 с.
20. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Р.Д. Шарапова. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 583 с.

References

1. Traynin A.N. General doctrine of the corpus delicti. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957. 363 p. (In Russ.).
2. Gaukhman L.D. Object of crime. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1992. 25 p. (In Russ.).
3. Novoselov G.P. The doctrine of the object of crime. Methodological aspects. Moscow, Norma Publ., 2001. 208 p. (In Russ.).
4. Korzhansky N.I. Object of assault and qualification of crimes. Volgograd, Higher Investigative School of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1976. 120 p. (In Russ.).
5. Frolov E.A. Controversial issues of the general doctrine of the object of crime. Collection of scientific papers. Sverdlovsk, 1969. Issue. 10. Pp. 204-207. (In Russ.).
6. Lebedeva A.A. Actual issues of qualification of fraud in the field of computer information. Business Security, 2018, no. 5, pp. 40-48. (In Russ.).
7. Piontkovsky A.A. The course of Soviet criminal law: the general part. The doctrine of a crime in Soviet criminal law. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 666 p. (In Russ.).
8. Budanova E.A. The object and subject of the criminal legal protection of crimes against property: modern problems of qualification. Voronezh, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 180 p. (In Russ.).
9. Yuzhin A.A. Fraud and its types in Russian criminal law. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2016. 25 p. (In Russ.).
10. Braynin Ya.M. Criminal law and its application. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967. 240 p. (In Russ.).
11. Korzhansky N.I. The object and subject of criminal law protection. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980. 248 p. (In Russ.).
12. Krasavchikov O.A. The theory of legal facts in Soviet civil law. Autoabstract Cand. Diss. Sverdlovsk, 1950. 18 p. (In Russ.).
13. Ioffe O.S. Selected works in civil law. Legal relationship in Soviet civil law. Controversial issues of the doctrine of legal relations. Moscow, Statut Publ., 2000. 777 p. (In Russ.).
14. Frolov M.V. Property as a subject of theft: unity and differentiation of civil law and criminal law aspects of the concept. Cand. Diss. Ekaterinburg, 2002. 208 p. (In Russ.).
15. Kochoyan S.M. Criminal liability for petty theft of state or public property. Moscow, All-Union Correspondence Law Institute, 1989. 53 p. (In Russ.).

16. Khabarov A.V. Crimes against property: the effect of civil law regulation. Cand. Diss. Yekaterinburg, 1999. 213 p. (In Russ.).
17. Vetoshkina M.M. Securities as a subject of theft. Cand. Diss. Ekaterinburg, 2001. 157 p. (In Russ.).
18. Pinaev A.A. Criminal law fight against theft. Kharkov, Vishka school, 1975. 191 p. (In Russ.).
19. Tretyak M.I. Fraud as a crime against property in modern criminal law. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 175 p. (In Russ.).
20. The criminal law of Russia. General part. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2013. 583 p. (In Russ.).

ЕЛЧИЕВ М.Ф., ELCHIEV M.F.,
elch2011@yandex.ru, elch2011@yandex.ru
Кафедра уголовного процесса; Chair of criminal procedure;
Саратовская государственная Саратов State Law Academy,
юридическая академия, Volskaya St. 1, Saratov,
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1 410056, Russian Federation

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА ПО УСТРАНЕНИЮ ПРЕПЯТСТВИЙ К РАССМОТРЕНИЮ И РАЗРЕШЕНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ: АНАЛИЗ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемных вопросов, возникающих при принятии судом решения о возвращении уголовного дела прокурору на основании пункта 1 части 1 статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу нарушений, допускаемых следователями при составлении обвинительного заключения. На основании имеющихся в науке уголовного процесса точек зрения, анализа и обобщения материалов правоприменительной практики формулируются предложения, направленные на совершенствование законодательства. По мнению автора статьи, их реализация позволит повысить эффективность деятельности суда по устранению препятствий к рассмотрению и разрешению уголовных дел.

Ключевые слова: суд; деятельность суда; прокурор; возвращение уголовного дела; обвинительное заключение.

Для цитирования: Елчиев М.Ф. Деятельность суда по устранению препятствий к рассмотрению и разрешению уголовных дел: анализ и предложения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (52). С. 125-132.

ACTIVITIES OF THE COURT ON REMOVING THE OBSTACLES TO TRYING AND RESOLVING THE CRIMINAL CASES: ANALYSIS AND PROPOSALS

Annotation. The article is devoted to the study of the problematic issues arising in cases when a court decides to return a criminal case to a prosecutor under paragraph 1 of part 1 of article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to the analysis of the violations committed by investigators when drawing up the indictment. Having analyzed and summarized the scientists' points of view available in the criminal procedure and the materials of law enforcement practice, the author of the article formulates the proposals aimed at improving the legislation. According to the author of the article's opinion, the implementation of these proposals will increase the effectiveness of the activities of the court aimed at removing the obstacles to trying and resolving the criminal cases.

Keywords: court; court activities; prosecutor; return of the criminal case; indictment.

For citation: Elchiev M.F. Activities of the court on removing the obstacles to trying and resolving the criminal cases: analysis and proposals // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2 (52). P. 125-132.

Защита конституционных прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве определяет смысл процессуальной деятельности. Непременным условием соблюдения законности, обеспечения прав личности выступает качественное и объективное расследование уголовных дел, поскольку лишь полно и надлежащим образом проведенное следствие является базисом для вынесения законного и справедливого судебного решения, основанного на качественно собранных и

закрепленных доказательствах, полностью отражающих все обстоятельства дела.

Однако изучение следственной и судебной практики свидетельствует о наличии многочисленных нарушений закона, положений Конституции Российской Федерации, международных правовых норм при расследовании уголовных дел, которые препятствуют их рассмотрению и разрешению в суде. Вместе с тем суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение

требований, необходимых для вынесения правосудного решения по делу, поэтому особое место в системе уголовно-процессуальных отношений занимает его деятельность по своевременному выявлению и устранению препятствий к рассмотрению и разрешению уголовных дел в целях обеспечения законности и гарантий соблюдения прав граждан.

Согласно ст. 237 УПК РФ допускается возвращение судом уголовного дела для устранения препятствий к его рассмотрению, если будут выявлены существенные нарушения, которые посредством лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения его процедуры или иначе повлияли или могли повлиять на вынесение законного и справедливого судебного решения, и исправление которых возможно только в результате возвращения дела прокурору.

Отмечая высокую социальную значимость института возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий, следует указать также на все возрастающее количество проблемных вопросов при принятии судом мер к устранению допущенных в ходе предварительного следствия нарушений. Как одну из наиболее актуальных следует выделить проблему толкования и применения положений п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, предусматривающего возвращение уголовных дел прокурору для устранения препятствий в случае составления обвинительного заключения с нарушением требований УПК РФ, исключающим возможность постановления судом приговора. Кроме того, остается открытым вопрос возвращения уголовных дел для устранения иных существенных нарушений процессуального закона, который до настоящего времени четко не урегулирован в законодательстве. В связи с этим представляется необходимой разработка оптимальной процедуры устранения нарушений, препятствующих рассмотрению и разрешению уголовных дел.

Среди нарушений, являющихся причинами возвращения уголовных дел для устранения препятствий их рассмотрения судом, выделяются:

— нарушения, связанные с несоблюдением требований положений ст. 220

УПК РФ к форме и содержанию итогового процессуального акта;

— иные существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные в ходе предварительного следствия, которые исключают возможность принятия судом решения по существу дела.

Согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. N 18-П существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые не могут быть устранены в судебном заседании и исключают принятие по делу судебного решения, всегда свидетельствуют о несоответствии обвинительного заключения требованиям УПК РФ*.

Предлагаемая дифференциация нарушений позволяет более предметно судить о качестве предварительного следствия и нарушениях, допускаемых при его производстве.

В процессе исследования нами проанализировано 100 уголовных дел, возвращенных прокурорам прокуратур Самарской и Саратовской областей. Кроме того, обобщено 6 обзоров судебной практики по применению положений ст. 237 УПК РФ. Наиболее часто (в 63 % случаев) изученные уголовные дела возвращались прокурору в связи с нарушениями, допущенными при составлении обвинительного заключения. Это обусловлено значением обвинительного заключения. В нем подлежат обязательному указанию основные обстоятельства, имеющие значение для дела (существо обвинения, его объем, квалификация инкриминируемого деяния, перечень доказательств, на который ссылаются участники в подтверждение своей позиции, и их краткое изложение). Обвинительное заключение устанавливает пределы судебного разбирательства, которое производится только в отношении обвиняемого и лишь по тому обвинению, которое было ему предъявлено. Суд не

* По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 дек. 2003 г. N 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вправе выйти за рамки сформулированного обвинения как в части, касающейся его фактической стороны, так и в части квалификации содеянного. Помимо основных обстоятельств, подлежащих перечислению в обвинительном заключении, в его структуру должны быть включены другие положения, предусмотренные чч. 2, 3, 4, 5, 5.1, 6 ст. 220 УПК РФ. Отступление от этих положений объективно создает препятствие для рассмотрения и разрешения дела судом по существу.

О.Ю. Васильев, исходя из требований, предъявляемых к составлению обвинительного заключения, выделяет следующие нарушения требований процессуального закона:

- предъявляемые к содержанию обвинительного заключения;
- предъявляемые к форме обвинительного заключения;
- иные нарушения, не относящиеся к существу обвинения, но препятствующие разрешению уголовного дела [1, с. 28].

Исследование возвращенных судами уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что значительная их часть возвращалась в связи с недостатками и упущениями при описании в обвинительном заключении фабулы и сущности обвинения (56 %). При этом, как отмечается в литературе, в обвинительном заключении виновность обвиняемого должна быть обоснована достоверно и убедительно [2, с. 34]. Судами в качестве таких нарушений указывалось:

- несоответствие сформулированных в обвинительном заключении или установленных судом фактических обстоятельств преступления диспозиции конкретной нормы уголовного закона либо ее юридической квалификации;
- несогласованность юридической квалификации с существом обвинения;
- неконкретное изложение в обвинительном заключении фактических обстоятельств инкриминируемого преступления;
- допущение противоречивых формулировок при изложении сущности обвинения;
- отсутствие указания на конкретную статью (часть, пункт статьи) уголовного закона;
- отсутствие указания на обстоятельство, образующие событие преступления

(место, время, способ совершения преступления), а также на другие основные обстоятельства, имеющие значение для дела;

- нераскрытие признаков в части, касающейся квалификации содеянного.

К наиболее распространенным нарушениям, допускаемым при составлении обвинительного заключения, относится также неправильное указание следователем обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, место регистрации и жительства, место работы и род занятий, образование, семейное положение, сведения о прежних судимостях) (14 %).

Еще одним нарушением, влекущим возвращение уголовного дела прокурору, является неверное изложение сведений о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением, данные о гражданском истце и гражданском ответчике (13 %).

Следует отметить также, что в итоговом процессуальном акте перечисляется круг доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого в инкриминируемом ему деянии [3, с. 72]. Доказательства для подтверждения выводов следователя должны быть приведены по определенной системе, при этом их хаотичное и бессистемное изложение недопустимо [4, с. 103]. Тем не менее в обвинительном заключении следователями допускаются ошибки, связанные с указанием перечня доказательств, подтверждающих обвинение, или тех доказательств, на которые ссылается сторона защиты, без раскрытия краткой формулировки их содержания (4 %).

Кроме того, безусловным основанием для возвращения дел прокурору признавались: отсутствие копий приговоров в отношении обвиняемого, судимости которого не погашены, копий решений суда об условно-досрочном освобождении, неточности при составлении списка подлежащих вызову в судебное заседание лиц (неполнота списка, неверное указание их места жительства и (или) места нахождения) (0,8 %) и др.

Имелись случаи ненадлежащего оформления обвинительного заключения: отсутствие подписи следователя (0,6 %), отсутствие подписи прокурора в графе «Утверждаю» (0,5 %).

Вместе с тем во многих уголовных делах следователями допускались и другие ошибки (копии документов в выделяемом деле не заверены надлежащим образом, ссылки на листы дела в обвинительном заключении не соответствуют действительной нумерации находящихся в деле материалов, к материалам дела приобщены нечитаемые копии документов и т.д.).

Наряду с указанными нарушениями часто причиной возвращения дела прокурору являются существенные нарушения процессуального закона, в том числе прав обвиняемого (потерпевшего). «Суды вынуждены называть в качестве основания возвращения дела п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ... хотя в этом случае основанием фактически выступает именно существенное нарушение закона, допущенное в ходе производства предварительного расследования, в результате которого нарушены права и законные интересы участников уголовного судопроизводства» [5, с. 26].

Судебная практика выработала единообразную принципиальную оценку этих нарушений при проверке качества произведенного расследования. Дело подлежит направлению прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению, если при производстве предварительного следствия допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, неустранимые в судебном заседании: 1) неознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела в полном объеме, а также с вещественными доказательствами; 2) непредоставление обвиняемому, не владеющему русским языком, права на пользование помощью переводчика; 3) необеспечение обвиняемому права на защиту; 4) осуществление адвокатом защиты двух или более обвиняемых, между интересами которых имеются противоречия; 5) проведение процессуальных действий по делу, включая предъявление обвинения и составление итогового процессуального документа по окончании установленных сроков следствия; 6) направление дела в суд без соблюдения правил подсудности. Разумеется, в каждом конкретном уголовном деле, помимо перечисленных, существенными могут оказаться и другие нарушения процессуального закона.

Типичным примером может служить постановление Самарского районного суда г. Самары, которым прокурору возвращено уголовное дело в отношении Г. и К., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. При рассмотрении дела в суде подсудимым Г. были представлены сведения, подтверждающие, что в момент совершения преступления он находился в Республике Алания и не мог быть причастен к совершению преступления. Принимая решение о возвращении дела прокурору, суд указал, что заявленное алиби не может быть им проверено ввиду отсутствия полномочий по проведению расследования по установлению доводов подсудимого Г.*

Кроме того, в качестве нарушения, препятствующего рассмотрению дела, судами указывалось нарушение установленного порядка продления срока предварительного следствия. Например, постановлением Октябрьского районного суда г. Саратова прокурору возвращено уголовное дело в отношении У., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 158 (5 составов), п. «б» ч. 2 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. На предварительном слушании прокурором было высказано мнение о необходимости возвращения дела для устранения препятствий вследствие неправильного исчисления продления сроков предварительного следствия после соединения уголовных дел в одно производство**.

Совершенно очевидно, что действующее законодательство предоставляет широкие возможности применения требований п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. На наш взгляд, необходимо предусмотреть на законодательном уровне в качестве самостоятельного основания для направления дела прокурору случаи допущения на стадии предварительного следствия существенных нарушений процессуального закона, существенного ограничения прав потерпевшего либо нарушения прав и интересов обвиняемого, неустранимых в су-

* Уголовное дело N 1-209/14 // Архив Самарского районного суда г. Самары.

** Уголовное дело N 1-56/2019 // Архив Октябрьского районного суда г. Саратова.

дебном производстве. Данное дополнение закона следует рассматривать как серьезную юридическую гарантию прав участников процесса.

Несомненно, существующая модель устранения выявленных нарушений в судебном производстве позволяет судам часто любое нарушение закона трактовать как непреодолимое препятствие для рассмотрения дела по существу [6, с. 407]. Напомним, что в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ допускается возвращение уголовного дела судом в том случае, если налицо нарушение формы и содержания обвинительного заключения, устранение которого возможно только в результате возвращения дела прокурору для устранения выявленных препятствий. В связи с этим при оценке требований ст. 220 УПК РФ судам следует исходить из того, в какой мере данное нарушение объективно препятствует разрешению уголовного дела [7, с. 48]. Основаниями для возвращения дел прокурору должны выступать реальные, а не мнимые препятствия.

Следовательно, целесообразнее пойти по пути законодательного закрепления правила, касающегося определения нарушений как неустранимых в судебном производстве. Под неустранимыми в судебном производстве следует признавать такие существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса или иным образом препятствуют или могут препятствовать постановлению законного и справедливого приговора. Исправление данных нарушений не представляется возможным на предварительном слушании и в судебном заседании. Иное свидетельствовало бы о возложении на суд в той или иной степени несвойственной ему функции и нарушении принципа состязательности и других конституционных начал уголовного судопроизводства.

Нельзя считать абсолютным основанием для возвращения уголовного дела прокурору отсутствие в обвинительном заключении указаний на смягчающие и отягчающие обстоятельства. Тот факт, что следователь не указал эти данные, хотя и является нарушением требований к структуре обвинительного заключения и формально

может признаваться основанием для возвращения дела прокурору, однако не препятствует выявлению судом этих обстоятельств в судебном заседании [8, с. 48].

П. Морозов также справедливо отмечает, что неуказание в обвинительном заключении сведений о судимости, информации о месте нахождения обвиняемого и некоторых данных о потерпевшем может быть восполнено путем предоставления необходимых сведений государственным обвинителем в судебном заседании. Однако судами эти и другие разнообразие обстоятельства, не имеющие значения для рассмотрения и разрешения дела, расцениваются как непреодолимые препятствия [9, с. 37].

Учитывая важность совершенствования деятельности суда по устранению препятствий к рассмотрению и разрешению уголовных дел, в 2017 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснение о том, что при отсутствии в материалах дела документов, позволяющих установить личность подсудимого, либо если достоверность персональных данных о нем вызывает сомнения, суд в подготовительной части судебного заседания предлагает государственному обвинителю предоставить необходимые документы для устранения препятствий к судебному разбирательству.

Кроме того, в судебном следствии суд обязан самостоятельно выяснить обстоятельства, характеризующие личность подсудимого и имеющие значение для постановления итогового судебного решения*. Таким образом, суду на данной стадии процесса предоставлено важное правовое средство, позволяющее устранить недостатки следствия без направления уголовного дела прокурору.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что в деятельности органов предварительного расследования при формировании материалов дела, составлении основных процессуальных

* См.: О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2017 г. N 51. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

документов до сих пор распространены недостатки и упущения, связанные с так называемыми техническими ошибками [10, с. 28]. Например, при допущении следователем при составлении обвинительного заключения технической ошибки (неверное указание даты его составления), что достоверно было установлено на предварительном слушании, суд принял решение о возвращении дела прокурору для устранения препятствий [11, с. 40-41].

В связи с этим полагаем, что суд при принятии в соответствии с уголовно-процессуальным законом мер по устранению допущенных в обвинительном заключении нарушений должен в обязательном порядке учитывать качественные характеристики этих нарушений. Практика реализации рассматриваемой нормы показала, что значительная часть нарушений выражалась в неточностях при указании места и времени совершения преступления, установочных данных обвиняемого, потерпевшего и других участников процесса; в неполноте списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, прилагаемого к обвинительному заключению, ставших возможными в результате невнимательности и личной неорганизованности следователей. При этом все указанные обстоятельства установлены правильно и в полном объеме материалами уголовного дела.

Представляется, что природа данных нарушений, явившихся основанием для возвращения уголовного дела прокурору, свидетельствует о целесообразности их исправления в рамках судебного производства. Анализ нарушений показал, что их устранение возможно путем предоставления в суд уточняющих сведений без осуществления комплекса мероприятий и привлечения сторон правоотношений. Тем самым процедура предварительного следствия приводится в соответствие с требованиями уголовно-процессуального закона.

С. Бурмагин, например, указывает: «могут возникнуть ситуации, когда сведения о личности обвиняемого указаны неверно лишь в одной части обвинительного заключения, а в остальной части текста — правильно. Разовое искажение фамилии в тексте заключения возможно расценить как явную техническую ошибку (описку). В этом случае нет необходимости пере-

составлять обвинительное заключение и, следовательно, отсутствуют основания для возвращения дела прокурору...» [12, с. 61].

В определенных случаях место и время совершения преступления могут уточняться самим судом без возвращения уголовного дела прокурору. Например, постановлением Атюрьевского районного суда Республики Мордовия прокурору возвращено уголовное дело в отношении М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Основанием послужило то, что в постановлении о предъявлении обвинения и в обвинительном заключении в фактуре обвинения указание места совершения преступления не соответствовало материалам уголовного дела и данным, установленным в ходе судебного следствия. Суд апелляционной инстанции не обнаружил препятствий для рассмотрения дела и отменил постановление, установив, что неточное указание адреса совершения преступления стало возможным ввиду технической ошибки*.

Другой пример. 26 сентября 2019 г. Хабаровским краевым судом отменено постановление Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре в части возвращения уголовного дела прокурору в отношении Б. в связи с существенными нарушениями требований уголовно-процессуального законодательства, а именно отсутствием в материалах уголовного дела постановления о поручении предварительного следствия и постановления о принятии следователем уголовного дела к производству. Суд согласился с доводами помощника прокурора, который в апелляционном представлении указал, что копии данных процессуальных документов были направлены прокурору для формирования надзорного производства, отсутствие оригиналов этих документов в материалах дела является технической ошибкой и не нарушает права участников уголовного судопроизводства, не является препятствием вынесения по делу судебного решения и могло быть устранено в судебном заседании посредством

* Обзор судебной практики возвращения уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (по уголовным делам за 2017-2018 гг.) // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. URL: <https://files.sudrf.ru>

их запроса из надзорного производства прокурора*.

Вполне очевидно, что необоснованное возвращение уголовных дел порождает задержки в их рассмотрении, подрывает авторитет не только следственных, но и судебных органов, снижает эффективность борьбы с преступностью и наносит ущерб правосудию в целом.

На наш взгляд, в современных условиях деятельность суда по устранению препятствий необходимо совершенствовать в части значительного расширения полномочий прокурора в судебном производстве, позволяющих самостоятельно по предложению суда для устранения нарушений, препятствующих рассмотрению дела, предоставить уточняющую информацию обо всех лицах и обстоятельствах, изложенных в обвинительном заключении, без возвращения уголовного дела. Процессуально такая информация может быть оформлена в виде документа, именуемого «дополнение к обвинительному заключению». Обеспечивая устранение выявленных недостатков в обвинительном заключении, восполнение необходимых сведений государственным обвинителем будет осуществлено с учетом возможностей современных технических средств. В связи с цифровизацией, в том числе и уголовного судопроизводства, в ходе расследования по делу процессуальные документы оформляются в электронном виде, производится сканирование других необходимых документов, поэтому почти все материалы дела дублируются и сохраняются на электронных носителях. Применение данного механизма предполагает повышение эффективности устранения препятствий в судебном производстве, способствует упрощению процедуры исправления недостатков в обвинительном заключении. Это особенно важно для своевременной и надежной защиты прав участников уголовного судопроизводства.

Разумеется, подобное нововведение может вызвать многие возражения. По нашему мнению, сформулированные рекомендации по совершенствованию возвращения уголовного дела судом прокурору

не отразятся на объективности и беспристрастности суда. Наоборот, во-первых, активность суда в решении вопроса о проверке обвинительного заключения и его соответствии требованиям закона отвечает специфике отечественного уголовного судопроизводства, так как направлена на обеспечение возможности беспрепятственного исследования процессуальных документов. Во-вторых, предлагаемая процедура обеспечит дополнительные гарантии охраны прав и законных интересов обвиняемых лиц и других участников процесса и исключит необоснованные случаи возвращения уголовных дел прокурору по формальным основаниям. В-третьих, она имеет большое значение для исключения излишних задержек в рассмотрении уголовных дел и обеспечения правосудия в точном соответствии с основополагающими принципами уголовного судопроизводства.

Таким образом, в качестве основных результатов проведенного исследования можно обозначить следующее:

1) закрепление в действующем законодательстве предлагаемого понятия «дополнение к обвинительному заключению» как элемента устранения выявленных нарушений в итоговом процессуальном акте в судебном производстве обеспечит упрощение процедуры устранения препятствий по уголовным делам и исключит необоснованную задержку рассмотрения и разрешения уголовных дел;

2) необходимо предусмотреть на законодательном уровне в качестве самостоятельного основания для возвращения уголовного дела прокурору случаев допущения на стадии предварительного следствия существенных нарушений уголовно-процессуального закона, существенного ограничения прав потерпевшего либо нарушения прав и интересов обвиняемого, неустранимых в судебном производстве;

3) необходимо закрепление в законе положения, определяющего, что неустранимыми в судебном производстве признаются такие существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса или иным образом препятствуют или могут препятствовать постановлению законного и справедливого приговора. Их исправление не представляется возможным на предвари-

* Апелляционное постановление от 26 сент. 2019 г. N 22-3266/2019 по делу N 22-3266/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://sudact.ru>

тельном слушании и в судебном заседании. Иное свидетельствовало бы о возложении на суд в той или иной степени несвойственной ему функции и нарушении принципа состязательности и других конституционных начал уголовного судопроизводства.

Сформулированные предложения обусловлены стремлением к совершенствованию деятельности суда по устранению препятствий к рассмотрению и разрешению уголовных дел.

Список литературы

1. Васильев О.Ю. Составление обвинительного заключения (акта, постановления) с нарушением требований УПК РФ как основание возвращения уголовного дела прокурору // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2014. N 2 (15). С. 27-36.
2. Шуваткин А. Составление обвинительного заключения // Законность. 2003. N 5. С. 34-35.
3. Поперечный А.А. Значение и содержание обвинительного заключения // Эпоха науки. 2017. N 9. С. 71-74.
4. Белицкий В.Ю. К вопросу о назначении и содержании обвинительного заключения // Вестник Востоочно-Сибирского института МВД России. 2018. N 3 (86). С. 100-108.
5. Шиплюк В.А. Существенное нарушение норм уголовно-процессуального и материального законодательства как основание возвращения уголовного дела судом прокурору // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2011. N 1. С. 24-32.
6. Рябинина Т.К. Особенности принятия судом решения о возвращении уголовного дела прокурору по п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юридических наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской: сб. науч. тр. М., 2011. С. 404-411.
7. Калинкина Л.Д. Проблемы возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом // Вестник экономики, права и социологии. 2007. N 4. С. 46-54.
8. Дяденькин С.В. Основания для возвращения уголовных дел прокурору // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2008. N 28. С. 46-49.
9. Морозов П. Трансформация института возвращения судом уголовного дела прокурору // Законность. 2005. N 8. С. 36-38.
10. Сабанин А.С. Причины возвращения прокурорам уголовных дел судами в порядке, предусмотренном статьей 237 УПК РФ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. N 1. С. 26-29.
11. Тугутов Б.А. Возращение уголовного дела судом прокурору // Законность. 2012. N 8. С. 40-42.
12. Бурмагин С. Возвращение уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (комментарий судебной практики) // Российская юстиция. 2005. N 1-2. С. 59-73.

References

1. Vasil'ev O.Yu. Drafting of the indictment (act, decree) in violation of the code of criminal procedure as basis for the return of criminal case to the prosecutor. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014, no. 2 (15), pp. 27-36. (In Russ.).
2. Shuvatkin A. Making of indictment. Legality, 2003, no. 5, pp. 34-35. (In Russ.).
3. Poperechny A.A. Meaning and content of the indictment. The Age of science, 2017, no. 9, pp. 71-74. (In Russ.).
4. Belitskiy V.Yu. On the issue of the appointment and content of the indictment. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2018, no. 3 (86), pp. 100-108. (In Russ.).
5. Shiplyuk V.A. Substantial violation of the norms of criminal procedure and material legislation as the basis for returning the criminal case by the court to the prosecutor. Electronic supplement to the "Russian legal journal", 2011, no. 1, pp. 24-32. (In Russ.).
6. Ryabinina T.K. Features of the courts decision to returning the criminal case to the prosecutor to paragraph 1 part 1 article 237 of the Criminal procedure code of the Russian Federation. Proving and decision-making in modern criminal proceedings: materials of international scientific-practical conference dedicated to the memory of Doctor of Legal Sciences, Professor Polina Abramovna Lupinskaya. Moscow, 2011. Pp. 404-411. (In Russ.).
7. Kalinkina L.D. Problems of returning a criminal case to the prosecutor to eliminate obstacles to its consideration by the court. Bulletin of economy, law and sociology, 2007, no. 4, pp. 46-54. (In Russ.).
8. Dyaden'kin S.V. Reasons for returning criminal cases to prosecutor. Bulletin of the South Ural State University. Series: Law, 2008, no. 28, pp. 46-49. (In Russ.).
9. Morozov P. Transformation of the institution of returning a criminal case by court to a prosecutor. Legality, 2005, no. 8, pp. 36-38. (In Russ.).
10. Sabanin A.S. Reasons for the return of Prosecutor of criminal cases by the courts in the manner prescribed by article 237 of the Criminal procedure code of the Russian Federation. Bulletin of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 1, pp. 26-29. (In Russ.).
11. Tugutov B.A. Return of the criminal case by court to the prosecutor. Legality, 2012, no. 8, pp. 40-42. (In Russ.).
12. Burmagin S. Return of criminal cases to the Prosecutor in accordance with article 237 of the code of criminal procedure (commentary on judicial practice). Russian justice, 2005, no. 1-2, pp. 59-73. (In Russ.).